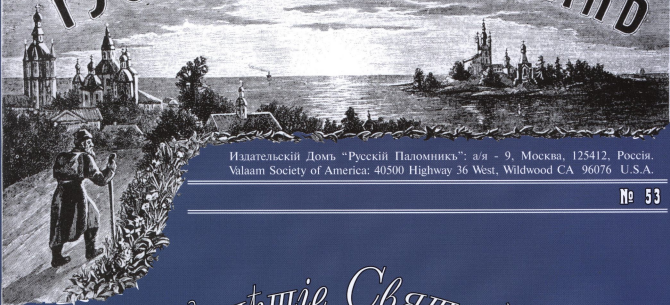

РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ

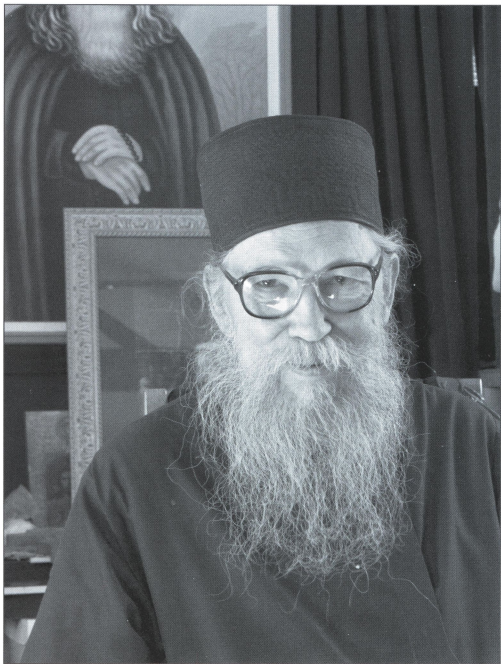
Издательскій Домъ "Русскій Паломникъ": а/я - 9, Москва, 125412, Россія.
Valaam Society of America: 40500 Highway 36 West, Wildwood CA 96076 U.S.A.

№ 53

1025-лѣтіе Святой Руси

ST. EUPRAXIA OF OLD LADOGA

Игумень ГЕРМАНЬ (ПОДМОШЕНСКИЙ), 2010 г.

НА ОБЛОЖКЪ: Старица ЕВПРАКСИЯ СТАРОЛАДОЖСКАЯ. Иконописное изображение Старицы к ея прославлению Русскаго Иконописца Виталия Борисова. Фреска на сводах храма Валаамскихъ Святыхъ въ монастырь Прп. Германа Алексинскаго въ Платинѣ, Калифорнiя.

ВНУТРИ ЗАДНЕЙ ОБЛОЖКИ: 300-лѣтiе АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОЙ ЛАВРЫ. Крестный ходъ въ Санктъ-Петербургѣ. *Фоторепортажъ.*

НА ЗАДНЕЙ ОБЛОЖКЪ: Его Императорское Величество Государь ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ Самолержеть Всероссiйскiй. Художникъ Борись Михайловичъ Кустодиень. 1915. Хромолитографiя. Государственный Русскiй музей, Санктъ-Петербургъ.

НА БЕРЕГУ БОЖИЕЙ РЫБИ

Тотъ, кто любить Святыхъ

Памяти Игумена Германа (Подмошенскаго)

† 30-го Июня (1934–2014)

*Есть святые во сердце звуки,—
Дай для нихъ языкъ!* И. А. Бунинъ

ПРОШЛО сорокъ дней со дня смерти нашего дорогаго Батюшки О. Германа (Подмошенскаго), главнаго редактора, вдохновителя и составителя журнала, который вы держите въ рукахъ. Большое видится издалика, и, очевидно, должно пройти время, чтобы осмыслить, записать и понять великую жизнь, которую прожилъ Отецъ Германъ и которая перешла въ свою небесную, вѣчную фазу. Нельзя изчислить ни количествомъ изданій или основанныхъ монастырей, ни даже количествомъ людей, вдохновленныхъ къ жизни христанской, мѣру величія челоука. У Бога свой счетъ. И одна единственная спасенная жизнь неоцѣнима, а именно о ней, о жизни своей, я могу свидѣльствовать.

Батюшка мирно отошелъ ко Господу утромъ 30-го Июня, сразу послѣ празднованія 20-лѣтня прославленія Святителя Иоанна Шанхайскаго которое въ этотъ годъ было перенесено на 29-ое Июня. Гробъ съ его тѣломъ прибылъ въ Санъ-Франциско 2-го Июля, точно въ день преставленія Святителя, прославленію котораго была посвящена огромная часть Батюшкиной жизни. Такъ, напримеръ, въ Россіи широко узнали о Святителѣ изъ составленной имъ, вмѣстѣ со своимъ духовнымъ братомъ О. Серафимомъ (Роузюмъ) книги «Блаженный Святитель Иоаннъ Чудотворецъ». А сороковой день пришелъ на канунъ празднованія памяти другаго Американскаго святаго, прославленію котораго мы тоже обязаны О. Герману, небеснаго

покровителя основаннаго батюшкой Братства и монастыря, его покровителя въ монашествѣ — преподобнаго Германа Аляксинскаго.

Не менѣе чудеснымъ оказалось и то, гдѣ Батюшка былъ похороненъ. Много разъ онъ говорилъ, что хочетъ быть похороненъ въ своемъ монастырѣ въ Платинѣ или въ Россіи. Но упокоился онъ въ «Русской Калифорніи». Недалеко отъ Санта Розы есть городокъ — Севастополь, названный такъ въ честь легендарнаго русскаго Севастополя. Тамъ, недалеко отъ Русской рѣчки и находится сейчасъ могила дорогаго батюшки.

«Послѣдніе часы своей жизни Батюшка посвящалъ работѣ надъ «Русскимъ Паломникомъ», — свидѣльствуетъ вѣрное батюшкино чмо Галина. Такъ дорогъ былъ этотъ журналъ О. Герману, что несмотря на болѣзнь и почти полную невозможность двигаться, Батюшка составилъ этотъ номеръ полностью, отъ первой до послѣдней страницы. Одинъ священникъ изъ Россіи назвалъ этотъ журналъ «Live Journal» Отца Германа, его личнымъ дневникомъ. Вѣдь каждая страница его была вымолена, выстрадана дорогаимъ Батюшкой, наполнена его вѣрой и любовью. Любовью къ читателямъ, для которыхъ журналъ издавался, вѣдь со многими онъ былъ въ личномъ общеніи. Почти все слышали отъ О. Германа: «Что мнѣ сказать въ «Русскомъ Паломникѣ»? — съ этимъ вопросомъ онъ обращался всегда и ко всемъ. И особенною любовью къ тѣмъ, кѣмъ былъ наполненъ этотъ журналъ, чьими молитвами онъ существовалъ и мѣнялъ жизни міромъ отверженныхъ — любовью къ Святымъ Божиимъ людямъ. И какъ-то самъ Отецъ Германъ охарактеризовалъ себя, желая чтобы на крестѣ надъ его могилой было написано: «Тотъ, кто любить святыхъ».

Димитрій Родіоновъ

Схигомен ГАВРИИЛ СЕДМІЕЗЕРНЫЙ. 1910 г.

Воскресенье, 10-го июля 1910 года. Схигомен Гавриил Седмиезерный, настоятель Седмиезерского монастыря, в сопровождении иеромонаха Григория и монаха Василия, выехали из монастыря в Москву. Вечером 11-го июля они прибыли в Москву. Схигомен Гавриил Седмиезерный, настоятель Седмиезерского монастыря, в сопровождении иеромонаха Григория и монаха Василия, выехали из монастыря в Москву. Вечером 11-го июля они прибыли в Москву.

НА БЕРЕГУ БОЖЕЙ РЪКИ

ЕДИНЬ ОТЬ ДРЕВНИХЪ

СУЩЕСТВУЕТЪ подь такимъ названіемъ биографія Геросхимонаха Гавріила Казанскаго изъ Спасо-Елизаровой Пустыни, ставшая библиографической рѣдкостью изъ-за гоненія на Православное Христіанство въ Россіи насильственно водвореннымъ богоборческой властью. Старець Гавріиль былъ воспитанъ въ Православной вѣрѣ. Происходилъ онъ изъ вступоющей среды Казанской епархіи. Духовно монашеские возрастанія въ Оптиной Пустыни, но не остался въ ней по причинѣ необходимости пройти серію испытаній, пока не возмужалъ до подлиннаго старца. Ниже приводятся главы изъ двухъ биографій, относящихся къ концу его жизни, отъ авторовъ О. Симеона (Холмогорова) и О. Варнавы (Бляева).

Седмезерная Пустынь на территории Казанской епархіи изъ древнихъ времени была мѣстомъ пребыванія чудотворной иконы Божіей Матери Смоленской. Одно изъ первыхъ монашескихъ послушаній было дано О. Тихону (монашеское имя Гавріила до схимы) сопровождать эту народную святыню по мѣстамъ и деревнямъ среди мѣстнаго населенія. Ниже приводится часть книги О. Варнавы (Бляева).

4. Старець Гавріиль Седмезерной Пустыни

Память 24-го Сентября (1844—1915)

1. ВЪРА РУССКАГО НАРОДА

ВНИГА жизнеописаніе въ Божь почившаго Схіархимандрита Гавріила разсыкивалась для переизданія долгое время во многихъ міровыхъ книгохранилищахъ: и въ Парижѣ, и въ Вашингтонѣ; эту книгу искали и на Авоонѣ, и въ Финляндіи, спрашивали ее у многихъ книгопродавцовъ — и только теперь, когда приблизилось 50-лѣтіе со дня успѣнія Старца (24-го Сентября 1915 года) и наступило 120-лѣтіе со дня его рожденія (14-го Марта 1844 г.) удалось неожиданно обрѣсти эту драгоценную и рѣдчайшую книгу.

Старець Гавріиль, положившій начало своего монашескаго пути въ Оптиной Пустыни подь руководствомъ великаго Старца Амвросія Оптинскаго, воплотилъ въ себѣ и осуществилъ духъ оптинскаго монашества, иначе говоря, духъ древнихъ восточныхъ аскетовъ, какими были святые Антоній Великій, Макарій Великій, Іоаннъ Лѣстничникъ и другіе, ученіе которыхъ возобновили въ русскомъ монашествѣ ученики Старца Папія Величковскаго. Согласно ученію этихъ древнихъ подвижниковъ, надлежало очистить сердце отъ страстей при

содѣйствіи молитвы Иисусовой и откровенія помысловъ старцу — опытному руководителю — и этимъ путемъ достигнуть сердечной чистоты, привлекающей благодать Духа Святаго, дарующаго прозорливость и способность передавать ближнимъ непосредственную волю Божію, исцѣлять недужныхъ, изгонять бѣсовъ и другіе дары. Это ученіе, называемое въ монашествѣ «умнымъ дѣланіемъ», особенно укрѣпилось въ Оптиной Пустыни, гдѣ процвѣтало до самого разгрома этой святой обители коммунистами. Это дѣланіе, ведущее къ непосредственному Богообшенію, является отъ древнихъ времени и донинѣ достояніемъ только одного Православія.

Такимъ свѣтильникомъ, горящимъ и свѣтшимъ, и былъ Старець Гавріиль. Онъ былъ на закатѣ Святой Руси истиннымъ духовнымъ вождемъ многочисленныхъ духовныхъ и мірскихъ лицъ. Въ бытность свою въ Седмезерной Пустыни въ Казанской губерніи, Старець былъ духовнымъ руководителемъ большаго числа студентовъ Казанской Духовной Академіи, изъ среды которыхъ вышли многие архіереи. Упомянемъ нѣкоторыхъ намъ извѣстныхъ его учениковъ. Однимъ изъ таковыхъ былъ Архіепископъ Тихонъ Санъ-Францискскій, который при постриженіи въ монашество принялъ то имя, которое носилъ Старець до пострижения своего въ схиму. Затѣмъ, на Дальнемъ Востокѣ былъ извѣстенъ Епископъ Іона Хайларскій, умершій

молодым, но еще при жизни своей почитаемый святым. Онъ, по преставленіи своемъ, явился мальчику, больному ногами, и исцѣлил его, говоря: «Возьми мои ноги, они мнѣ больше не нужны». Тамъ же въ Сибиріи и въ Китаѣ жилъ Митрополитъ Мелетій, при постриженіи его въ монашество Старецъ Гавріилъ былъ его воспріимникомъ. Самъ Владыка Мелетій былъ тоже подвижникъ и праведникъ.

Мы знаемъ также, что мученица Великая Княгиня Елизавета Феодоровна была почитательницей и ученицей Старца Гавріила. Но однимъ изъ самыхъ приближенныхъ къ нему лицъ былъ его жизнеописатель, Архимандритъ Симеонъ, который жилъ при Старцѣ въ Спасо-Елеазаровой Пустыни, куда О. Гавріилъ прибылъ изъ Седмиезерной Пустыни, когда на него было воздвигнуто тѣнение. Ввиду своей особой близости къ Старцу, О. Симеонъ сложилъ въ сердца своемъ все, что касалось жизни его наставника: его воспоминанія, духовные переживанія, описанія дивныхъ видѣній и созерцаній, мудрыхъ бесѣдъ и наставленій. Самъ О. Симеонъ былъ также не чуждъ духовной жизни, благодаря чему онъ могъ воспринимать все слышанное и позднѣе передать на бумагѣ. Наконецъ, назовемъ имя нынѣ здравствующаго ученика Старца Гавріила, а именно Отца Архимандрита Поликарпа, которому Богъ помогъ сохранить эту книгу и привезти ее въ Америку.

Въ заключеніи нелишнимъ будетъ привести слова очевидца, имѣвшаго счастье личнаго общенія со Старцемъ: «Кто хоть разъ видѣлъ Схіархимандрита Гавріила, тотъ не можетъ не помнить маститаго, убѣленнаго сѣдинами старца, его ясныхъ голубыхъ глазъ и свѣтлой улыбки на лицѣ. При видѣ Батюшки не чувствовалось никакой важности, ни строгости, свойственныхъ лицу Старца, да еще человѣка высокаго роста и полного тѣлосложенія, каковымъ былъ почившій.

Старецъ Гавріилъ былъ весь — дѣтская простота, всепрощающая любовь и ничѣмъ не возмутимая кротость. Любовь во всѣхъ ея чистыхъ и святыхъ проявленіяхъ у человѣка — не свое, не отъ него, — она есть даръ Божій. Этотъ даръ благодатной любви въ изобиліи излился отъ Духа Святаго на Отца Гавріила, и вотъ почему всѣмъ около него было такъ хорошо,

такъ радостно, такъ уютно. Онъ, по вѣрному слову одной его высокой постытительницы, умѣлъ утѣшать. И однако же въ мягкости Старца, въ его любовномъ и снисходительномъ отношеніи къ людямъ не было ничего лицемѣрнаго, дѣланнаго, искусственнаго. Все у него было такъ просто и свято, чисто и непосредственно, полно любви и назиданія... Въ жизни Старца Гавріила мы видимъ непосредственное ощущеніе Бога, зрѣніе иного міра, знаніе душъ человѣческихъ и чужихъ мыслей, прозрѣніе въ будущее, даже проникновеніе отчасти въ тайну смерти и за вѣсѣея въ жизнь загробную, по всѣму этому почившій Старецъ — одинъ изъ древнихъ... И при этомъ онъ жилъ такъ недавно, въ наши дни и среди насъ...
И. М. Концевичъ

2. СВѢТЬ БОГОРОДИЦЫ

Настоятелемъ Седмиезерной пустыни считался Казанскій архіерей, а фактически управляющимъ былъ его намѣстникъ архимандритъ. Главная святыня монастыря — древній образъ Божіей Матери Смоленской-Седмиезерной.

Насколько велика была чудотворная сила этой святой иконы, мы увидимъ дальше изъ удивительнаго описанія ее въ книгѣ Максима Горькаго «Исповѣдь», довольно (или вполне) безнравственной. Но какъ я уже не разъ говорилъ, я люблю контрасты и сопоставленія. Они яснѣе подчеркиваютъ добродѣтель и Божій Промыселъ о насъ.

По прибытіи въ пустынь О. Тихонъ, когда хорошее начальство къ нему приглядѣлось, былъ назначенъ братскимъ духовникомъ и вмѣстѣ благочиннымъ. Эти двѣ должности, одна духовная, а другая административно-дисциплинарная, какъ масло съ водой, обычно не сливаются. Но изъ того, что братія довѣряла О. Тихону и искренно каялась передъ нимъ на духу, видно, насколько были высоки его нравственный авторитетъ и достоинство какъ нелицемѣрнаго подвижника.

Одновременно Отецъ Тихонъ несъ чреду служенія и келарскіе обязанности. Наконецъ, какъ отличнаго іеромонаха, его стали посылать въ крестные ходы съ чудотворной иконой Божіей Матери. И вотъ здѣсь-то онъ повидаль вочью, какія милости расточалъ Богъ и Его Пречистая Матерь

Старецъ Гавріилъ Седмиезерный со своей духовной дочерью, Великой Княгиней Елизаветой Феодоровной. Она знала его по Седмиезерной пустыни, куда неоднократно пріѣзжала, но ихъ настоящее духовное сближеніе произошло тогда, когда старецъ былъ переведенъ въ Спасо-Елеазарову пустынь, расположенную недалеко отъ Пекова.

русскому народу. Въдъ по всей Руси во многихъ и многихъ городахъ, селахъ и монастыряхъ есть чудотворныя иконы. И сколько слезъ льется вокругъ нихъ, и истѣнный подается черезъ нихъ душамъ и тѣламъ, даже и доселѣ!

Эта колоссальная духовная сила и энергия, сколько она должна возбуждать въ бѣсахъ и безбожныхъ злобы, ненависти, зависти, злопахательства! Эти встрѣчи и проводы святой иконы Богоматери тысячами, десятками тысячъ людей, не согнанныхъ насильно, а пришедшихъ добровольно, сколько они давали и даютъ утѣхныя и тихой духовной радости!

Слѣдуя всюду за святой иконой по городамъ, селамъ, деревнямъ, заходя въ дома нищихъ и богатей, въ правительственные учреждения и частные дома, освящая и кропя святой водой улицы и площади, избы и сѣни, простые скамьи и кресла красного дерева, Отецъ Тихонъ повсюду изгонялъ невидимое зло и вносилъ благодать.

Зло уходило или стихало наружно или совсѣмъ, а добро приходило и заявляло о себѣ съ радостью и благодарностью. Онъ видѣлъ, какъ прозрѣвали слѣпые духовно и тѣлесно, какъ исцѣлялись невладоущіе руками и ногами и бѣсноватые, какъ раскольники всенародно каялись и вступали въ общеніе съ Православной Церковью, и во всемъ этомъ благодатномъ потокѣ милостей и чудесъ Божіихъ чувствовалъ себя какъ въ родной стихіи.

Однажды въ одной деревнѣ Мамалышскаго уѣзда Казанской губерніи былъ общій молебенъ на площади предъ Седмизерной иконой Царицы Небесной. Отецъ Тихонъ читалъ акаѣистъ и молитвы Пресвятой Богородицѣ съ особеннымъ подъемомъ духа, а весь простой людъ, стоя на коѣнкахъ, молился горячо и со слезами. Въ концѣ молебна Отецъ Тихонъ беретъ чудотворный образъ на руки и начинаеть имъ осѣнять присутствующихъ. И что же онъ видитъ? Люди падаютъ ницъ, воздвѣваютъ руки вверхъ и въ какомъ-то страхѣ кричатъ: «Господи, помилуй! Пресвятая Богородице, спаси насъ!» Воздухъ вокругъ О. Тихона сталъ почему-то розовымъ, а было 3 часа дня, конечно, по солнцу. Послѣ онъ узналъ, что еще во время чтенія имъ молитвы нѣкоторыя стали замѣчать надъ образомъ Богоматери какое-то сіяніе въ видѣ вѣнца. А когда Отецъ Тихонъ сталъ осѣнять образомъ, то уже несъ

народъ, въ томъ числѣ и седмизерскіе послушники, увидѣть (надо понимать, это тоже было чудо), что этотъ вѣнецъ охватываетъ весь образъ и руки Отца Тихона и отъ блистанія его вѣнца не видно уже стало ни образа, ни рукъ. Народъ подумалъ, что образъ уходитъ на небо, испугался и закричалъ... Когда Батюшка рассказываетъ мнѣ это, то прибавилъ, что благословлять онъ на четыре стороны и воздухъ для него самого былъ только нѣжно-розовымъ.

Послѣдствіемъ на этомъ мѣстѣ былъ построенъ храмъ. Можно судить, насколько въ тамошней деревнѣ были велики вѣра и благочестіе. Теперь я закончу все это большимъ отрывкомъ изъ указанной книги Горького объ одномъ поразительномъ чудѣ отъ Седмизерной иконы Божией Матери. Какъ известно, писателю начало своей сознательной жизни полагать въ Казани и, безусловно, видѣлъ всѣ эти крестохожденія съ иконой собственными глазами.

Самъ онъ извѣстно кто и что сдѣлалъ послѣ, при совѣтской власти. Это только и прославляется. Но у него одно время былъ периодъ такъ называемого богосискательства, и все односторонне вспоминаютъ, что онъ прямо замаливался. Но кто любитъ объективность, тотъ прочтетъ съ удовольствіемъ строки, вырвавшіяся невольно у прославленного большевиками писателя въ честь Богоматери и Иисуса Христа. Они — крикъ его души, но самому слугу. «Великъ народъ русской и неописуемо прекрасна жизнь!»

О. Варнава Бьялевъ

Казанская Седмизерная Богородичная пустынь.

Старинная литографія.

3. ИСЦѢЛЕНІЕ

ВЪ СЕДМИЗЕРНОЙ ПУСТЫНИ

Въ Казанской губерніи пережилъ я послѣдній ударъ въ сердцѣ, тотъ ударъ, который завершаетъ строеніе храма. Было это въ Седмизерной Пустыни, за крестнымъ ходомъ съ чудотворной иконой Божией Матери, въ тотъ день ждали возвращенія иконы въ обитель изъ города, день торжественный.

Стоять я на пригоркѣ надъ озеромъ и смотрѣлъ. Все вокругъ залито народомъ и течетъ темными волнами тѣло народное къ воротамъ обители, плещется о стѣны ея, нисходитъ солнце и ярко-красны его осенніе лучи. Колокола трепещутъ какъ птицы, готовая летѣть вослѣдъ за нѣсною своей, и вездѣ — обнаженные головы людей краснѣютъ въ лучахъ солнца, подобно махровымъ макамъ. У воротъ

обители чуда ждуть: въ небольшой тележкѣ молодая дѣвица лежитъ неподвижно, лицо ея застыло какъ бѣлый воскъ, сѣрыя глаза полукротыты, и вся жизнь ея — въ тихомъ трепетѣ длинныхъ ресницъ. Рядомъ съ нею отецъ, высокій мужчина, лысый и съдобородый, съ большимъ носомъ, и мать — полная, круглолицая, подняла она брови, открыла широко глаза, смотритъ впередъ, шевеля пальцами, и кажется, что сейчасъ закричитъ она, пронзительно и страстно. Подходятъ люди, смотрятъ больной въ лицо, а отецъ мирнымъ голосомъ говоритъ, тряся бородой.

— Пожалуйте, православные, помолитесь за несчастную, безъ рукъ безъ ногъ, лежитъ четвертый

Тысячи глазъ смотреть вдаль, и вокругъ меня плавать, точно облако, теплый и густой шепотъ:

— Несутъ, несутъ!

Тяжело и медленно поднимается въ гору народъ, словно темный валь морской, красной пеной горитъ надъ нимъ золото хоругвей, брызгая снопами яркиихъ искръ, и плавно качается, рѣшетъ, подобно огненной птицѣ, осіянная лучами солнца икона Богоматери. Изъ тѣла народа поднимается его могучий вздохъ — тысячеголосое пѣние:

— Заступнице усердная, Мати Господа Вышняго!

Рубятъ пѣние глухіе крики:

— Шагу! Прибавь шагу! Шагу!

Въ рамѣ синяго лѣса свѣтло улыбается озеро, таетъ красное солнце, утоная въ лѣсу, несеть мѣдный гулъ колоколовъ. А вокругъ — скорбныя лица, тихій и печальный шепотъ молитвы, отуманенныя слезами глаза, и мелькаютъ руки, творя крестное знаменіе.

Одиноко мнѣ. Все это для меня — заблужденіе безрадостное, полное безсильнаго отчаянія, усталаго ожиданія милости. Подходятъ снизу люди; покрыты пылью, ручьи пота текутъ, дышать тяжело, смотреть странно, какъ бы не видя ничего, и толкаются, пошатываясь на ногахъ. Жалко ихъ, жалко

Картина Ильи Рѣпина «Крестный ходъ». 1893 г. Третьяковская галерея.

годь, попросите Богородицу о помощи, возьметесь вамъ Господомъ за святыя молитвы ваши, помогите отцу-матери горе забыть.

Видимо, давно возить онъ дочь свою по монастырямъ и уже потерялъ надѣжду на излеченіе, выплываетъ одни и те же слова, а звучатъ они въ его устахъ мертво. Люди слушаютъ прошеніе его, вздыхая крестятся, а ресницы дѣвушки все дрожатъ, окрыляя тоскливыя глаза.

— Несутъ, несутъ!

Можетъ быть, двадцать разслабленныхъ дѣвицъ видѣлъ я, десятки кликушъ и другихъ немощныхъ, и всегда мнѣ было совѣстно, обидно за нихъ, жалко бѣдныя, лишенные силы тѣла, жалко ихъ беспомощнаго ожиданія чуда. Но никогда еще не чувствовать я съ такой силой, какъ въ этотъ разъ. Великая нѣмая жалоба застыла на бѣломъ полумертвомъ лицѣ дочери и безгласная тоска тупо охватила мать. Тяжело стало мнѣ, отошелъ я, а забыть не могу.

ко силу вѣры, распыленную въ воздухъ. Нѣтъ конца теченію народа!

Возбужденно, но мрачно и какъ бы укоряя, несется по воздуху мѣрный крикъ:

— Радуйся, Всеблагая, радуйся!

И снова:

— Шагу! Шагу!

Въ игломямъ облакѣхъ пыли сотни черныхъ лицъ, тысячи глазъ, точно звѣзды млечнаго пути. Вижу я: всѣ эти глаза — какъ огненные искры одной души, жадно ожидающей невѣдомой радости. Идутъ люди какъ одно тѣло, плотно прижались другъ къ другу, взялись за руки и идутъ такъ быстро, какъ будто страшно далеко ихъ путь, но готовы они сейчасъ же неустанно идти до конца его.

Душа моя дрожитъ великой дрожью непонятной тревоги; какъ молнія вспыхнуло въ памяти великое Іоанно:

— Богостроитель народъ?!

Вранулся я, опрокинулся навстрѣчу народу, бросился въ него съ горы и пошелъ съ нимъ, и загѣлъ во всю грудь:

— Радуйся, благодатная сила всѣхъ сил!

Схватили меня, обняли — и поглыть человѣкъ, тая во множествѣ горячихъ дыханій. Не было земли подъ ногами моими, и не было меня, и времени не было тогда, но только — радость, необъятная какъ небеса. Былъ я раскаленнымъ углемъ пламенной вѣры, былъ незамѣтенъ и великъ, подобно всѣмъ окружающимъ меня во время общаго полета нашего.

— Шагу!

И неудержимо летить надъ землею народъ, готовый перешагнуть всѣ преграды и пропасти, всѣ недоумѣнія и темные страхи свои.

Помню, остановилось все около меня, возникло смятеніе, и очутился я около тележки съ больной, помню крики и ропотъ.

— Молебны, молебны!

Было великое возбужденіе: толкали тележку, и голова дѣвочки немощно, бессильно качалась, большія глаза ея смотрѣли со страхомъ.

Десятки очей обливали больную лучами, на расслабленномъ тѣлѣ ея скрестились сотни силъ, вызванныхъ къ жизни повѣлительнымъ желаніемъ видѣть больную возставшей съ одра, и я тоже смотрѣлъ въ глубину ея взгляда, и невыразимо хотлось мнѣ вмѣстѣ со всѣми, чтобы встала она, не себя ради и не для нее, но для чего-то иного, предъ чѣмъ и она, и я — только перья птицы въ огнѣ пожара.

Какъ дождь землю влагою живой, насыщая народъ изсохшее тѣло дѣвочки этою силою своей, шепталь онъ и кричалъ мнѣ и ей:

— Ты встань, милая, вставай! Подними руки-то, не бойся! Ты вставай, вставай безъ страха! Больная, вставай! Милая, подними ручки-то!

Сотни звѣздъ вспыхнули въ душѣ ея, и розовая тѣни загорѣлись на мертвомъ лицѣ; еще больше раскрылись удивленные и радостные глаза и, медленно шевеля плечами, она покорно подняла дрожащія руки и послушно протянула вле-

печу, и уста ея были открыты, и была она подобна птенцу, впервые вылетавшему изъ гнѣзда своего.

Тогда все вокругъ охнуло, словно земля — мѣланный колоколь и нѣкій Святогоръ ударилъ въ него со всей силой своей, — вздрогнулъ, пошатнулся народъ и смѣшанно закричалъ:

— На ноги! Помогай ей! Вставай, дѣвушка, на ноги! Поднимайте-се!

Мы схватили дѣвцу, приподняли ее на землю и держимъ легонько, а она сгибается, какъ соломинка на вѣтру и вскрикиваетъ:

— Милые! Господи! О, Владычица! Милые!

— Иди! — кричитъ народъ. — Иди!

Помню пыльное лицо въ поту и слезахъ, а сквозя влагою слезъ повелительно сверкаетъ чудотворная вѣра во власть свою творить чудеса. Тихо идетъ среди насъ исцѣлившаяся, доверчиво жметъ ожившимъ тѣломъ своимъ къ тѣлу народа, улыбается, бѣлая вся, какъ цвѣтокъ, и говорить:

— Пустите, я одна!

Остановилась, покачнувшись — идетъ. Идетъ, точно по шипамъ или стекламъ, разрывающимъ пальцы ногъ ея, но идетъ!

Бойтся и смѣется, какъ малое дитя, и народъ вокругъ нее тоже радостенъ и ласковъ, подобно ребенку... Волнуется, трепещетъ тѣло ея, а руки она простерла впередъ, опираясь ими о воздухъ, насыщенный силой народа, и отводую поддерживаютъ ее сотни лучей.

У воротъ обители пересталъ я видѣть ее, смотрю вокругъ — всюду праздничный гулъ, звонъ колокольный и властный гласъ народа, въ небѣ ярко пылаетъ заря, и озеро одлѣсо багрянцемъ ея отраженій. Вижу мимо меня нѣкій человѣкъ, улыбается:

— Видѣлъ?

Обнявъ я его и поцѣловалъ, какъ брата послѣ долгой разлуки, и молча мы разошлись...

Максимъ Горькій

Чудотворная икона Одигитрія Семіезерная. Въ 1654 году въ Россіи свирепствовала чума, которая докатилась и до Казани. Пришедшіе въ ужасъ люди обратились за помощью къ Заступницѣ руды христіанскаго. Изъ Семіезерной пустыни вынесли Смоленскую икону и понесли въ Казань, а изъ Казани вынесли Казанскую икону и понесли навстрѣчу Смоленской. На мѣстѣ ихъ встрѣчи сталъ служить молебенъ — и чудеснымъ образомъ на Смоленской иконѣ десница Богородицы благословила всѣхъ молящихся, да такъ и осталась благословляющей. А чума послѣ этого стала отступать и вскорѣ совсѣмъ исчезла. Съ тѣхъ поръ на всѣхъ спискахъ этой иконы, получившей названіе Семіезерной, Богородица изображается съ благословляющей десницей.

4. ВИДѢНІЯ БЛАЖЕННАГО СТАРЦА

Видю я нашу Седмизерную Пустынь, что она со всѣхъ сторонъ и на всею пространствѣ, насколько я могъ видѣть въ широту и въ высоту, по всему воздуху, начиная отъ земли, окружена рядами умершихъ. Мнѣ казалось, что покойники стояли, наклонивъ ко мнѣ головы, какъ бы чего-то прося у меня. Выше ихъ, тоже рядами, стояли праведники, я прямо скажу: все воздушное пространство переполнено ими. Тутъ преподобные и монашествующіе, повыше — мученики и мученицы — тоже рядами, и еще выше — священноиноки, святители, апостолы, пророки... На самой же высотѣ — огненное, свѣтло-эфирное ласкающее пламя, и взоры всѣхъ обращены къ нему. Изъ святыхъ кто-то спросилъ:

— А что, нужно ли намъ взять къ себѣ Иеросхимонаха Гавриила?

Вотъ послышался голосъ изъ рядовъ святительскихъ, а именно, Святителя Тихона Задонскаго, голосъ котораго я слышалъ ясно и видѣлъ его самого:

— Нѣтъ, рано еще — онъ обещалъ молиться объ умершихъ, пусть помолится!

А мнѣ жалко было разставаться съ великимъ множествомъ святыхъ, но я чувствовалъ себя и недостойнымъ этого... Многихъ изъ представившихся мнѣ покойниковъ я узналъ: тутъ были давно умершіе родные мои, о которыхъ я давно уже забылъ. Послѣ сего видѣнія я сію же минуту записалъ всѣ ихъ имена и сталъ поминать и молиться по силѣ моей, сколько могъ. Но вотъ къ вечеру, уже при закатѣ солнца, когда я лежалъ лицомъ къ залной двери, вижу я: старецъ въ схи́мѣ, поверхъ которой какъ покровъ накинутъ саванъ. Я узналъ — это былъ покойникъ Иеросхимонахъ Савва Оптинскій. И лицо у него грустное, какъ будто онъ въ какой обидѣ. И мнѣ тотчасъ стало понятно, что я его не записать почему-то въ свой помяншихъ. И страшно мнѣ стало видѣть передъ собою покойника, и я тутъ же вслухъ помянулъ:

— Помяни, Господи, раба Твоего, Иеромонаха Савву и упокой его со святыми!

И тотчасъ видѣніе преклонилось и какъ бы растаяло, подобно облаку.

5. ОТЕЦЪ ГАВРИИЛЬ

ГОЛУБЬ СВѢТА ВЪ НОЩИ

Несмотря на улучшение силъ, Батюшка все таки былъ еще слабъ. Въ одну ночь ему было особенно тяжело, и казалось, онъ долженъ умереть. Сердце останавливалось, и лежать было невыносимо: не хватало воздуха дышать. Батюшка позвалъ келейника и пробовалъ съ его помощью немного посидѣть, но силы покидали его и онъ вскорѣ опять просилъ его положить. Отецъ Иосифъ осторожно его положилъ и отошелъ. Батюшка же отъ утомления и слабости закрылъ глаза и забылся нѣсколько, какъ будто

заснулъ. И въ это время слышалъ, что его обвѣваетъ какой-то вѣтерокъ, освѣжаетъ его лицо, наполняетъ комнату благоуханіемъ. Не открывая еще глазъ, Батюшка сталъ съ наслажденіемъ вдыхать этотъ воздухъ и въ то же время сталъ чувствовать, что этотъ вѣтерокъ какъ бы проходитъ внутрь всего организма, съ чрезвычайною легкими и пріятными мурашками по всему тѣлу. Батюшка сначала вообразилъ, что это келейникъ надушилъ платокъ и машетъ на него. Но въ то же время слышать совершенно ясно, что келейникъ сидитъ въ сосѣдней комнатѣ и передвигаетъ книгу. Тогда онъ открылъ глаза и узрѣлъ нѣчто совершенно неожиданное: бѣлоснѣжный голубокъ въ воздухѣ, аршина на полтора отъ его лица, машетъ своими серебряными крылышками на Батюшкино лицо, какъ бы вееромъ, и держится все на одномъ мѣстѣ, не перелетая. И Батюшка, не отдавая себѣ отчета, почему-то тотчасъ мысленно запылъ: "Отца нѣдра не оставилъ и сошелъ на землю, Христе Боже, тайну услышахъ смотрѣнія Твоего, и прославихъ Тя, едина Человѣколюбче".

Часы въ это время пробили часть ночи. А онъ все продолжалъ пѣть, пропѣлъ великое славословіе, прочиталъ псаломъ «Помилуй мя, Боже», акаѣсти Спасителя и вообще много молитвъ наизусть. Читалъ и пѣлъ до трехъ съ половиною часовъ утра, и все время съ затаеннымъ дыханіемъ взиралъ на голубка и, насладившись ароматнымъ воздухомъ, чувствовалъ, какъ весь его организмъ осѣждался, отдыхалъ. Внизу начали уже ходить повара, прошелъ будильникъ по коридору, и голубокъ обратился какъ бы въ тѣнь — и растаялъ...

Архим. Симеонъ

6. МОЛИТВА ПРОБИВАЕТЪ СТѢНУ

Въ годы своего духовнаго становленія Иванъ Михайловичъ Концевичъ, будучи въ Оптиной Пустыни, познакомился съ книгой «Единъ отъ древнихъ», оставшейся запечатленной въ памяти на всю жизнь. Покинувъ Россію съ Бѣлой Арміей, онъ утерять эту книгу и всѣ годы зарубежомъ сожалѣлъ о такой потерѣ. Уже будучи преподавателемъ патрولوجіи въ семинаріи и дѣлясь своими воспоминаніями о Святой Руси съ молодыми семинаристами, онъ невольно вспомнилъ объ этой книгѣ, сожалѣя, что книги «Единъ отъ древнихъ» нѣтъ у него и нѣтъ во всемъ зарубежьи. Молодые студенты, монахи выражали явный интересъ къ тому духовному міру, къ которому Иванъ Михайловичъ былъ причастенъ, — Оптиной. Тѣмъ болѣе, что онъ въ свободное время писалъ Vita Prima о его Старцѣ, Нектаріи Оптинскомъ. Среди молодежи были глубоко заинтересованные Святой Русью. Иноки Аліпій, Гаврииль, Лавръ, Антоній, Герасимъ и, особенно, Владиміръ, который былъ помимо повара также и главнымъ бібліотекаремъ. Преданные Оптиной, Владиміръ и Гаврииль были сформированы ученикомъ Старца

Нектарія въ Америкѣ, Отцомъ Адрианомъ, создавшимъ Ново-Дивѣевскій монастырь. Въ особенности Отцу Владиміру заšlo въ сердце желаніе найти книгу «Единъ отъ древнихъ», чтобъ ее монастырь переиздалъ. И онъ началъ умолять Бога открыть ему тайну, гдѣ можно было бы найти эту забытую книгу. Каждый вечеръ, по окончаніи кухоннаго послушанія, онъ становился на молитву въ своей келліи на 4-мъ этажѣ, зажигая зеленую лампадку и усленно совершалъ свое малое правило, вычитывая канонны. Становился онъ обычно къ восточной стенкѣ въ своей маленькой келліи и смиренно упрашивалъ Бога открыть, гдѣ и какъ найти книгу о Старцѣ Гавриилѣ. Спать весь монастырь, а его лампадка мигала своимъ зеленымъ свѣтомъ на чердачномъ этажѣ. Много эта келлія слышала просьбъ смиреннаго монаха, который сѣтовалъ о потерѣ Святой Руси. Но онъ не терялъ надежды и твердо вѣрилъ, что не погибла Святая Русь, а проходить курсъ очищенія за бунтъ противъ Бога и Его Помазанника, Царя Николая II. И такъ изо дня въ день, отъ одной ночи къ другой шла молитва къ Богу изъ его келліи.

Съ восточной стороны соседня келліи мѣняла своихъ обитателей. Черезъ нѣсколько лѣтъ въ ней поселился черезъ Австралію новый обитатель, они познакомились съ Отцомъ Владиміромъ какъ сосѣди, но побесѣдовать все какъ-то не удавалось. Въ одинъ прекрасный день, сидя въ саду подъ цвѣтушей яблоней, они разговорились и Отецъ Поликартъ сообщилъ Отцу Владиміру, что онъ съ Дальняго Востока, Харбина, гдѣ былъ келейникомъ у знаменитаго подвижника, Митрополита Мелетія. Слово за слово, О. Владиміръ радовался, что его сосѣдъ — явный представитель ушедшей Святой Руси. Красиво же было его удивленіе, когда онъ узналъ, что этотъ иерархъ учился въ Казанской духовной Академіи и что его постригалъ въ монашество знаменитый Старецъ Гавриилъ изъ Седмизерной Пустыни. Сердце у Отца Владиміра затрепетало отъ сознанія, что къ нему приближается долгожданный одинъ изъ древнихъ. Въ эту ночь онъ молился особенно усердно, дѣлая поклоны въ восточную сторону, а зеленая лампадка мигала какъ свидѣтельница приближающейся радости. Послышался стукъ въ стѣну, а затѣмъ въ дверяхъ келліи Отца Владиміра появился Отецъ

Поликартъ и призвалъ его въ свою келлію, куда вошелъ, онъ обратился въ сторону западной стѣны, раздѣляющей ихъ келліи и какъ бы изъ самой стѣны вытащилъ съ полки забытую книгу, указавъ Отцу Владиміру, что это есть Отецъ Гавриилъ, который постригалъ его иерарха въ монашество. Подавъ книгу Отцу Владиміру, онъ какъ бы разбивалъ эту стѣну. Отецъ Владиміръ съ книжкой въ рукахъ побѣжалъ внизъ, въ покои Архіепископа Аверсія, который самъ былъ изъ Казани, и, показывая книгу, просилъ благословенія ее въ типографіи набрать и сдѣлать доступной современной молодежи. Благословеніе было дано и Иванъ Михайловичъ Концевичъ былъ первымъ, кто узналъ о приобрѣтеніи сокровища, а его жена Елена Юрьевна начала искать въ своей библиотекѣ воспоминанія одной катакомбной игуменіи, хорошо знавшей Отца Симеона, автора книги «Единъ отъ древнихъ», дабы помѣстить въ концѣ книги хотя бы минимальные свѣденія о ея авторѣ. Какъ доказательство, что дѣло это доброе и Богу угодно, врагъ рода человѣческаго не преминулъ отомстить. Доставъ съ полки журналъ съ воспоминаніями объ Отцѣ Симеонѣ, авторѣ книги, Елена Юрьевна поскользнулась, упала и ушибла ногу. Но больше ничего не препятствовало, книга была набрана и скоро вышла въ мѣръ съ предисловіемъ Концевичей.

О. Г. П. со словъ Елены Юрьевны Концевичъ

Архимандритъ Поликартъ справа подъ цвѣтушей яблоней съ О. Владиміромъ.
Джорданвилль.

7. ОБЛАКО ГОЛУБОВАТАГО СВѢТА

А о Митрополитѣ Мелетіи Харбинскомъ интересно сказать слѣдующее. Передъ самой кончиной болѣзнь его усилилась. Дежурили у его кровати по ночамъ врачи и два фельдшера, была и постоянная опытная сестра милосердія. Митрополитъ былъ плохъ и вскорѣ скончался, тихо, безъ предсмертной агоніи, безъ всякаго мученія, мирно, накануне Благосвѣщенія, престольнаго праздника своего храма, въ 7:15 утра. Была тогда у его ложа одна только сестра милосердія. Она потомъ говорила, что надъ Владыкой Мелетіемъ былъ особое явленіе, котораго она никогда не видѣла, — надъ нимъ носилось какъ бы облако голубоваго, небеснаго свѣта.

Архим. Поликартъ

ИВАНЬ МИХАЙЛОВИЧЬ КОНЦЕВИЧЬ,
студентъ Сорбоннскаго Университета въ своей кельѣ.

ПРАВОСЛАВНЫЕ ПИСАТЕЛИ

Часть 5

БОГОСЛОВСКОЕ ПОЛЕ ИВАНА МИХАЙЛОВИЧА КОНЦЕВИЧА

Память 6-го Июля (1893-1965)

У всѣхъ великихъ Оптиныхъ старцевъ, какъ учителей благочестія, были какъ бы рупоры, великіе писатели и мыслители, передававшие ихъ мудрость на ученомъ языкѣ и въ богословскихъ отшлифованностяхъ. Какъ бы у ногъ старцевъ были представители русской подлинной интеллигенціи: у ногъ Старца Макарія былъ Иванъ Васильевичъ Курьевскій, у ногъ Старца Амвросія былъ Константинъ Леонтьевъ, у ногъ Старца Варсонофія былъ Сергій Нилусъ. У ногъ послѣдняго великаго Старца былъ Иванъ Михайловичъ Концевичъ, составившій Vita Prima Старца Нектарія. Ниже приводимъ краткій сводъ его богословскаго творчества, испрашивая у читателя молитвы за его душу.

Еще подобно Царствію Небесное сокровищу, сокрытому въ полѣ, которое папедъ челоуѣкъ утайтъ, и отъ радости о немъ илеть и продаетъ все, что имѣеть, и покупаетъ поле то.

Мв. 13, 44

1. ДУХОВНЫЙ НАСЛѢДНИКЪ ОПТИНОЙ

КУДОСТЬ истинно-христіанскаго свидѣтельства растеть, мѣръ темнѣть, нечестіе подчасъ уже явно торжествуетъ. Добрые порывы души вянутъ, не успѣвъ порою и родиться.

Покольніе нашихъ отцовъ, испытавъ на своемъ жизненномъ опытѣ потрясающіе измѣненія времянь, смутилось, соблазнилось. Большинство такъ и оставалось въ этой «неразрѣшенности», неопредѣленности, соблазнѣ. Были, однако, и другіе: вѣра въ правду Христовой Церкви дала имъ силу и съ Божіей помощью выдержали они соблазнъ міра, искажающагося въ Апостасіи. Они оказались сильными духомъ — и донинѣ ведутъ корабль Христовъ, лишь духовно укрѣпляясь явленіями, посылаемыми временемъ. Съ Божіей помощью они сохранили намъ въ полнотѣ то сокровище, ради котораго стоитъ все продать и по-Евангельски купить поле истинной духовной жизни, гдѣ оно кроется. Это сокровище есть Православіе, открывающее путь къ Царствію Небесному, немѣняющееся, вѣчно остающееся такимъ же новымъ, какъ сама жизнь.

Наша Свято-Троицкая обитель и ся духовное училище, Свято-Троицкая семинарія, несмотря на

сравнительно недолгое время, приобрѣли весьма значительное мѣсто въ исторіи Православія 20-го вѣка своимъ храненіемъ и защитой истиннаго православнаго благочестія. Однимъ изъ ученыхъ мужей, вложившихъ туда свою лепту, физически долго не пребывавшихъ тамъ, но духомъ неотдѣлимый отъ просвѣтительскаго служенія св. Православію, былъ Иванъ Михайловичъ Концевичъ. Этотъ ревностный защитникъ и живой представитель свидѣтельства православной настроенности ушелъ нынѣ въ иной мѣръ. Память его намъ очень дорога, и мы спѣшимъ, по мѣрѣ нашихъ силъ, дать хотя бы краткіе свѣденія о его жизни и богословскомъ творчествѣ. Его жизненный путь весьма интересенъ и вполне можетъ послужить примѣромъ того, какъ «жить духовно въ міру».

Иванъ Михайловичъ послужилъ Церкви внѣ клира. Его школа была знаменитая и великая Оптина. Онъ сподобился лицезрѣть святого; онъ былъ духовнымъ сыномъ послѣдняго Оптинскаго Старца — Иеросхимонаха Нектарія, и сумѣлъ еще 10 лѣтъ послѣ историческаго исчезновения Святой Руси быть духовно окармливаемымъ святымъ старцемъ. Какъ бы прикрытый отъ путей міра сего житейскими неудачами, по молитвамъ своего святаго Старца,

труженик Божий шель узкимъ путемъ. Его одаренность и высшее образование были всецѣло отданы Господу, и когда онъ, проживъ долгую и чистую жизнь, покидалъ ее, то казалось намъ, гдѣ же плоды его огромныхъ трудовъ? Но, по словамъ Епископа Феофана Затворника: «Духовная жизнь есть иной мѣръ, въ который мудрость человѣческая не проникаетъ». Познакомившись съ нижеслѣдующимъ жизнеописаніемъ дорогого Ивана Михайловича, православный христіанинъ пусть самъ сдѣлаетъ выводъ, по мѣрѣ своего личнаго духовнаго опыта. Съ нашей же стороны, мы глубоко благодарны Ивану Михайловичу за все и просимъ читателя помолиться за его свѣтлую душу.

2. ВЪ РОДИТЕЛЬСКОМЪ ДОМѢ

Иванъ Михайловичъ Концевичъ родился въ 1893 году. Онъ былъ въ семьѣ старшимъ изъ пяти дѣтей. Отецъ его, Михаилъ Ивановичъ, окончилъ въ Варшавѣ факультетъ естественныхъ наукъ и былъ представленъ при университетѣ. Женясь, онъ сталъ отцомъ семейства. Желая обрѣсти лучшіе матеріальные условия, онъ перешелъ на службу въ министерство финансовъ и перевелся въ Прибалтійскій край въ качествѣ податнаго инспектора. Онъ дослужился до высшихъ чиновъ. Это была богато одаренная натура.

Въ 1905-омъ году, во время засѣданія въ его канцеляріи, онъ, ярко освѣщенный лампой, стоя читалъ докладъ, когда изъ противоположнаго окна, заросшаго виноградомъ, раздался выстрѣлъ: кто-то сдѣлалъ ему въ голову, но промахнулся на волосокъ.

Его супруга, Александра Ивановна Лисицкая (была монашествва мать Нектарія), была карпатской, дочерью судьи, изъ семьи, известной своимъ руссофильствомъ. Она кончила гимназію въ Варшавѣ и вышла замужъ совсемъ молодой. Она была врожденнымъ педагогомъ и умѣла воспитывать дѣтей, избѣгая наказаній, поскольку не проявлялось завѣдомо злой воли, и разясняя имъ каждый вопросъ. Такъ, она сумѣла съ самаго дѣтства объяснить сыновьямъ вредъ куренія и они никогда не курили. Свой талантъ и умѣние преподавать науки она передала старшему сыну.

И. М. раннюю часть дѣтства прожилъ въ Латвіи. Онъ любилъ вспоминать о чарующемъ впечатлѣніи, которое на него произвело море, о шумѣ соснаго лѣса, о песчаномъ пляжѣ... Отецъ же его скучалъ по своей родинѣ, Полтавщинѣ, и при удобномъ случаѣ

перевелся въ Миргородъ. Тамъ не было соответствующаго учебнаго заведенія, и родители помѣстили старшаго сына въ Полтавскую Императорскую гимназію, куда его прекрасно подготовила сама Александра Ивановна. Отъ той поры И. М. никогда не жилъ дома, прѣзжая домой только на каникулы. Онъ былъ полнымъ жизни мальчикомъ, одареннымъ богатой фантазіей. То, во время японской войны, онъ слѣпилъ изъ глины нашъ флотъ въ миниатюрѣ, то писалъ рассказы для брата, иллюстрируя текстъ рисунками. Когда отецъ перевелся въ Кременчугъ, катанье на лодкѣ, плаваніе по Днѣпру поглощало все досуги его сыновей. Они были какъ дома среди водной стихіи, ставъ безстрашными пловцами. Иванъ Михайловичъ во время наводненія въ Кременчугѣ перевозилъ на лодкѣ людей изъ затопленныхъ частей города. Незадолго до начала войны 1914 года И. М. окончилъ гимназію въ Полтавѣ и поступилъ на математическій факультетъ Киевскаго университета.

Иванъ Михайловичъ Концевичъ
въ Бѣлой Арміи.

Въ предвоенную эпоху наша интеллигенція была далека отъ Церкви; Иванъ Михайловичъ не былъ исключеніемъ. Онъ устремился въ исканія, полагая, что въ человѣкѣ таятся скрытыя силы, которыя требуютъ развитія. Сталъ изучать йогу. Это продолжалось недолго. Разразилась первая мировая война. Одновременно произошло событие, которое до основанія потрясло жизнь семьи и отвело Ивана Михайловича навсегда отъ губительныхъ заблужденій. Этимъ событіемъ была смерть брата, съ которымъ его связывала на рѣдкость тѣсная и неразрывная дружба. Володя былъ двумя годами моложе, но превосходилъ И. М. ростомъ и внѣшностью и блестящими способностями — учился безъ всякихъ усилій. Характеръ у него былъ идеальный, и не было человѣка, который бы его не любилъ. Володя ушелъ на войну добровольцемъ. На Карпатахъ, гдѣ находилась его часть, предстояла атака непріятеля. Надо было на виду у вражескихъ частей перервать проволоку. Былъ брошенъ жребій, кому идти на вѣрную смерть. Володя не вытянулъ жребія, но, несмотря на просьбы офицера, замѣнилъ одного изъ рядовыхъ и былъ убитъ. Это произошло въ Австріи 13-го Ноября подъ Бохней.

Горе семьи было неписуемо. Александра Ивановна буквально окаянѣла. Имъ вздумалось обратиться къ нѣкому Быкову, бывшему издателю

журнала “Спиритъ” Но Быковъ имъ отвѣтилъ, что онъ отказался отъ прежнихъ своихъ взглядовъ и теперь издалъ книгу “Тихіе пріюты для отдыха страдающей души”. Тамъ былъ разсказъ объ Оптиной Пустыни. Прочтя его, Иванъ Михайловичъ загорѣлся желаніемъ ѣхать туда. Были лѣтніе каникулы 1916 года. На рынокъ уже не было обуви; отбросивъ свойственную ему всю жизнь черту быть всегда прилично и аккуратно одѣтымъ, онъ отправился въ путь, надѣвъ лапти.

Въ такомъ видѣ прибывшаго туда студента вначалѣ было приняты за толстоваго, но когда въ немъ разоблачили монаха — полюбили его. Что же касается до И. М., то съ перваго дня своего знакомства съ Оптиной и до послѣдняго своего взхода онъ жилъ ею и былъ вѣренъ ей, ея завѣтамъ. Скончался онъ вечеромъ подлѣ Рождество Иоанна Предтечи, косму быть посвященъ главный храмъ Оптинскаго Предтеченскаго скита.

3. ПАЛОМНИЧЕСТВО ВЪ ОПТИНУ

“Монастырь и старцы, — пишетъ онъ въ своей биографіи послѣдняго Оптинскаго старца, своего духовника, — произвели на меня неожиданное, неотразимое впечатлѣніе, которое словами передать нельзя: его понять можно только переживъ на личномъ опытѣ”.

“Здѣсь ясно ощущалась благодать Божія, святость мѣста, присутствие Божіе. Это вызывало чувства благоговѣнія и отвѣтственности за каждую свою мысль, слово или дѣйствіе, боязнь впасть въ ошибку, въ прелесть всякой самости и “отсебятины”. Такое состояніе можно было бы назвать “хожденіемъ передъ Богомъ”.

“Здѣсь впервые открылся мнѣ духовный міръ, а какъ антитеза были мнѣ показаны “глубины сатанскія”.

“Здѣсь я родился духовно”.

И въпрямь дивный міръ открылся юному богоскителю. Въ то время въ Оптиной старчествовали: О. Феодосій, скитоначальникъ, О. Анатолій (Потаповъ) и О. Нектарій. Отца Варсонофія уже не было. Ежедневно ходилъ Иванъ Михайловичъ въ скитъ на благословеніе къ старцамъ. Въ ихъ “хибаркахъ” онъ часто слышалъ тѣ наставленія, которыхъ старцы преподавали присутствующимъ. Такъ однаж-

ды онъ оказался въ скиту съ группой молодыхъ художниковъ, среди которыхъ былъ Бруни. Старецъ Феодосій имъ произнесъ дѣкую рѣчь о значеніи искусства, причѣмъ порицалъ декадентство и модернизмъ. Старецъ Феодосій обладалъ даромъ и умѣніемъ вліять на образованную молодежь.

Ежедневное хожденіе въ скитъ всегда было поучительно для И. М. Но старцы, занятые пріѣзжими посѣтителями, которые къ нимъ приходили со всякаго рода скорбями и душевными драмами, специально не удѣляли времени юному пришельцу. Они отдали его “на воспитаніе” О. Иосифу (Полевоуму), опытному въ духовной жизни, прожившему въ Оптиной десятки лѣтъ. Въ міру директоръ банка, онъ былъ широко образованнымъ человекомъ. Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, проведенныхъ въ Оптиной, часто послѣ церковныхъ службъ О. Иосифъ приглашалъ И. М. въ свою келью. Въ бесѣдѣ съ нимъ предъ молодымъ студентомъ раскрывался духовный міръ.

Отъ О. Иосифа Иванъ Михайловичъ услышалъ случай изъ жизни Старца Амвросія, не попавшій на страницѣхъ печати.

Однажды Старецъ Амвросій, согбенный, опираясь на палочку, шелъ по дорогѣ къ Оптиной Пустыни. Вдругъ ему представилась картина: стоить нагруженный возъ, рядомъ лежитъ мертвая лошадь, а надъ ней плачетъ крестьянинъ. Потеря лошади-кормилицы въ крестьянскомъ быту вѣдь сушая бѣда! Приблизившись къ падашей лошади, Старецъ сталъ трижды медленно ее обходить. Потомъ, взявъ хворостину, онъ стегнулъ лошадь, прикрикнувъ на нее: “Вставай, лѣнтыяка!” И лошадь послушно поднялась на ноги.

Въ Оптину И. М. выписала свою мать, Александру Ивановну, и она прибыла туда съ остальными дѣтьми. Послѣ церковныхъ службъ они проводили время въ лѣсу за чтеніемъ духовныхъ книгъ. Такъ прошло лѣто. Въ слѣдующемъ году И. М. могъ провести въ Оптиной только двѣ недели, но духовная связь съ нею осталась навсегда. Во время гражданской войны Александра Ивановна посѣщать монастырь не могла; когда прибыла въ Оптину въ 1922 году, оба старца, и О. Анатолій, и О. Нектарій, въ

Братья Оптиной пустыни на лѣстницѣ.
Дореволюціонная фотографія.

особенности послѣдней, удостовѣрили ей жизнь ея старшаго сына. О. Нектарій прямо ей сказалъ : “Онъ живъ, молитесь о здравіи, о немъ узнаете. Пока бесполезно было о немъ знать — покоритесь необходимости”. Вернувшись домой, Александръ Ивановичъ получилъ письмо отъ сына. Послѣ этого она ѣздила въ монастырь до конца ея существованія, а затѣмъ къ Старцу Нектарію въ мѣсто ея изгнанія, до самой его смерти. Черезъ нее сынъ ея, будучи въ эмиграціи, пользовался въ теченіе ряда лѣтъ старческимъ руководствомъ, а черезъ него и нѣкоторые желающіе обращались къ Старцу. Письма Александры Ивановны послужили матеріаломъ при составленіи И. М. жизнеописанія Иеросхимонаха Нектарія.

4. ОТЕЦЪ НИКОЛАЙ ЗАГОРОВСКІЙ

Кіевскій университетъ, куда поступилъ И. М., эвакуировался въ Поволжье, и онъ предпочелъ

Паломники въ Предтеченскомъ Скиту Оптиной Пустыни въ ожиданіи приѣма къ старцамъ.

перевестись въ Харьковскій. Благодаря коллегѣ ему удалось нанять комнату въ домѣ О. Николая Загоровскаго. Этотъ священнослужитель былъ особо почитаемъ въ городѣ, какъ подвижникъ, молитвенникъ и замѣчательный проповѣдникъ. И. М. постоянно прислуживалъ въ церкви Отцу Николаю, ставъ извѣстенъ многимъ харьковчанамъ, какъ студентъ-церковникъ. Послѣднее обстоятельство дважды оказало И. М. цѣнныя услуги. Находясь въ Добровольческой Арміи, И. М. былъ посланъ въ командировку въ Харьковъ. Оставались свободными

нѣсколько дней и ему захотѣлось въ послѣдній, можетъ быть, разъ въ жизни (такъ оно и было) увидѣть всю семью въ сборѣ. Сестра училась въ Харьковѣ. Когда они оказались на вокзалѣ, очередь у кассы была невѣроятно длинной. Подошелъ жандармъ: “Вы прислуживали Отцу Николаю?” — “Да, я”. Жандармъ вынесъ изъ кассы два билета. Такимъ образомъ Иванъ Михайловичъ увидѣлъ всѣхъ вмѣстѣ въ послѣдній разъ, простился съ родителями и получилъ ихъ благословеніе. Другой разъ дѣло было уже въ Галлиполи. И. М. вышелъ изъ госпиталя послѣ двухъ тифозныхъ заболѣваній. Ему была выдана коробка сардинъ “для поправленія здоровья”. Это было все. Онъ испытывалъ невыносимый голодь и смертельную тоску, чувствуя, что онъ не выживетъ и умретъ отъ истощенія. Въ такомъ мучительномъ настроеніи онъ однажды сѣдлъ на морскомъ берегу. Мимо него проходилъ бравый бородачъ изъ личной охраны генерала Кутепова, грудь его была испещрена крестами и медалями. “Вы прислуживали Отцу Николаю?” — “Да, я”. — “Приходите ко мнѣ, вспомнить старое”. Оказалось, что сынъ этого унтеръ-офицера нуждался въ урокахъ математики. Въ видѣ платы за ученіе И. М. кормилъ обѣдомъ. Гимназистъ вскорѣ сталъ хорошо учиться, а учитель поправился.

Солдатомъ Добровольческой арміи Иванъ Михайловичъ ушелъ съ 4-го курса математическаго факультета. На войнѣ онъ былъ дважды спасенъ отъ, казалось, неминуемой смерти. Однажды онъ сѣдлъ на наблюдательномъ пунктѣ. Прямо на него несется конница Буденнаго. Неожиданно конница сворачиваетъ въ сторону. Другой разъ, когда онъ ѣздилъ на бронепоездѣ, на пути были подложены мины, и поездъ началъ взрывать. Вмѣсто того, чтобы сразу выскочить, И. М. сталъ выбрасывать вещи, пока его самого не выкинуло силою взрыва. Лежалъ онъ безъ сознанія, сильно контуженный. Этимъ дѣло не ограничилось.

Во время войны, получивъ отпускъ, И. М. поѣхалъ въ монастырь около Херсонеса, гдѣ тогда жилъ Архіепископъ Ѳеоданъ Полтавскій, почитателемъ котораго онъ былъ. Его помѣстили въ келлію къ О. Иннокентію, оптинскому монаху (скончался въ Бразиліи въ санѣ игумена), который научилъ его выдѣлывать деревянныя ложки, какія дѣлались въ Оптиной. Промышляя этими “оптинскими”

ложками на базарах Украины во время фазы на бронепоездах, И. М. этим добывал себя на пропитание. Покинуть Крым удалось, паче всякого чаяния, чуть ли не на последнем пароходе.

В Галлиполи И. М. окончил Военное Николаевско-Александровское Инженерное училище. Все его отмінки были "отлично". Там он нес обязанности старшего портупей-юнкера, успешно совмещая свою природную деликатность с требованиями военной дисциплины. После производства в офицеры он очутился в Болгарии, где копал туннель.

5. ОПТИНСКИЙ ПОСЛУШНИК ВО ФРАНЦИИ

Собрав весьма немного денег, он поехал учиться во Францию. В Болгарии рабочая плата за целый день равнялась стоимости одного фунта сахара. В Париже он поступил разгрузчиком на товарную станцию в Бурже. В это время началась (то было время НЭПа) его деятельная переписка с матерью; Александра Ивановна непрерывно фидила к Старцу Нектарію, который отнынѣ стал руководить каждым шагом ея сына в эмиграции. Вот примѣры. И. М. на разгрузочной станции в Бурже дослужился до повиновения по службѣ, что было для него тогда большим достижением. Вдруг Старец велит немедленно бросить службу, иначе "будет штраф и арест". И. М., как бы ни было ему тяжело, повиновался безпрескословно. Он остался без заработка и квартиры. Это было еще время, когда Церковь не была раздѣлена на юрисдикции. И. М. с жаром увлекся идеей приобретения для Церкви той горки на рю де Кримѣ, где вскоре был основан Богословский Институтъ. В свободное время он ходил по сборамъ пожертвованій. Осматривая постройки, он обнаружил и облюбовалъ мѣсто на чердакѣ одного изъ домиковъ. Тамъ было удобно соорудить жилую комнату. И. М. набросалъ планъ чердака и отправилъ его Старцу Нектарію, прося благословенія тамъ поселиться. Благословеніе было получено. Онъ пошелъ къ Митрополиту Евлогію за разрѣшеніемъ, но былъ имъ отосланъ къ настоятелю храма на Сергіевскомъ подворьѣ. Отецъ протоіерей

размѣялся и сказалъ насмѣшливо: "Можетъ быть, Вы захотите, чтобы я Васъ поселилъ у себя въ гостини?" Горько и обидно стало, что благословеніе Старца оказалось недѣйствительнымъ... А между тѣмъ случилось такъ, что И. М. шель со своимъ знакомымъ и въ пылу разговора они не замѣтили, какъ зашли далеко. Имъ повстрѣчались на пути поднимающійся изъ подземной желѣзной дороги православный епископъ. "Этотъ Епископъ Веніаминъ, инспекторъ Академіи", — сказалъ его спутникъ и скрылся. И. М. подошелъ подъ благословеніе и сталъ провожать архіерея. Около часа они бесѣдовали. Владыка спросилъ: "Имѣете ли Вы извѣстія изъ Россіи?" У И. М. въ карманѣ было письмо, въ которомъ Старецъ Нектарій благословлялъ его поселиться на вышеуказанномъ чердакѣ. Вскорѣ И. М. получилъ отъ Владыки желанное приглашеніе, онъ писалъ, что студенты принимаютъ его въ свою семью. Комната на чердакѣ была сооружена на средства И. М. его личнымъ трудомъ, и онъ прожилъ въ ней немало времени, пока учился въ Сорбоннѣ на физико-математическомъ факультетѣ.

Отецъ Николай Загоровскій,
Харьковскій Серафимъ.

Старецъ рѣшительно настаивалъ на томъ, чтобы И. М. непремѣнно учился, и сказалъ, что время ученія вмѣнится ему въ молитву. Разрѣшалъ даже, въ случаѣ нужды, пропускать богослуженія, кромѣ двенадцатыхъ праздникоу. Вмѣстѣ съ тѣмъ Ивану Михайловичу была Старцемъ строжайше запрещена всякая мысль о принятіи монашества, чего не было ни въ отношеніи самой Александры Ивановны, которой онъ велѣлъ готовиться къ постригу, ни младшаго брата, нынѣ епископа. Между тѣмъ жизнь Ивана Михайловича протекала какъ въ

самой строгой монашеской кельѣ. На окончаніе Сорбонны и Ecole Supérieure d'Electricite ушло 8 лѣтъ. Будучи весьма способнымъ физикомъ, И. М. респетировалъ своихъ коллегъ, объясняя имъ, какъ производить опыты. Они, имѣя стипендіи или средства, могли окончить курсъ раньше него.

Старецъ входилъ во всѣ детали жизни И. М.: благословилъ онъ избрать духовникомъ О. Георгія Спасскаго. Запретилъ принимать у себя въ комнатѣ особъ женскаго пола. Даже свою коллегу по общимъ учебнымъ заведеніямъ, скромную Екатерину Вяче-

славовну, И. М. принимать на улицѣ, когда она приходила, чтобы онъ ей помочь въ ученіи. Живя въ Парижѣ, онъ не посѣщалъ ни театровъ, ни концертовъ, ни другихъ развлеченій. Однажды выступилъ за плату въ оперѣ въ качествѣ статиста, изображая древнерусскаго воина, но какъ ему, студенту, ни нуженъ былъ заработокъ, онъ почувствовалъ укоры совѣсти и отказался.

Суровыя, аскетическія условія жизни ни въ какой степени не отразились на его свѣтломъ характерѣ. Въ немъ былъ врожденный тонкій юморъ — не даромъ родиною его было сердце Полтавщины, гдѣ жили гоголевскіе герои! Добродушная, остроумная и совершенно безобидная шутка была присуща ему. Въ ней не было и тѣни насмѣшливости. Онъ былъ одновременно до мозга костей художественной натурой, онъ чувствовалъ и понималъ гармонию красокъ. Это обнаружилъ онъ ближе къ старости, когда расшивъ душой, вѣрнѣе сказать, вполнѣ созрѣлъ, и вся его полная воздержанія жизнь стала приносить плоды.

Пройденное имъ столь серьезное научное образование не принесло ему въ жизни никакого матеріальнаго успѣха. Оно лишь дало ему широкое умственное развитіе и закалило его характеръ. Это очевидно было именно тѣмъ, чего добивался для него Старецъ.

6. УЧЕНЫЙ БОГОСЛОВЪ

Когда онъ сталъ, наконецъ, обладателемъ дипломовъ, во Франціи наступилъ періодъ избытка инженеровъ. И. М. нашелъ работу по электрификаціи глухихъ, примитивныхъ мѣстностей Франціи. Составляя проекты и планы, часто скитаясь по горамъ, онъ не имѣлъ ни малѣйшаго комфорта. Только во время мировой войны работы по электрификаціи прекратились.

Въ 1935 году Иванъ Михайловичъ женился. Супруга его, племянница и другъ Нилусовъ, стала неотъемлемой его помощницей. Первымъ долгомъ были куплены 12 томовъ житій святыхъ и были взяты визы для побѣдки въ Святую Землю. Но случилось такъ, что жена его въѣхать не смогла. Чтобы даромъ не потерять "свадебнаго" отпуска, И. М. рѣшилъ въ одиночествѣ посѣтить Аѳонскую гору. Но пароходъ, который долженъ былъ отплыть въ опредѣленный день, неожиданно былъ проданъ. Деньги за билетъ вернули. Другого парохода не оказалось.

Еще при жизни своей Старецъ Нектарій совѣтовалъ Ивану Михайловичу совмѣстить ученіе въ Сорбоннѣ со слушаніемъ лекцій въ Богослов-

скомъ Институтѣ. Но онъ тогда не былъ въ силахъ это исполнить. Когда же во время войны представилась такая возможность, онъ за нее ухватился. Поступая въ Институтъ, И. М., кромѣ пріобрѣтенія богословскихъ познаній, стремился развить въ себѣ умѣніе владѣть перомъ. При первой же подачѣ имъ сочиненія проф. А. В. Карташевъ обратился къ нему въ лестной формѣ, рекомендуя писать и не зарывать таланта въ землю.

Кончая Институтъ, Иванъ Михайловичъ подаетъ кандидатское сочиненіе, состоящее изъ двухъ частей: 1. Старчество и 2. Путь къ нему. Эта тема представляла для него, если можно такъ выразиться, кровный интересъ. Онъ хотѣлъ найти точное богословское опредѣленіе тому, что является сущностью подлиннаго старчества и каково его мѣсто въ Церкви. Онъ понималъ, что нельзя смѣшивать два различныхъ понятія: старчество и духовничество. Въ своемъ кандидатскомъ сочиненіи онъ не могъ еще

дать исчерпывающаго отвѣта. Но за это сочиненіе ему была продолжена стипендія съ тѣмъ, что онъ будетъ писать книгу.

Эта работа вышла въ свѣтъ въ Парижѣ въ 1952 году подъ заглавіемъ "Стяжаніе Святаго Духа въ путяхъ древней Руси". Въ ней авторъ показалъ духовную связь древней Руси съ Византіей и со странами Востока, воспріявшими ея культуру, гдѣ процвѣтали традиціи и завѣты православныхъ аскетовъ и царяла святоотеческая литература. Многочисленные подвижники св. Руси непрерывно путешествовали на Востокъ и поддерживали духовную связь съ этой величайшей православной культурой до самаго нашествія турокъ. Послѣ этого изсякъ благодатный источникъ... Характеръ аскетическаго подвига измѣнился, сталъ болѣе труднымъ.

Во время работы надъ этой книгой были перерыты всѣ бібліотеки Парижа. О старчевствѣ писалъ К. Н. Леонтьевъ въ книгѣ "Отецъ Климентъ Зедергольмъ". Обстоятельно писалъ о старчевствѣ С. А. Нилусъ, жившій много лѣтъ въ Оптиной Пустыни. Епископъ Игнатій Брянчаниновъ ближе другихъ подходилъ къ этому вопросу: онъ отличалъ характеръ подлиннаго старчества отъ ложнаго, который онъ жестоко бичевалъ, называя его "лицедѣйствомъ". Наконецъ, проф. Смирновъ въ "Богословскомъ Вѣстникѣ" посвятилъ ученую работу этой темѣ. Но прямого отвѣта на поставленный вопросъ никто не даетъ.

Во времена первыхъ вѣсковъ христіанства такого опредѣленія и не требовалось: старчество не было

Старецъ Нектарій Оптинскій.

тайной ни для кого. Въ тѣ времена, когда нѣкій старецъ наказалъ монаха лишеніемъ вкушать хлѣбъ и самъ умеръ, то собравшіеся помѣстный соборъ не счелъ себя въ правѣ разрѣшить старческое запрещеніе. Тогда между властью старческой и апостольской не бывало конфликтовъ.

Когда же, съ паденіемъ Византіи, въ Россіи исчезла изъ обращенія святоотеческая литература и еще позже, когда стало проникать западное вліяніе, святоотеческое ученіе было почти забыто. Старчество возстановилъ въ концѣ 18-го вѣка Схіархимандритъ Паисій Величковскій, но оно было принято, какъ нѣкое новшество. Старцы, какъ Преп. Серафимъ Саровскій, Геросхимонахъ Левъ Оптинскій, Геросхимонахъ Амвросій и другіе, бывали гонимы.

Послѣ революціи, когда русская интеллигенція начала обращаться къ Богу, многіе стали священнослужителями и нѣкоторые вообразили себя старцами. Эти “младостарцы”, какъ ихъ кто-то охарактеризовалъ, надѣлали много вреда своимъ духовнымъ чадамъ. Былъ случай самоубійства. Это зналъ И. М. Кромѣ того, былъ случай, близко его коснувшійся. У него былъ другъ, обладавшій недюжиннымъ умомъ и даромъ слова. Старецъ Нектарій благословилъ его поступить въ Академію. Пока тянулся вопросъ о стипендіи, этотъ другъ открылъ самостоятельное предпріятіе, которое сразу же оказалось золотымъ дномъ. Стипендія, между тѣмъ, ему вышла. Жаль ему было бросить услѣнное дѣло. Онъ рѣшилъ обратиться къ Епископу Веніамину, прося его снять съ него старческое заповѣдь. Онъ провелъ въ разговорѣ съ нимъ небольшое количество времени. Вышелъ отъ епископа самъ не свой, измѣнившійся, осунувшійся, однако получивъ желаемое. Но съ этого момента “золотое дно” прогорѣло. Вся жизнь его пошла кривь и вкось... Архирей не имѣлъ права отменить старческую заповѣдь, прямую Божию волю. Это ясно сознавалъ И. М. Но какъ это доказать? Книга его, вышедшая въ 1952 году, “Стяжаніе Святаго Духа въ путяхъ древней Руси”, какъ первый выпускъ задуманной имъ работы, еще не давала на этотъ вопросъ исчер-

пывающаго отвѣта. Голъ спусти, въ Америкѣ, когда И. М. читалъ патрологію въ Свято-Троицкой семинаріи, онъ написалъ жизнеописаніе Геросхимонаха Нектарія — отвѣтъ былъ найденъ и данъ въ предисловіи къ этой работѣ.

7. ТОЛСТОЙ И ДУХЪ ГРЯДУЩЕЙ ЭПОХИ

Когда Иванъ Михайловичъ прибылъ въ 1952 году въ Свято-Троицкую семинарію, ему было предложено читать студентамъ Патрологію. Въ слѣдующемъ 1953 году въ составленныхъ имъ лекціяхъ онъ старался ширѣ раскрыть своимъ слушателямъ ученіе св. Отцовъ объ аскетическомъ подвижѣ, внутреннемъ дѣланіи, которое увѣнчивается благодатью стяжанія Духа Святаго.

Въ слѣдующемъ году Иванъ Михайловичъ перѣхалъ на жительство въ Санъ-Франциско къ брату и сестрѣ, которыхъ онъ не видѣлъ до пріѣзда въ Америку 35 лѣтъ. Тутъ онъ написалъ замѣчательную книгу “Истоки душевной катастрофы Л. Н. Толстого”. Эта книга вышла изъ печати до теперешнихъ религиозныхъ событий, потрясшихъ современный міръ. Но все то, что теперь происходитъ въ широкомъ мировомъ масштабѣ, заранѣ отобразилось, какъ въ маленькомъ зеркалѣ, въ личной жизни Толстого. Проникновенный авторъ книги о Толстомъ, когда онъ еще ее писалъ въ пятидесятыхъ годахъ (первая часть была отпечатана въ “Православномъ Пути” за 1955 годъ), обратилъ пристальное вниманіе на тѣ именно явленія, которые спустя 10 лѣтъ такъ быстро и неожиданно разцвѣли махроніемъ цѣлѣмъ. То было, во-первыхъ, постъ-христіанство, проповѣдуемое Толстымъ — въ письмѣ художнику Яну Стякъ онъ себя именуетъ бывшимъ христіаниномъ. То было, во-вторыхъ, желаніе создать панъ-религію изъ всѣхъ существующихъ вѣрованій.

8. НОВАЯ КНИГА ОБЪ ОПТИНѢ

Помимо этого весьма важнаго труда за этотъ періодъ времени Иваномъ Михайловичемъ было

Концевичи у святого утла молитвеннаго.

прочитано немало лекцій. Съ особой любовью и бережностью, что вообще было въ его характеръ, читаль онъ для молодежи мѣстнаго Санъ-Францискаго Свято-Владимирскаго кружка. На этихъ собраніяхъ, посѣаемыхъ не только молодежью, имъ было прочитано нѣсколько докладовъ, посвященныхъ его любимой темѣ: письма Старца Макарія Оптинскаго къ мірянамъ. Это была его настольная книга, съ ней онъ не разставался, ее раскрывалъ какъ сокровищницу духовной премудрости во всѣхъ случаяхъ жизни, когда требовался совѣтъ, когда нужно было осмыслить какой-либо вопросъ или просто когда душа духовного жаждала. Много потрудился Иванъ Михайловичъ, составляя нѣкую систему, согласно которой можно было бы размѣстить высказыванія Старца по темамъ.

Было написано И. М. много статей, изъ коихъ только нѣкоторая часть успѣла увидѣть свѣтъ при жизни автора. Трудился И. М. и обдумывалъ свою книгу объ Оптинѣ, которая должна была быть продолженіемъ "Стяжаній". Сохранилось множество схемъ намѣченныхъ имъ статей. Ниже приводится первая попытка списка, далеко не полная, его богословскихъ и агиографическихъ трудовъ.

За годъ до кончины Иванъ Михайловичъ перенесъ тяжелую операцію. Послѣ нея онъ медленно угасалъ, но духъ его оставался по-прежнему бодръ: казалось, что онъ духовно, быть можетъ, больше чѣмъ когда-либо утвердился. Послѣ Пасхи 1965 года сталь онъ явно таять, но слѣгъ окончательно изъ-за полной слабости только передъ самымъ концомъ, послѣдовавшимъ 6-го Іюля въ половинѣ 7-го полунодніи. Онъ безмолвно и безропотно переносилъ большія страданія, мужественно, съ покорностью воли Божіей. Послѣднія двѣ недѣли И. М. ежедневно причащался. "Долго ли буду мучиться?" — вырвалось у него уже на смертномъ одрѣ, но онъ себѣ сразу же отвѣтилъ. — "Пусть буду дольше мучиться, чтобы было лучше въ Царствіи Небесномъ". Окруженный иконами, благословеніями Старцевъ Нектарія и Анатолія, которые держали неотступно дежурившіе сурруга, братъ и сестра, Иванъ Михайловичъ тихо, точно заснувъ, перешелъ въ иной міръ. Чуть замѣтная улыбка запечатлѣлась на его устахъ. Смиранный и державшіяся всегда въ тѣни, онъ удостоился торжественнаго погребенія: его отпѣвали 3 епископа и 6 священнослужителей.

Жизнь, посвященная пріобрѣтенію поля духовной жизни, ради сокровища, въ немъ скрытаго, пришла къ концу. И. М. упорно и безпощадно трудился, но плодовъ не пожиналъ. Видно, плоды ему предстояло получить въ иной жизни. "Отъ дней же Іоанна Крестителя доннынъ Царство Небесное силою берется, и употребляюще усиле вохщати его".

10. СПИСОКЪ БОГОСЛОВСКИХЪ РАБОТЪ ПРОФЕССОРА И. М. КОНЦЕВИЧА

Отдѣльнымъ изданіемъ вышли:

Стижаніе Духа Святаго въ путяхъ древней Руси. Парижъ, 1952. Содержание: 1. Краткій обзоръ аскетики. 2. Древнее восточное монашество. 3. Связь съ Востокомъ. 4. Русское монашество. Приложение: Древнерусское искусство.

Іеросимоныхъ Нектарій, послѣдній Оптинскій Старецъ. Свято-Троицкій монастырь, 1953.

Истоки душевной катастрофы Л. Н. Толстого. Мюнхенъ, 1960.

Оптина Пустынь и ея время. Джорданвилль, 1970.

Статьи:

Святитель Димитрій Ростовскій. *Православный Путь.* 1952.

Отецъ Іоаннъ Кронштадтскій и духовный кризисъ Россіи. *Юбилейный сборникъ Фонда Отца Іоанна Кронштадтскаго,* 1958.

День Господень. *Православная Русь,* № 3, 1956.

Православная Церковь и расколъ. Отвѣтъ А. Л. Толстой. *Православное Слово,* Бразилія, № 46, 1955.

По поводу отзыва въ парижскомъ журналѣ о Русской Святости. *Православное Обозрѣніе.* Канада, № 24, 1958.

Книга, должневующая стать настольной — Старецъ Іосифъ Оптинскій. *Православная Русь.* № 19, 1962.

Памяти Отца Ігумена Иннокентія. *Православная Русь.* № 2, 1962.

Антихристъ и современность. *Православная Русь,* № 19, 1959.

Лекціи:

Оптина Пустынь. Филадельфія, 1953.

Патрология. Ч. 2 (отъ Преп. Іоанна Кассіана Римлянина до Преп. Іоанна Дамаскина). Свято-Троицкая семинарія, 1952-3 гг.

Отецъ Іоаннъ Кронштадтскій и Николай Кавасилла. Богословскій Институтъ. Парижъ, 1951.

Борьба въ міръ добра и зла. Краткая исторіософія. Санъ-Франциско, 1958.

Отецъ Николай Загоронскій — Праведникъ. Санъ-Франциско, 1958-9.

Праведная кончина О. Іоанна Кронштадтскаго и смерть Толстого, а также и смерть подвижниковъ благочестія. Санъ-Франциско, 1960.

Путь равноапостольнаго Князя Владимира. Свято-Владимирскій кружокъ. Санъ-Франциско, 1961.

Сокровищъ духовное въ письмахъ Старца Макарія Оптинскаго. Серія докладовъ. Санъ-Франциско, 1961.

Чтецъ Глѣбъ Подмошенскій. 1965

ИСПОВѢДНИКИ РОССІЙСКІЕ

АРХІЕПИСКОПЪ ЛЕОНТІЙ ЧИЛІЙСКІЙ

Память 19-го Іюня (†1971)

ПОЛОЖЕНІЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА УКРАИНѢ ВО ВРЕМЯ НѢМЕЦКОЙ ОККУПАЦІИ

Мы близко къ сердцу воспринимаемъ сложную ситуацію и реальныя страданія, черезъ которые проходятъ люди на Украинѣ. Позиція нашей Праславной Церкви заключается въ томъ, въ чемъ она заключалась на протяжении всего ея историческаго существованія. И тогда, когда гражданская конфронтація имѣла мѣсто въ Россіи послѣ революціи, и тогда, когда подобныя конфликты возникали на всей территоріи совѣтской Россіи, и въ годы нѣмецкой оккупаціи Россіи — наша Церковь не поддается ни на какіе политическіе соблазны и отказывается отъ обслуживания какихъ-либо политическихъ позицій. Свидѣтельство тому воспоминанія Архіепископа Леонтія о положеніи Православной Церкви на Украинѣ во время нѣмецкой оккупаціи, недавно присланныя изъ Чили въ редакцію "Русскаго Паломника" и предлагаемыя нашимъ читателямъ.

1. НАЧАЛО ВОЙНЫ

19 ІЮНЯ 26-го 1941 года, день явленія иконы Божіей Матери "Тихвинская", останется для меня памятнымъ на всю жизнь. Это день моего освобожденія отъ коммунистическаго рабства. Въ 12 часовъ дня М. Е. вбѣжала въ мою убогую клетушку и радостно воскликнула: "Батюшка, нѣмцы входятъ въ Житомиръ! Я только что сама видѣла ихъ танки на нашемъ шоссе. Нѣмецкіе солдаты приветствовали насъ жестами". Взглянувъ на образъ Богоматери, я подумала: "Сія есть измѣна десницы Вышняго", и стала ожидать встрѣчи съ новыми для меня людьми. Что принесутъ они моему многострадальной Родинѣ и, въ частности, мнѣ, изстрадавшемуся отъ долгого скрыванія и тяжкаго нелегальнаго существованія? Часа черезъ два нѣмецкіе солдаты начали обходить дома, не спрятались ли гдѣ-нибудь большевики. И въ мою убогую комнату вошелъ нѣмецкій солдатъ въ

каскаѣ и съ ружьемъ, взглянулъ на меня, на уголь съ иконами и, не взглянувъ въ большой платяной шкафъ, прошелъ въ слѣдующую комнату. Какъ потомъ оказалось, осмотръ помѣщений всюду производился весьма тщательно. Для меня, какъ духовнаго лица, было сдѣлано исключеніе. Я принялъ это за доброе предзнаменованіе и сталъ выжидать дальнѣйшіе событія.

Двѣ недѣли я не рѣшался выходить изъ своего тайнаго убѣжища, пока не стабилизировался фронтъ около Кіева. За это время до меня доходило немало утѣшительныхъ новостей. Въ послѣднія годы передъ второй міровой войной въ Житомирѣ оставался незакрѣтымъ только одинъ кладбищенскій храмъ, обслуживающій нужды всей Волинской епархіи. Въ немъ все время совершались богослуженія. Никто изъ нѣмецкихъ солдатъ храмъ не обыскивалъ и онъ продолжалъ оставаться открытымъ. Входя въ храмъ,

нѣмецкіе военные снимали головные уборы и вели себя пристойно. Вообще надо отдать справедливость, что передовыя нѣмецкіе части вели себя корректно. Это располагало жителей къ нѣмцамъ, за исключеніемъ немногихъ, которымъ хорошо жилось при большевикахъ. Большинство вздохнуло свободно. Занятыя своими военными операциями, нѣмцы мало или почти совершенно не обращали вниманія на церковную жизнь. Зато населеніе, многіе годы лишенное возможности посѣщать богослуженія, неудержимо бросилось къ своимъ святынямъ. Война со своими ужасами, неизвѣстность, что случилось съ близкими, ушедшими на фронтъ, еще болѣе способствовали этому настроенію. Съ первыхъ же дней вступленія нѣмцевъ на нашу территорию населеніе начало степенно открывать храмы и, насколько это было возможно, возстановливать поруганныя большевиками святыни. Тамъ, гдѣ храмы были снесены, ихъ открывали гдѣ только было возможно — то въ большевистскомъ клубѣ, или иномъ подходящемъ для этой цѣли помѣщеніи. Они охотно предоставляли мѣстному населенію военными властями.

Въ г. Житомирѣ первымъ былъ открытъ храмъ бывшаго монастыря, въ которомъ большевики устроили конфетную фабрику. Фабричное оборудованіе было выброшено. Слѣдующимъ открытымъ храмомъ былъ храмъ въ центрѣ города. Въ немъ было устроено кино, а въ алтарѣ уборная. Затѣмъ открыли кафедральный соборъ, гдѣ оказался рыбный складъ и было много вяленой рыбы, а также бочки сельди. Это было весьма кстати для голоднаго населенія. Двѣ недѣли жители безплатно разбирали по домамъ рыбу и, конечно, благодарили давшихъ возможность хоть немного полакомиться продуктомъ, который въ "счастливымъ Совѣтскомъ Союзѣ" послѣднее время совершенно исчезъ съ рынка. Единственная рыба, которую при совѣтской власти могли достать совѣтскіе граждане, и то послѣ долгого стоянія въ очереди, была мѣлкая соленая тюлька. А тутъ вдругъ самая настоящая сельдь, о которыхъ можно было только мечтать. Въ нижнемъ храмѣ кафедральнаго собора оказались большіе резервуары — бассейны, по-видимому, для живой рыбы, предназначавшейся для партійной элиты.

Послѣ собора открыли П. церковь, въ которой большевиками была оборудована обувная фабрика. Когда поруганный храмъ привели въ порядокъ, принесли древнюю чудотворную икону Покрова Божіей Матери. Ее долгое время хранила одна благочестивая женщина у себя, послѣ того какъ ей удалось спасти ее отъ разгрома. Эту икону Божіей Матери свыше 250 лѣтъ чтить весь Воляньскій край. На поклоненіе ей собирался народъ со всей Волины.

Затѣмъ были открыты еще два храма, одинъ на кладбищѣ, другой на базарѣ. А остальные храмы

были большевиками приведены въ такое состояніе, что ихъ нельзя было исправить.

Черезъ нѣсколько дней послѣ вступленія нѣмецкихъ войскъ въ Житомир нѣмецкимъ командованіемъ было предложено Г. Т., какъ человека съ высшимъ богословскимъ образованіемъ, организовать отдѣлъ религиозныхъ дѣлъ при генералъ-комиссарѣ. Въ его обязанность входило взятіе на учетъ всѣхъ духовныхъ лицъ разныхъ вѣроисповѣданій. Ихъ оказалось 35. Въ ихъ число, помимо православныхъ, входило 5 человекъ липковскаго посвященія и два старообрядческихъ начетника. Римско-католическаго вѣроисповѣданія не было ни одного, такъ какъ всѣ были давно сосланы. Въ городѣ было три костела и нѣсколько часовенъ. Обслуживаніе религиозныхъ нуждъ степенно римско-католическаго вѣроисповѣданія взяли на себя католическіе военные священники.

Послѣ двухнедельнаго выжиданія дальнѣйшихъ событій, я наконецъ рѣшилъ выйти изъ своего подполья. Нѣмцы стояли у воротъ Киева. Странное чувство охватило меня, когда послѣ долгого скрыванія я вышелъ на улицу въ свѣтскомъ платьѣ. Я точно разучился чувствовать себя свободно. Идя по улицамъ города, я то и дѣло осматривался по сторонамъ съ невольной мыслью, не слѣдитъ ли кто-нибудь за мной.

Городская жизнь постепенно входила въ нормальную колею. Радостно было у меня на душѣ, потому что я чувствовалъ себя уже не изгоемъ, находящимся внѣ закона, а полноправнымъ гражданиномъ своей Родины. Эта приподнятость духа, какъ мнѣ казалось, отражалась на лицахъ всѣхъ встрѣчавшихся. Не доходя до знанія, въ которомъ помѣшался нужный мнѣ религиозный отдѣлъ, я замѣтилъ перелѣ однимъ домомъ большую толпу нервно настроенныхъ людей. При появленіи изъ этого дома какихъ-нибудь служащихъ толпа наперерывъ кричала — по сути одно и то же. Одинъ кричалъ, что онъ представитель хлѣбозавода и пришелъ просить назначить къ нимъ ответственное лицо. Другой, что необходимо принять электрическую станцію. И такъ далѣе. Въ общемъ эта картина напоминала давно минувшую, древнюю, когда наши праотцы призывали къ себѣ варяговъ: "земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ". Такъ чувствовалась потребность русскихъ людей какъ можно скорѣе наладить нарушенную войной бытовую жизнь.

Центръ города, выжженный большевиками при отступленіи и взорванный, лежалъ въ развалинахъ. Также сгорѣвшая вмѣстѣ съ заключенными огромная тюрьма. Въ ней погибло нѣсколько тысячъ человекъ. Часть была замучена при оставленіи города, остальные погибли въ пламени. Такими фактами, а также уничтоженіемъ складовъ съ продовольствіемъ

и мануфактурой отъмчали большевики повсемѣстно свое отступление. Въ Днѣпрѣ было затоплено немало баржъ съ мукою, сахаромъ, крупой, растительнымъ масломъ, керосиномъ и т. д. А бѣдное население, благодаря большевистскимъ экспериментамъ, всегда было голоднымъ и лишеннымъ одежды.

Наконецъ я дошелъ до зданія, гдѣ помѣщался релігіозный отдѣлъ. Меня встрѣтили тамъ очень приветливо и зарегистрировали. Такъ какъ по сану архимандрита я оказался старшимъ духовнымъ лицомъ, то въ восстановленномъ Б. храмѣ, по желанію не только духовенства и мірянъ, но и назначеннаго новаго городского управления во главѣ съ начальникомъ области, меня пригласили возглавлять церковныя службы. И такъ, въ ожиданіи освобожденія роднаго мнѣ города Кіева, куда вралась моя душа, я возобновилъ открытое служеніе Православной Церкви послѣ насильственно прерваннаго большевиками въ теченіе 6-лѣтняго пребыванія въ подпольѣ.

*Во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. на оккупированной Германіей территоріи Украины, въ июль 1941 г. на соборѣ епископовъ въ Почаевской Успенской лаврѣ, Владыка Алексій былъ возведенъ въ санъ митрополита и затѣмъ возглавилъ автономную УПЦ, находившуюся въ жесткой конфронтаціи съ Украинской автокефальной православной Церковью и каноническомъ общеніи съ Московской Патриархіей безъ невозможныхъ по обстоятельству войны административныхъ связей съ ней. Убитъ въ 1943 году бандеровцами во время одной изъ архаистскихъ поѣздокъ на Волыни. Похороненъ въ Кременѣ.

До революціи на всей территоріи Волыни съ тѣми уздами, которые отошли къ Польшѣ,

Владыка Алексій (Громадскій), Митрополитъ Украинской Православной Церкви въ годы гѣмецкой оккупациі*.

насчитывалось 900 приходоѡв. Поэтому для подсовѣтской Волыни необходимо было не менѣе 500 священниковъ. Можно представить положеніе немногочисленнаго уцѣлѣвшаго духовенства. Трудно описать и выразить словами мое состояніе, когда я въ первый разъ совершалъ открыто службу, а также подъемъ православныхъ людей. Вся обстановка напоминала первые дни христіанской эры по своему энтузіазму и въ себѣ ему стремленію къ вѣрѣ и Православной Церкви. Безъ слезъ нельзя было относиться къ тому, какъ пріѣзжіе изъ далекихъ селъ и мѣстечекъ простые люди вымаливали себѣ на тотъ или иной праздникъ священника, отсутствовавшаго въ той мѣстности уже десяткіи лѣтъ. За это время

много некрещенныхъ младенцевъ и подростковъ, родители которыхъ жаждали окрестить. Также и неотпѣтыхъ на кладбищахъ, надъ могилами которыхъ вѣрующіе хотѣли прослушать надгробныя пѣснопѣнія. Все это чувствовалось остро и потому я не могъ ограничивать совершеніе богослуженія только городомъ.

2. ВОЗРОЖДЕНІЕ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ

Первое свое путешествіе я предпринялъ километровъ за 40 въ большое мѣстечко П. Мѣстное населеніе встрѣтило меня съ необыкновенной радостью. Храмъ ихъ былъ давно разобранъ большевиками. Поэтому, выбросивъ предварительно всѣ коммунистическія эмблемы изъ комсомольскаго

клуба, они устроили церковь. Недалеко от нового храма валялись полубогорвѣвшія изображения совѣтскихъ кумировъ, въ жертву которымъ было принесено немало ненинныхъ людскихъ жизней, а также святынъ и цѣнностей русской культуры. Теперь ихъ изображения валялись на землѣ, свидѣтельствую о томъ, что все въ этомъ мѣрѣ непрочно и проходяще. На одной изъ садовыхъ площадей валялась разбитая статуя Ленина. Голова его съ частью туловища лежала по направлению къ храму и приподнятый указательный палецъ какъ бы выражалъ жалобу на то, что Церковь, которую въ своемъ безуміи онъ разорилъ и свѣргалъ съ нее символъ христіанства — Крестъ, побѣдила его безуміе, а онъ лежитъ, поверженный со своего пьедестала. Освободившись отъ страха, внушеннаго коммунизмомъ, люди принимали нормальный человѣчскій обликъ, не казались звѣрями, а напоминали тѣхъ, которыхъ мы знали въ прежнія времена. Молодежь собиралась вокругъ храма и, какъ это ни странно, больше людей среднего возраста интересовались религіей и церковью. Импровизированный хоръ, составленный изъ молодежи, звучалъ неплохо.

Большой храмъ не могъ вмѣстѣ въсѣхъ молящихся и многие стояли на дворѣ. Побѣдоносно звучали торжественныя гѣснопѣнія, передъ шестопсалміемъ "Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ". Тихая украинская ночь располагала къ молитвѣ и къ этому давножданному миру и благоволенію послѣ долготѣйшей коммунистической пропаганды ненависти и классової борьбы. Для моего пребывания была приготовлена чистая горница въ одномъ изъ лучше сохранившихся домовъ. Далеко за полночь продолжались частныя бесѣды съ посетителями о единомъ на потребу.

На слѣдующій день задолго до литургіи я проводилъ исповѣдь. Масса была желающихъ принять св. Тайны, излить свои скорби въ таинствѣ исповѣди, успокоить сердца, примириться съ Богомъ послѣ долготѣйшей отчужденности отъ Него и Его Церкви. Просто не вѣрилось, что всего только два мѣсяца тому назадъ здѣсь царили коммунисты со своими инквизиторскими прѣвѣрами и калеченьемъ человѣчскихъ душъ! Большевицкая чешуя какъ экзема спадала съ выздоравливающей души русского человѣка и онъ принималъ другой видъ.

Послѣ литургіи былъ совершенъ крестный ходъ на мѣстное кладбище. Оно было заранѣе общими трудами приведено въ порядокъ. Всѣ могилы были покрыты домотканными полотнами и на нихъ лежали заупокойные хлѣба. Прежде всего пришлось отслужить общее погребеніе у вновь сооруженнаго огромнаго деревяннаго креста посерединѣ по всѣмъ въ лихолѣтѣ непогребеннымъ, а затѣмъ, по желанію, совершать отдѣльные погребенія и панихиды. Почти къ вечеру закончили заупокойную службу такимъ же

порядкомъ, съ крестнымъ ходомъ, вернулись обратно къ храму. Здѣсь была устроена общая трапеза, въ которой приняли участіе всѣ поспѣители церковнаго торжества. Такъ закончилось празднованіе Рождества Пресвятыя Богородицы, храмовый праздникъ этого села. На слѣдующій день двѣ телеги съ хлѣбами и полотнами были отправлены за мной въ городъ для различа нуждающимся жителямъ и тѣмъ, кто въ дни ненастья притрѣлъ меня въ своемъ домѣ.

Черезъ нѣсколько дней я поспѣтилъ другое село Т. До большевицкаго владычества здѣсь существовалъ древній мужской монастырь съ чтимымъ образомъ Божіей Матери Треручицы. Послѣдній чудесно сохранился, также утварь и ризы, — все было спасено добрыми людьми, сумѣвшими сохранить святыню, рискуя своими головами. Это былъ чудесный уголокъ съ утѣвѣвшимъ монастырскимъ храмомъ, обнесеннымъ каменной оградой, за которой былъ лѣсъ и протекала рѣка Т. Другіе монастырскіе храмы были разрушены. И здѣсь къ моменту моего прибытія вся мѣстность была запущена людьми и подводами, прибывшими изъ другихъ селъ, узнавшихъ о прибытіи священника. Немало было живыхъ свидѣтелей, знавшихъ меня по принудительнымъ работамъ на каменоломнѣ, находившейся вблизи монастыря и села В. П. Послѣ продолжительнаго богослуженія было совершенно многолюдное крещеніе. Здѣсь были даже больше желающихъ окрестить своихъ дѣтей, чѣмъ въ мѣстѣ моей первой поѣздки, приблизительно 60, начиная съ младенцевъ и кончая юношами и дѣвками. Съ ними были и ихъ крестные. Съ трудомъ я справился со своей нелегкой задачей и прямо изнемогалъ отъ переутомленія. Но дѣло Божіе не могло ждать и надо было продолжать трудиться, не покладая рукъ, чтобы не оставить никого въ печали и неутѣшеннымъ. Крещеніе было всеобщимъ. Несмотря на усталость, я испытывалъ моральное удовлетвореніе и радость отъ сознанія того, что въ сознаніи русскаго человѣка православная вѣра не угасла, а какъ раздутая изъ пепла искра превращалась въ ярко горящій пламень.

3. ГЕНОЦИДЪ РУССКАГО НАРОДА

Въ то же время недалеко шла ожесточенная битва двухъ смертельныхъ враговъ съ одинаково безбожной идеологіей. Одни боролись за коммунистическую человѣконенавистническую "правду", другіе стремились подъ мнимымъ, какъ оказалось вскорѣ, лозунгомъ "освобожденія отъ коммунизма" расширять свои границы на востокъ и прививать русскому народу другое безбожіе — язычество, съ которымъ онъ разстался тысячу лѣтъ тому назадъ при св. благовѣрномъ князѣ Владимірѣ. Къ этому присоединена была еще расовая теорія и философія безумнаго нѣмецкаго мыслителя Ницше.

Тѣла разстрѣлянныхъ нѣмцами въ православной церкви мирныхъ гражданъ.

Первое время вожди оккупантовъ скрывали свои планы и чаянія. Поэтому они шли побѣдоносно по нашимъ просторамъ, не встрѣчая на своемъ пути преградъ. Офицеры и солдаты полумиллионной арміи, почти безъ боя сдавшейся нѣмцамъ, такъ объясняли свое поражение: мы не хотѣли воевать за коммунистовъ, перебили нашихъ политруковъ, сложили оружіе и насъ почти голыми руками взяли въ плѣнъ. Первая мѣсяцы нѣмцы отпускали плѣнныхъ по домамъ. И не было случаевъ нападеній на нѣмецкихъ солдатъ, которые часто безпечно спали въ лѣсахъ и на опушкахъ, и мимо нихъ проходили отпущенные военнопленные.

Но такое положеніе продолжалось недолго. Когда у Гитлера и Розенберга закружилась голова отъ первыхъ успѣховъ, они вообразили, что совѣтская армія вообще неспособна воевать. Поэтому они рѣшили просто уничтожить русскихъ солдатъ и морить голодомъ. Въ одномъ только Житомирѣ въ лагерѣ военнопленныхъ за колочей проволокой за одинъ годъ погибло 150 тысячъ. Несчастные солдаты ѣли ремни и умершихъ. А помочь имъ не разрѣшали. Сначала, заручившись согласіемъ нѣмецкихъ властей, при моемъ участіи былъ организованъ

комитетъ по оказанію помощи русскимъ военнопленнымъ. Отъ имени Русской Православной Церкви было выпущено воззваніе съ призывомъ помочь нуждающимся братьямъ, кто чѣмъ можетъ. Оно было опубликовано не только въ городѣ, но направлено въ села. Въ городѣ была собрана порядочная сумма денегъ, изъ провинціи потянулись подводы съ провизіей. Но вопреки разрѣшенію генеральнаго комиссариата, гестапо конфисковало собранные деньги, а на заставахъ стало отбирать собранные продукты. Въсть о нечеловѣческомъ обращеніи съ военнопленными докатилась до фронта, появились перебѣжчики и картина рѣзко измѣнилась не въ пользу нѣмцевъ. Этимъ можно объяснить первый заторъ у Кіева. Начали раздаваться голоса, предсказывавшіе неминуемое поражение нѣмцевъ, что и случилось къ радости коммунистовъ.

Вмѣсто освобожденія нацисты предложили русскому народу медленную смерть отъ голода и готовили всеобщее рабство. Въ специально созданномъ для управленія оккупированными областями восточномъ министерствѣ въ Берлинѣ, какъ разсказывали освѣдомленные люди, вся Россія

была подѣлена на квадратики и для каждого квадратика предназначень новый хозяинъ съ кнутомъ для усмирень непокорныхъ. Такъ стали проявлять себя новые хозяева. Нельзя было на улицъ подавать что-нибудь кому-нибудь изъ военнопленныхъ, работавшихъ подъ присмотромъ конвоировъ. Однажды меня вызвали къ "тебѣ-комиссару". Меня сопровождалъ протоерей О. А. На улицахъ лежалъ снѣгъ. Его убирали, еле двигая ногами, русскіе солдаты. Увидѣвъ меня, они стали жалобно просить дать имъ хоть на папиросу. Я сталъ одѣвать ихъ, чѣмъ могъ. Въ это время надсмотрщикъ со свастикой на рукавѣ въ желтой формѣ бросился къ несчастнымъ, сталъ у неуспѣвшихъ спрятать деньги вырывать ихъ изъ рукъ, а затѣмъ яростно набросился на меня съ руганью, какъ посмѣлъ имъ дать, что это запрещено. Эта дикая сцена съ духовнымъ лицомъ на главной улицѣ привлекла вниманіе прохожихъ и начали собираться группы людей. Этотъ молодецъ собирался уже вести меня въ комендатуру, но потомъ почему-то раздумалъ и отпустилъ меня.

Почти одновременно съ передовыми нѣмцами частями прибыли въ качествѣ переводчиковъ и агитаторовъ многіе украинскіе дѣятели, шовинистически настроенные выходцы изъ Галиціи и Западной Украины. Это были преимущественно студенты и вообще молодежь, воодушевленные своими вожаками, одни Степаномъ Бендеромъ, другіе Мельникомъ. Какъ только они прибыли въ Житомиръ, по городу стали разпространяться листовки: "Украина только для украинцевъ, а кацапы и жида должны убираться вонъ". Эти и имъ подобные лозунги не понравились населенію, со времени гражданской войны хорошо знакомому съ украинской властью. Поэтому всѣ насторожились. Замѣтивъ, что въ городѣ ихъ пропаганда успѣха не имѣетъ, эти молодцы перенесли свою работу на село, оставивъ вѣршуху въ городѣ.

Вскорѣ я получилъ повѣстку явиться въ ихъ штабъ. Приняли меня молодые галичане любезно и предложили вмѣстѣ съ ними "будувати молоду Україну". Я отвѣтилъ, что политической дѣятельностью не занимаюсь и ею не интересуюсь, а моя сфера и поле дѣятельности — это Православная вѣра и Церковь. Потомъ я сказала, что я не сторонникъ дѣленія нашей родины и сѣянія, наподобіе большевиковъ, розни между населяющими нашу страну народами, включая и евреевъ, несмотря на то, что среди послѣднихъ было много революціонно настроенныхъ, сыгравшихъ немалую роль въ разорѣніи нашей страны.

Тѣмъ не менѣе галичане все же просили меня поддержать ихъ моимъ авторитетомъ, какъ известнаго среди народа духовнаго лица. На это я отвѣтилъ, что обѣщать не могу и буду наблюдать, въ

какія формы выльется ихъ политическая дѣятельность. Они имѣли мало успѣха въ селахъ. Почти никто за ними не шелъ. Ихъ ненависть ко всему русскому была не по духу ни городскому населенію, ни сельскому. Для популяризаціи своихъ идей они прибѣгали къ музыкѣ и танцамъ. Устраивали вечера. Молодежь охотно принимала участіе въ веселіи, но какъ только начиналась шовинистическая агитація, она разсыпалась во всѣ стороны. Пытались ввести украинскій языкъ въ совершеніе богослуженій, но и это, за немногими исключеніями, не прививалось. Такимъ образомъ агитація галичанъ успѣха не имѣла и они оказались въ одиночествѣ.

По-видимому, это обстоятельство было учтено нѣмцами. Гестапо стало понемногу ихъ арестовывать и разстрѣливать. Въ число украинскихъ шовинистовъ былъ завербованъ и старшій сынъ начальника нашего города, славный молодой человекъ. Онъ помѣстилъ нѣсколько статей въ мѣстной газетѣ и въ одной изъ нихъ онъ упомянулъ объ идеальномъ священникѣ, вооруженномъ винтовкой и шашкой. Такое было у него представленіе о роли духовенства въ ихъ шовинистической авантюрѣ. Высказанная имъ мысль не понравилась приходскимъ на смѣну военныхъ властей гестаповцамъ, они его арестовали и вмѣстѣ съ другими повели на разстрѣлъ. Какимъ-то чудомъ онъ вырвался и сталъ убѣгать. По немъ открыли стрѣльбу, ранили, но все же ему удалось скрыться. Окровавленный, онъ прибѣжалъ въ домъ одной старушки, гдѣ некоторое время скрывался, пока его не переправили съ документами подъ другимъ именемъ въ Галицію. Привожу это для примѣра.

Другой не менѣе яркій случай съ Хворостинскимъ, галичаниномъ. Родной братъ его все время былъ въ подсоветской Украинѣ. Послѣ вступленія нѣмцевъ занялъ крупный административный постъ. Родного брата, прибывшаго изъ Галиціи, онъ устроилъ тоже на хорошую службу. Его также въ числѣ другихъ галичанъ гестаповцы разстрѣляли, невзирая на хлопоты брата. Я былъ хорошо знакомъ съ Хворостинскимъ и много бесѣдовалъ съ нимъ о нежизненности и неспрѣмьности его идей въ нашей, какъ онъ называлъ, "Великой Украинѣ". Незадолго до своего ареста, по-видимому, онъ самъ въ этомъ убѣдился, переѣхавъ свои убѣжденія и отошелъ отъ политической дѣятельности. Но это ему уже не помогло.

Надо полагать, что созданные украинскими сепаратистами и галичанами два теченія, одно Бендеры, другое Мельники, разошлись въ своихъ дѣйствіяхъ и тактикѣ. Первое теченіе осталось непримиримымъ, второе нѣсколько измѣнило свои планы. Упомяная здѣсь о бендеровцахъ, я ниже коснусь ихъ преступнаго вмѣшательства въ

церковныя дѣла. Вмѣстѣ съ нѣмцами они сыграли немалую роль въ разрушеніи Православной Церкви на оккупированной территоріи. Они воскресили большевистскія традиціи, способствуя реставраціи липковщины.*

Политическая система бердеровцевъ воплощаетъ всѣ отрицательныя стороны, какъ большевизма, такъ и расизма. Это подтверждается какъ прошлой ихъ дѣятельностью, такъ и настоящею за границей. Въ первый день открытаго церковнаго служенія по предложенію областного и городского управленія мнѣ пришлось участвовать въ погребеніи двухъ извѣстныхъ политическихъ дѣятелей изъ лагеря мельниковцевъ, убитыхъ на главной улицѣ города днемъ сторонниками Бендеры. Ихъ похороны въ склепѣ около кафедральнаго собора. Похороны носили общественный характеръ, но населеніе толкомъ не знало, въ чѣмъ дѣло, такъ какъ оба эти политическія теченія были ему чужды. Друзья убитыхъ объяснили мнѣ, въ чѣмъ заключались ихъ принципиальныя политическія разногласія, но для населенія они не имѣли никакого значенія, потому что оно не различало вообще шовинистическое настроеніе.

4. ВОЗСТАНОВЛЕНІЕ ІЕРАРХІИ

Такъ какъ духовенства было очень мало, передъ нами всталъ вопросъ: какъ быть дальше? Во что бы то ни стало надо было имѣть православнаго епископа, который могъ бы рукополагать новыхъ священниковъ и привести бы въ порядокъ дезорганизованную большевиками церковную жизнь. Послѣ 1937 года большевики не оставили въ живыхъ ни одного епископа на Украинѣ и почти нѣкого изъ епископовъ на всей территоріи СССР. Напрасно увѣрялъ личный секретарь совѣтскаго архіепископа Гермогена А. Ф. Шишкинъ, выступившій съ докладомъ въ Сѣверной Америкѣ въ мартѣ 1954 года**, что "Русская Православная Церковь никогда за всю многовѣковую исторію своего существованія не была мученицей. Не является таковой она и за послѣднія 36 лѣтъ". То правда, что на историческомъ пути своего развитія Русская Православная Церковь испытывала времена тѣ или нѣныя трудности. Но эти трудности никогда не омрачали цѣло русскаго православнаго народа и его іерархіи". Такъ вотъ эти "неомраченные", по словамъ совѣтскаго агента, люди на Украинѣ къ приходу нѣмцевъ остались безъ *единого правящаго епископа, за исключеніемъ

престарѣлаго святаго старца, много лѣтъ тому назавтра отошедшаго отъ всѣхъ церковныхъ дѣлъ Схимонархіепископа Антонія (Князя Абашидзе).

Изъ Кременца архіепископомъ Алексіемъ были присланы къ намъ въ качествѣ представителя архимандритъ Борисъ. Это духовное лицо, къ сожалѣнію, мало было похоже на такового. Во всякомъ случаѣ православный народъ не привыкъ къ такому типу духовныхъ лицъ, да еще въ монашескомъ чинѣ. Стриженныя, бритыя, въ разтегнутую рясу, съ папирсой въ зубахъ, онъ произвелъ непріятное впечатлѣніе и по немъ нѣкоторые церковныя люди стали поспѣшно судить обо всемъ православномъ духовенствѣ въ Польшѣ. По прибытіи въ Житомиръ это духовное лицо какимъ-то образомъ заняло одну изъ шикарныхъ, покинутыхъ коммунистами квартиръ и повело неподобающее духовному сану жизнь. По этому поводу у меня съ нимъ произошла крупная бесѣда въ присутствіи начальника города М. Я. и въ концѣ концовъ посоветовали ему съ такими привычками возвратиться туда, откуда онъ прибылъ, такъ какъ наша православная паства, да и вообще народъ, подобный ему типовъ еще не встрѣчалъ — развѣ что на карикатурахъ въ антирелигіозныхъ изданіяхъ. Поскольку однако онъ считался представителемъ церковныхъ властей, пришлось его терпѣть до времени.

Другимъ обстоятельствомъ, которое внесло нѣчто новое въ нашу церковную жизнь, было выдѣленіе отдѣла по религіознымъ дѣламъ въ спеціальное духовное правленіе православнаго вѣроисповѣданія, а остальные вѣроисповѣданія были нѣмецкими гражданскими властями выдѣлены въ спеціальныя отдѣлы при генераль-комисариатѣ. Въ качествѣ референта или посредника отъ гражданскихъ властей къ намъ были назначены одинъ изъ нѣмецкихъ чиновниковъ. Вообще положеніе въ оккупированной области начало рѣзко мѣняться въ сторону ухудшенія. Военное командованіе, продвигаясь впередъ, передавало власть гражданскому управленію, состоявшему изъ нацистовъ. Они стали проводить въ жизнь свои преступныя теоріи. Сначала принялись за уничтоженіе евреевъ, а потомъ русскіхъ. Происходили дикія облыны на уцѣлѣвшихъ евреевъ и поголовное ихъ истребленіе. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль въ одномъ только Житомирѣ за городомъ было убито 12 тысячъ евреевъ съ малыми дѣтьми. Ихъ заставляли самихъ рыть себѣ могилы и ложиться въ нихъ живыми. Такъ ихъ разстрѣльвали лежащими. Пострадавшие были исключительно жертвами гестапо и нѣмецкихъ фашистовъ, но не военныхъ, которые относились ко всѣмъ одинаково и не трогали евреевъ. Да и зачѣмъ имъ было трогать? Комиссары давно ухватили на шикарныхъ машинахъ въ глубокой тѣлѣ, а оставалась

*См. брошюру С. Рапескаго "Автокефальная Украинская Церковь", изданную въ США въ 1948 г., при составленіи которой авторъ пользовался также и моими свѣдѣніями и приведенными мною воспоминаніями В. Липковскаго.

**См. журналъ "Единая Церковь" № 1 за 1954 г.

безответная бѣднота, простые обыватели. Въ тѣ страшные дни нерѣдко приходилось встрѣчать грузовики, наполненные несчастными евреями, обрѣченными на смерть, быстро мчавшимися къ мѣсту назначенія. Многие изъ старыхъ людей открыто говорили: мы наказаны Богомъ за отступление отъ вѣры своихъ предковъ и за безбожіе своей молодежи. Въ ближайшемъ къ намъ городѣ было убито 25 тысячъ евреевъ. Безпомощны были мы всѣ, сочувствовавшіе этимъ несчастнымъ, потому что открыто помочь имъ было нельзя. Немало русскихъ людей, пытавшихся какъ-нибудь спасти несчастныхъ, пострадали за это. Безпощадно убивали и тѣхъ, и другихъ. Не помогало принятіе христіанской вѣры. Страдало и духовенство, крестившее ихъ. Незвизирая на такое массовое открытое избиеніе, многие сердобольные русскіе люди, рискуя собственной жизнью, спасли многихъ. Не вспоминали о томъ, что въ первые годы революціи еврейская молодежь, какъ и молодежь другихъ національностей, вопреки часто волѣ старшихъ, старательно разназывала устои русскаго государства и принимала участіе въ разорѣніи нашихъ вѣковыхъ святыхъ.

По долгу пастырской совѣсти и мнѣ приходилось не разъ спасать жизнь евреевъ, буквально вырывая ихъ изъ львиной пасти звѣрей. Если они остались живы, то, навѣрно, вспоминаютъ меня съ благодарностью. Рискуя жизнью, мнѣ удалось одну большую еврейскую семью спасти отъ неминуемой смерти. Даже во дворѣ нашего монастыря скрывался какой-то невѣдомый мнѣ еврей до послѣднихъ дней оккупации. Я не хотѣлъ знать ни его имени, ни откуда онъ и кто такой. Это было полезно для всѣхъ. Такъ поступали тѣ, кто любилъ Христа Спасителя и помнилъ Его заповѣди. Знаю, что и нѣкоторые духовные лица поступали такъ, какъ мы. Поэтому никто не смѣетъ упрекать Православную Церковь въ антисемитизмъ. Она борется съ безбожіемъ духовнымъ оружіемъ, не взираетъ на национальность, прощаетъ враговъ, въ особенности, когда они повержены долгу и просятъ защиты.

Не одобряю я и поруганія еврейскихъ святыхъ и разорѣнія синагогъ. Въ нашемъ городѣ куски изорванныхъ торѣ долго валялись выброшенными изъ изъ сожженныхъ молитвенныхъ домовъ.

Посоветовавшись со своими духовными собратьями, а также начальникомъ города М. Я., я рѣшилъ ѣхать въ Почаевскую Лавру къ архіепископу Алексію (Промадскому), въ то время возглавившему на законномъ каноническомъ основаніи всю автономную Православную Церковь на Украинѣ, и ходатайствовать о присылкѣ къ намъ въ Житомиръ одного изъ епископовъ, находившихся въ то время въ Почаевской Лаврѣ. Ихъ было два: епископъ Львовскій Пантелеимонъ и епископъ Владиміро-

Вольскій Веніаминъ. Пути сообщенія еще не были налажены и ѣхать можно было съ большимъ трудомъ на случайной нѣмецкой машинѣ. Получивъ пропускъ, я вмѣстѣ съ прибывшими изъ с. Дубко отцомъ В. К. въ концѣ сентября 1941 года пустился въ путь. На границѣ Польши въ г. Корецъ пришла приветствовать меня случайно узнавшая о моемъ проѣздѣ Игуменья Корецкаго женскаго монастыря м. Феоданія, съ чайникомъ въ рукѣ, и напоила меня тутъ же, около грузовика, горячимъ чаемъ. На территории Западной Украины евреи еще встрѣчались, но носили свои сионскіе знаки. Проѣзжая черезъ Ровно, я узналъ о звѣрствахъ, совершенныхъ большевиками при отступленіи. Тамъ я останавливался у мѣстнаго благочиннаго, выѣхавшаго вмѣстѣ со мной изъ Житомира. Повидимому онъ былъ непрочъ промѣнять свое мѣсто и удобный священническій домъ на приходъ въ г. Житомиръ, гдѣ чувствовалась совершенно иная церковная жизнь и настроенность вѣрующихъ, хотя все было дезорганизовано большевиками. Насъ сопровождалъ также кандидатъ по священству отъ нашего Духовнаго правленія. Въ дорогѣ было немало проворскъ со стороны нѣмецкихъ властей, но видя насъ въ рясахъ и съ длинными волосами, насъ всюду пропускали и не чинили никакихъ препятствій.

Черезъ четыре дня мы прибыли въ Кременецъ, гдѣ была резиденція правящаго православнаго архіепископа Алексія. Принялъ меня Владыка Алексій очень хорошо и пріютилъ въ своихъ покояхъ. Видъ у него былъ неархіерейскій, не по его вѣнчѣ, почти стриженный, съ малой бородкой. За трапезой онъ повѣдалъ мнѣ свою печальную повѣсть. Когда вспыхнула война съ нѣмцами, большевики арестовали его и посадили въ мѣстную тюрьму. Келейникъ его былъ арестованъ значительно раньше, ГПУ обрабатывало его, чтобы принудить сотрудничать съ ними. Но онъ остался вѣренъ своему Владыкѣ. Черезъ нѣсколько дней послѣ ареста архіепископа большевики разстрѣляли келейника и другихъ заключенныхъ, а тюрьму подожгли. Владыку Алексія съ партией оставшихся въ живыхъ погнали пешкомъ въ г. Тернополь. По дорогѣ Владыка Алексій занемогъ и началъ отставать, потомъ упалъ въ полубезсознательномъ состояніи. Сопровождавшіе его конвоиры хотѣли тутъ же прикончить его, но одинъ изъ нихъ сказалъ: "Не надо убивать старика, онъ и такъ самъ умирать", и повелъ арестованныхъ дальше. Черезъ нѣкоторое время Владыка очнулся и доползъ до села, гдѣ его пріютила семья священника. Тамъ онъ скрывался, пока не пришли нѣмцы, и тогда вернулся къ себѣ въ Кременецъ. Въ тюрьмѣ большевики его остригли, обрили, надели на него рваное мірское платье, чтобы его не могли узнать. Онъ рассказалъ также, что когда большевики пришли въ Польшу въ 1939 году, то взяли нѣсколько

Видъ Почаевской Лавры наканунѣ войны. Фото 1939 года.

монаховъ Почаевской Лавры, нелегально перешедшихъ совѣтско-польскую границу еще задолго до войны. Они пропали безъ вѣсти до сего дня — вѣроятно, были расстрѣляны.

5. ПОЧАЕВСКАЯ ЛАВРА

Такъ какъ былъ канунъ праздника Божіей Матери, то Владыка собирался ѣхать на служеніе въ Почаевскую Лавру. Въ день праздника Покрова Божіей Матери въ Почаевѣ обычно торжественно переносятъ чудотворную икону Божіей Матери Почаевскую изъ Успенскаго лѣтняго собора въ теплый храмъ Похвалы Божіей Матери. Владыка архіепископъ любезно пригласилъ меня съ собой. Въ монастырской коляскѣ мы отправились рано утромъ въ путь. Былъ чудный осенній день. Живописныя небольшие горы, представляющія отроги Карпатскихъ горъ, были красиво расположены по обѣимъ сторонамъ дороги. Среди них, утопая въ садахъ, попадались украинскіе села и деревушки, украшенные православными храмами и населенные нашими людьми. Это все напоминало нашу Восточную Украину и не вѣрилось, что и здѣсь кое-что сохранилось, несмотря на сильныя притѣсненія польскаго правительства, постоянно подстрекаемаго

польскимъ католическимъ духовенствомъ. Оказалось, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ православные храмы были только недавно возстановлены. Часама къ тремъ мы прибыли въ Почаевскую Лавру. Не успѣла коляска вѣхать въ монастырскій дворъ, какъ раздался мощный торжественный лаврскій перезвонъ колоколовъ. Такъ Лавра встрѣчала своего Первоиерарха.

На встрѣчу Владыки Алексія вышли епископы Пантелеймонъ и Веніаминъ со старшей лаврской братіей. Это было мое первое знакомство съ Почаевской Лаврой и съ насельниками. Послѣ краткаго молебна передъ чудотворнымъ образомъ Царицы Небесной и трапезы всѣ разошлись по своимъ кельямъ. Мнѣ была предоставлена келія въ одномъ коридорѣ съ архіепископомъ. Послѣ непродолжительнаго отдыха и чая съ Владыкой Алексіемъ пошелъ въ главный Успенскій соборъ ко всенощной. Величественный, богато украшенный храмъ произвелъ на меня огромное впечатлѣніе. Всенощное бдѣніе совершали три иерарха со множествомъ предстоящихъ. Чудно пѣли два лаврскихъ хора. Давно я не слышалъ и не принималъ участія въ такой службѣ. Даже не вѣрилось, что все это наяву, а не во снѣ.

На следующий день послѣ торжественной литургии св. икону Божіей Матери Почаевской перенесли въ теплый Похвальскій храмъ. Этимъ торжество закончилось. Ввиду многихъ назрѣвшихъ вопросовъ архіепископъ провелъ совѣщаніе архіереевъ.

Положеніе Православной Церкви къ этому моменту представлялось въ слѣдующемъ видѣ. По рижскому трактату 1921 года въ территорію возрожденной Польши на востокъ были включены земли съ православнымъ населеніемъ, достигавшимъ 5 миллионѣвъ. Сначала это населеніе считалось русскимъ, но очень скоро польское правительство рѣшило искоренить "московский духъ" и, по примѣру габсбургскаго правительства въ Венѣ въ свое время, сперва рѣшило его украинизировать, а потомъ колонизировать.

Еще въ концѣ 19-го вѣка австро-венгерское правительство подъ влияніемъ и по совѣту римско-католическихъ круговъ стало подготавливать изъ среды галичанъ, исповѣдававшихъ униатство, особую интеллигенцію для Малороссіи. Названіе "Малороссіи" было замѣнено терминомъ "Украина" и всемъ галичанамъ старались внушить, что они украинцы и должны стремиться къ созданію независимой Украины*.

Съ того времени и до нашихъ дней австрійскій кардиналъ былъ назначенъ Римомъ покровителемъ украинскаго народа и недалеко отъ его резиденціи и венскаго кафедральнаго собора была выстроена униатская церковь восточнаго обряда въ честь Великомученицы Варвары. Внутренняя отдѣлка ея въ стилѣ барокко. Службы совершались съ "украинской вимовоу". Она была центромъ, вокругъ котораго группировались тысячи галичанъ-униатовъ и вообще украинцевъ съ шовинистическимъ уклономъ въ 1944 году. Въ настоящее время въ соборѣ св. Стевана въ Венѣ находятся останки полоцкаго униатскаго епископа Юсафата Кунцевича, убитаго возмущеннымъ его жестокими мѣрами для обращенія въ униатство православнымъ населеніемъ. Въ годовщину смерти униатскаго митрополита Андрея Шептицкаго въ соборѣ св. Стевана въ присутствіи кардинала Ф. Инниера униатскимъ духовенствомъ была отслужена заупокойная литургія на украинскомъ языкѣ.

Потому православное населеніе Волыни и бывшей Холмской Руси стали считать украинцами, а населеніе на сѣверѣ отъ Принята было причислено къ бѣлоруссамъ. До смерти маршала Пилсудскаго въ 1936 году правительство проводило украинизацію, а

съ 1936 года перешло къ колонизаціи. Для проведенія украинизаціи населенія польское правительство хотѣло использовать іерархію Православной Церкви, объявившей ея автокеалію въ Польшѣ въ 1925 году. Было приказано хиротонисать во епископы викарія Волынской епархіи, украинца, проникнутаго шовинистическимъ духомъ. Кандидатомъ выставили чиновника бывшаго украинскаго правительства 1919 года Поликарпа Сикорскаго, который въ то время былъ въ санѣ архимандрита. Его хиротонія состоялась 10-го Апрѣля 1932 года съ нарѣченіемъ епископомъ Луцкимъ.

Съ этого момента наступила травля церковно-славянскаго языка и произнесенія проповѣдей на русскомъ языкѣ, направленная также противъ стойкаго православнаго духовенства и епископовъ: Симона (Ивановскаго) Владиміро-Бѣльскаго, Сергія, воеводствій Пражскаго. Духъ украинизаціи среди городской и мѣстечковой интеллигенціи, оставшей послѣ независимой Украины 1919 года, поддерживался двумя влияніями: 1) польскимъ правительствомъ, на средства котораго въ Луцкѣ издавался украинскій еженедѣльникъ, и 2) советскими украинскими кругами изъ Киева. Почти до 1928 года польскіе украинцы свободно поддерживали связь съ кievскими украинцами. Оживленную перепишку велъ самъ такъ называемый "митрополитъ" Василій Липковскій съ украинскими церковными кругами въ Польшѣ. Это укрѣпляло послѣднихъ въ сознаніи правоты своего дѣла и приверженности идеѣ автокефаліи украинской церкви въ совѣтскихъ условіяхъ. Самъ Сикорскій находился подъ большимъ влияніемъ Липковскаго, а Липковскій въ дни самоликвидаціи своей самосватской автокефальной церкви все свое упованіе возлагалъ на Сикорскаго, что видно изъ его записокъ.

Вскорѣ послѣ хиротоніи епископа Поликарпа въ Луцкѣ было основано украинское церковное братство имени Петра Могилы подъ протекторатомъ волынскаго воеводы поляка Юзевскаго. Члены этого братства въ "Украинской Нивѣ" осуждали священниковъ, отказывавшихся проводить украинизацію богослуженій и называли ихъ измѣнниками своему народу. Нѣкоторые священники подвергались даже преслѣдованію со стороны администраціи за свою стойкость. Такое положеніе продолжалось до 1938 года, т. е. до перемѣны политическаго курса поляковъ по отношенію къ православнымъ, который заключался въ насильственномъ переводѣ православныхъ въ католичество. Польская полиція гнала тысячи православныхъ подъ охраной въ костелы, гдѣ ксендзы присоединяли ихъ къ католичеству черезъ причащеніе. Въ 1938-39 гг. польскимъ правительствомъ было разрушено около 150-ти православныхъ храмовъ. Одновременно польское

*Объ этомъ подробно пишетъ польскій ученый Ст. Смолька въ книгѣ "Лесь Рутенсь еть лесь проблемое религіозе ду монди руссизенъ". Бернъ. 1917 г., для которой онъ пользовался архивами австрійскаго двора.

Панорама Киево-Печерскаго монастыря послѣ взрыва Успенскаго собора.

правительство заставляло митрополита Діонісія (Валединскаго), главу автокефальной Православной Церкви въ Польшѣ, утверждать, что Церковь благоденствуетъ. Какъ это похоже на методы совѣтской власти въ отношеніи Православной Церкви!

Польско-нѣмецкая война 1939 года закончилась раздѣломъ Польши по рѣкѣ Бугъ между Германіей и Совѣтскимъ Союзомъ. Земли съ православнымъ населеніемъ, кромѣ Холмской Руси, отошли къ Совѣтскому Союзу. На западъ отъ рѣки Бугъ Гитлеръ на территоріи Польши объявилъ генераль-губернаторство, въ предѣлахъ котораго остались два православныхъ іерарха: митрополитъ Діонісій и епископъ Тимоѳей (Шретеръ), бывший колонизаторъ, ставленникъ польскаго правительства, такъ же какъ и епископъ Матѳей, находящійся нынѣ при польскомъ правительствѣ Андерса въ Лондонѣ.

Въ началѣ нѣмецкой оккупации Польши у митрополита Діонісія произошелъ конфликтъ съ нѣмецкой администраціей. Но когда нѣмцы не нашли отклика у православной заграничной іерархіи на поставленіе въ епископы украинофиловъ — проф. И. Огніенко и бывшаго вице-министра правительства Петлюры П. Выдыбиду-Руденко, то митрополитъ Діонісій, находившійся въ то время подъ домашнимъ арестомъ въ Овочкѣ, согласился на предложеніе нѣмецкихъ властей и такъ называемаго Украинскаго Комитета, состоявшаго при генераль-губернаторѣ Франкѣ въ Краковѣ, и хитронисалъ обоимъ кандидатамъ во епископы съ нарѣченіемъ И. Огніенко архіепископомъ Холм-

скимъ и Подляскимъ и П. Выдыбида-Руденко — архіепископомъ Краковскимъ. Эти событія произошли въ сентябрѣ 1940 года.

22-го Іюня 1941 года вспыхнула германо-совѣтская война. Митрополитъ Николай въ это время находился въ Москвѣ, поэтому старшимъ изъ православныхъ іерарховъ, когда нѣмцы оккупировали территорію Украины, оказался архіепископъ Алексій (Громадскій). Онъ вступилъ въ управленіе Православной Церковью на основаніи постановленія святѣйшаго Патріарха Тихона отъ 7(20-го) 1920 года. Въ августѣ 1941 года въ Почаевской Лаврѣ состоялся соборъ епископовъ: Симона Острожскаго, Пантелеймона Львовскаго и Веніамина Пинскаго подъ предсѣдательствомъ архіепископа Алексія, котораго и избралъ своимъ экзархомъ. Неприбывшій на соборъ по независящимъ обстоятельствамъ епископъ Антоній прислалъ свое согласіе со всѣми рѣшеніями собора. Епископы Александръ и Поликарпъ на соборъ не прибыли. Прислали, какъ мнѣ повѣдалъ по дорогѣ въ Почаевскую Лавру архіепископъ Алексій, только частные письма, по своему содержанию и тону ничего хорошаго не предвѣщавшіе. Ссылались на митрополита Діонісія, якобы защищая его первенство и права на управленіе Украинской Церковью и т. п. На самомъ дѣлѣ Владыка Александръ, человѣкъ по природѣ крайне честолюбивый и малопринципальный, самъ мечталъ занять постъ экзарха, такъ какъ къ украинскому вопросу по существу онъ относился равнодушно — онъ не украинецъ по происхожденію. А епископъ Поликарпъ идеологически не могъ воспринять весь

соборъ, опиравшійся на Церковь-Мать, если не въ дѣйствительности, то по идеѣ, такъ какъ опирался на самостоятельную автокефалію въ стилѣ липковцевъ.

На основаніи поступившей настойчивой просьбы отъ Житомирской области архіепископъ Алексій послѣ долгого раздумья назначилъ временно управляющимъ епископа Пантелеимона Львовскаго, сохраняя за нимъ этотъ титулъ. А въ качествѣ переводчика назначилъ очень способнаго и живого о. протоіеря Михаила (Иванькова), по происхожденію гудула, хорошо владѣвшаго нѣмецкимъ языкомъ. (Впослѣдствіи онъ былъ убитъ украинскими партизанами.)

Для себя лично я не просилъ никакого назначенія, такъ какъ ожидалъ, что скоро попаду въ Кіевъ, хотя Владыка Алексій предлагалъ мнѣ осесть въ Житомирѣ въ качествѣ настоятеля Б. храма, бывшаго до разорѣнія большевиками мужскимъ монастыремъ. Я никакъ не соглашался.

Бѣжать обратно мы рѣшили на подводахъ. Съ добрыми напутствиями на трехъ телегахъ тронулись въ путь. Бѣжали медленно, не спѣша. Часто останавливались и два раза мѣняли лошадей. Маршрутъ былъ: Кременецъ, Дубно, Ровно, Корещъ. Здѣсь мы отдыхали два дня въ женскомъ монастырѣ. Матушка Игуменья Феофанія устроила торжественную службу и пріемъ. Монастырь древній, приблизительно со ста насльниками. Тамъ же спасалась въ монашескомъ званіи и родная сестра епископа П. Не будъ войны 1939 года, поляки его отобрали бы — все было къ этому подготовлено. Старый монастырь уже былъ ими отнятъ. Однажды съ телеги, бѣжавшей сзади насъ, какимъ-то образомъ свалился мой чемоданъ и никто этого не замѣтилъ. Его подобрала нѣмецкая санитарная машина и, догнавъ насъ, въ полной сохранности нѣмецкіе военные вернули его мнѣ. Это тронуло меня до глубины души. Въ чемоданѣ были не только документы и вѣщи, но и святяги.

Черезъ 10 дней мы благополучно добрались до г. Житомира, радостно встрѣченные православными. Первое послѣ долгого перерыва служеніе православнаго епископа собрало массу народа. Какъ голодный человѣкъ жадно набрасывается на пищу, такъ православные люди набросились со своими нуждами на прибывшаго владыку. Онъ не имѣлъ покоя буквально ни днемъ, ни ночью отъ посѣтителей и всевозможныхъ церковныхъ дѣлъ. Первый неотложный вопросъ, который нужно было разрѣшить — это рукоположеніе новыхъ священниковъ. Къ пріѣзду епископа кандидатовъ набралось немало. Среди нихъ были прежніе ученики семинарій, давно, можетъ быть, позабывшіе то, что учили, псаломщики, учителя, забвущіе школами и просто по призванію желавшіе послужить Церкви Православной. Во всѣхъ кандидатурахъ надо

было разобраться, проверить каждого, нѣтъ ли какихъ-либо каноническихъ препятствій, и тогда уже на свой рискъ рукополагать. А тутъ уже образовались очереди ходоковъ, съ нетерпѣніемъ ожидавшихъ назначенія къ себѣ священника. Ради рукоположенія епископу Пантелеймону пришлось каждый день совершать богослуженія, потому что ходоки недѣлями ожидали и не хотѣли возвращаться безъ священника. А въѣздъ рукоположенныхъ надо было хоть немного подучить служить. Если бы три епископа ежедневно рукополагали, то, какъ показала церковная жизнь, и за цѣлый годъ нельзя было бы поставить необходимое количество священниковъ.

Вскорѣ на машинѣ начальника города прибылъ къ намъ приглашенный на освященіе престола въ возобновляемомъ Б. монастырѣ архіепископъ Алексій. Послѣ торжественнаго освященія этого престола Владыка архіепископъ въ сопровожденіи меня отбылъ въ городъ Б. на освященіе другого престола въ св. Николаевскомъ соборѣ. Послѣ торжественной службы за многолюдной трапезой Владыка неожиданно для всѣхъ, а особенно для меня, поднялъ бокалъ и предложилъ выпить за здравіе будущаго ихъ епископа, архимандрита Леонтія. Такимъ неожиданнымъ объявленіемъ я былъ крайній смущенъ и старался принять это за шутку. Но не такъ приняли это присутствующіе. Пошли безконечные поздравленія, благодарность Владыкѣ Алексію и т. п. Я просто не зналъ, куда дѣваться. А Владыка Алексій твердилъ свое, да и только.

6. ВЪ ОККУПИРОВАННОМЪ КІЕВѢ

Послѣ этого торжества вернулись обратно въ Житомиръ и вдвоемъ съ архіепископомъ мы стали собираться въ освобожденный 6 (19-го) Сентября отъ большевиковъ Кіевъ. Владыка Пантелеймонъ остался въ Житомирѣ продолжать свое служеніе тамъ. Архіепископъ Алексій предполагалъ пробыть въ Кіевѣ короткое время, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, посѣтить схиархіепископа Антонія. Онъ долженъ былъ бѣжать на автомобиль начальника города, а на другой машинѣ. Мы должны были встрѣтиться у схиархіепископа Антонія (Абашидзе). Я выѣхалъ рано утромъ, а Владыка Алексій долженъ былъ выѣхать на два часа позже.

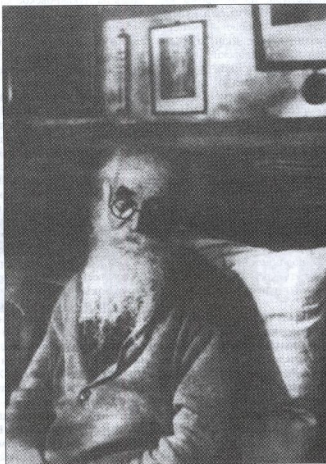
Какой родной и милой показалась мнѣ эта знакомая дорога! Самые разнообразныя чувства наполняли мою душу и мысль о томъ, кого я застаю въ живыхъ въ родномъ городѣ, какова судьба моихъ близкихъ, а главное, любимаго старца схиархіепископа Антонія, и также вѣрнаго друга, помогавшаго въ теченіе всей моей страннической жизни и тайно пострѣченного мной. Вспомнились и многие другіе мои благодѣтели и знакомые. Съ этими мыслями и чувствами я началъ приближаться

къ Киеву. Всюду было замѣтно разорѣніе. На дорогѣ множество разбитыхъ танковъ, орудій, военной амуниціи, сожженныхъ селеній. Наконецъ и самъ довольно пострадавшій Киевъ. Центръ города, Крещатикъ и всѣ прилегавшія къ нему улицы представляли груды развалинъ. Это было послѣдствіемъ взрывовъ, организованныхъ партизанами въ первыя дни занятія Києва нѣмцами. Они были приурочены къ военному совѣщанію подъ предсѣдательствомъ германскаго главнокомандующаго этимъ фронтомъ генерала Браухица. Предполагалось, что будетъ взорвано и то помѣщеніе, гдѣ оно должно было происходить — главная военная комендатура на Крещатикѣ. Или совѣщаніе не состоялось, или закончилось раньше, но никто изъ высшего командного состава не пострадалъ, хотя домъ обратился въ груды развалинъ. Многіе зданія были минированы, но жители сообщили, какіе именно. Въ томъ числѣ былъ минированъ и Успенскій соборъ Києво-Печерской Лавры, причѣмъ мины были зацементированы, такъ что разминировать ихъ оказалось невозможно. По словамъ жителей, соборъ долженъ былъ взорваться при включеніи электрическаго тока, или мины черезъ извѣстный срокъ должны были взорваться сами. Но объ этомъ будетъ сказано дальше.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, гонимый, я вынужденъ былъ покинуть родной городъ. Теперь я снова видѣлъ его и не вѣрилъ самому себѣ, что въ немъ нѣтъ

днесь время у добрыхъ людей. За старцемъ смотрѣли

совѣтской власти. Наконецъ, проѣхавъ почти весь Киевъ, мы подѣхали къ убогой избушкѣ подъ горой древняго Клова, жилищу сѣхтархіепископа Антонія. Радости отъ встрѣчи не было границъ. Оба мы плакали какъ дѣти, такъ какъ не расчитывали встрѣтиться въ этой жизни. Послѣ обмѣна привѣтствіями Владыка Антоній повѣдалъ, кого уже нѣтъ въ живыхъ, кто былъ арестованъ и кого угнали при большевистскомъ отступленіи. Въ числѣ ихъ былъ и мой другъ м. А. Это было для меня большимъ ударомъ. Разсчитывая, что съ нимъ все благополучно, я привезъ отъ Владыки Алексія право рукоположить его въ священники. По своей жизни и дѣятельности онъ былъ этого вполне достоинъ. Оказалось, что выдалъ его одинъ провокаторъ. И меня НКВД разыскивало повсюду и поручило провокатору разыскать моихъ близкихъ, чтобы отъ нихъ узнать мѣсто нахождения. Моего друга м. А. арестовали въ первый же день и судьба его неизвѣстна. Вѣроятно все, что онъ былъ убитъ. Онъ ни за что не выдалъ бы меня. Инокъ, проживавшій около сѣхтархіепископа Антонія, нынѣ начальникъ Русской Православ-

Владыка Антоній (Абашидзе).

Съ конца 1937 г. до 15 июля 1941 г. былъ единственнымъ православленнымъ архипастыремъ въ Киевѣ, хотя и находился на покой. Проживалъ онъ въ частномъ домѣ на Кіевскомъ спускѣ. Послѣ оккупации Києва нѣмецко-фашистскими захватчиками въ Києво-Печерскую Лавру осенью 1941 — зимой 1942 гг. возвратилось около 15-20 ея насельниковъ. На Ближнихъ пещерахъ началъ дѣйствовать (безъ официальной разрѣшенія нѣмецкихъ властей) монастырь. Владыка Антоній былъ духовнымъ наставникомъ и организаторомъ возрожденія монастыря, гдѣ и почилъ 1-го Ноября 1942 г. Благодаря авторитету сѣхтархіепископа Антонія удалось сохранить на Украинѣ единство съ Матерью Церковью.

ной Миссии въ Палестинѣ, тоже скрывался послѣд-

двѣ его духовныя дочери, нынѣ монахини въ Геесманскомъ монастырѣ въ Палестинѣ.

Какъ и въ Житомирѣ, въ Кіевѣ послѣ ухода совѣтской власти вѣрующіе стали стихійно открывать храмы, конечно, съ разрѣшенія нѣмецкихъ властей. Къ дню моего прїезда были открыты: Покровскій женскій монастырь, въ которомъ уже собралось около 200 монахинь, Введенскій женскій монастырь (75 монахинь), Флоровскій женскій монастырь (400 монахинь), Троицкій мужской монастырь (50 монаховъ), Михайловскій мужской монастырь (35 монаховъ), Братскій мужской монастырь (3 монаха), Никольскій мужской монастырь — храмъ на Аскольдовой могилѣ, такъ какъ большой соборъ монастыря былъ разрушенъ — со всѣхъ сторонъ сходились уцѣлѣвшіе населенки монастырей. Изъ приходскихъ храмовъ были открыты: Покровскій на Соломонкѣ, Троицкій на Большой Васильковской, на Подолѣ; Царь-Константиновскій, Кирилловскій, на Курневкѣ Пантелеимоновскій, на Пріоркѣ Покровскій. Въ Кіево-Печерской Лаврѣ съ большимъ трудомъ, почти подулгальсно, изъ-за минированія главнаго собора открыли храмъ на Ближнихъ пещерахъ, Крестовоздвиженскую церковь, а также пещеры. По наущенію украинскіхъ шовинистическихъ круговъ нѣмцы хотѣли было закрыть Крестовоздвиженскую церковь, но православные жители съ неимовѣрными усиліями отстояли ее.

Во всѣхъ вновь открытыхъ храмахъ происходили богослуженія. Ихъ совершали священники, оставшіеся въ подпольѣ. Православныхъ священниковъ оказалось человѣкъ сорокъ. Среди нихъ уцѣлѣли и уважаемые, выдающіеся пастыри: протоіерей проф. Николай Гроссу, протоіерей Вишневецкій (75 лѣтъ), протоіерей Андрей Славинскій, протоіерей Адрианъ Рымаренко, протоіерей Долгополовъ, протоіерей А. Юнакъ и другіе, менѣе выдающіеся.

Одновременно съ открытіемъ православныхъ церквей украинскіе шовинистическіе круги возобновили свою украинскую церковную Раду. Нашло у нихъ оказалось только нѣсколько самосвятскихъ священниковъ (5) и ни одного изъ ихъ такъ называемыхъ "епископовъ". При помощи нѣмецкихъ властей имъ удалось захватить Андрѣвскій соборъ и начать тамъ самостоятельную службу. Не обращая вниманія на призывы православныхъ пастырей не чинить раскола и не реставрировать самосвятчину, они при помощи нѣмецкихъ властей старались чинить всякіе прегрѣшленія православнымъ.

Такое положеніе было въ Кіевѣ къ времени моего прїезда туда.

Услышавъ я также и о жуткой трагедіи, разыгравшейся 17 (30-го) Сентября 1941 года.

Ожесточенное выступленіемъ партизанъ и причиненными ими колоссальными разрушеніями и затрудненіями, нѣмецкое гестапо назначило въ этотъ день истребленіе всѣхъ евреевъ, проживавшихъ въ Кіевѣ. Имъ было приказано явиться съ цѣнными вещами на Лукьяновку, гдѣ ихъ ожидала смерть. При входѣ на Лукьяновское кладбищѣ отбирали вещи и документы, заставляли раздѣваться, ставили надъ Бабьимъ Яромъ и пачками разстрѣливали. Въ глубокую пропасть яра бросали гранаты, чтобы добивать несчастныхъ. Этотъ кошмаръ продолжался три дня. Городское населеніе Кіева оцѣнило отъ ужаса. Уцѣлѣли только тѣ евреи, которые не пошли на бойню и нашли прибѣжище у добрыхъ людей, какъ это было и въ Житомирѣ.

Обмѣнявшись новостями, мы со схиархіепископомъ стали поджидать Владыку Алексія. По моимъ расчетамъ онъ долженъ былъ прибыть не позже, чѣмъ черезъ два часа послѣ меня. Но прошло три часа и даже больше, а его все не было. Наступилъ вечеръ. Мы начали беспокоиться, не случилось ли что-нибудь съ нимъ — вѣдь время было военное.

7. ПРОВОКАЦІЯ УКРАИНСКИХЪ ШОВИНИСТОВЪ,

На слѣдующее утро я рѣшилъ идти искать его и прежде всего отправился въ украинскую церковную Раду, такъ какъ она считалась официальнымъ органомъ, а не группа православныхъ священниковъ. По дошедшимъ до меня слухамъ украинская церковная Рада, узнавъ о намѣреніи архіепископа Алексія прибыть въ Кіевъ, поджидала его къ себѣ и надѣялась склонить его на свою сторону. Такъ какъ его везъ начальникъ г. Житомира, было вполне возможно, что онъ завезетъ его туда. По дорогѣ въ украинскую церковную Раду, находившуюся недалеко отъ Владимірскаго собора, я встрѣтилъ стараго священника съ Байкового кладбища О. Павла, который сказалъ мнѣ, что и онъ ѣздитъ въ Софійское митрополичье званіе, гдѣ назначенъ съѣздъ духовенства украинской центральной Рады обоихъ направлений и туда долженъ пожаловать прибывшій въ Кіевъ архіепископъ Алексій. Поэтому я отправился съ О. Павломъ. Входя во дворъ Софійскаго собора, я былъ немало удивленъ, замѣтивъ, что насъ заснял гестаповецъ. Что бы это значило, подумалъ я. Въ нижнемъ помѣщеніи бывшаго митрополичьяго дома я увидѣлъ много собравшагося народа, особенно духовенства, и среди нихъ знакомыхъ мнѣ: О. Антонія Юнакъ, впоследствии служившаго въ Филадельфій, О. Андрія Славинскаго и другихъ. Они окружили архіепископа Алексія и оживленно бесѣдовали съ нимъ. Владыка Алексій очень обрадовался, увидѣвъ меня, и объяснилъ причину, почему онъ вчера прямо не заѣхалъ къ схиархіепископу Антонію. Начальникъ

Зима 1942 года. У Кієво-Печерской Лавры продвигается пехотное подразделение Вермахта. Кієвлянки берут хворостъ и ветки для домашнихъ печекъ и "буржукъ".

г. Житомира Павловскій повезъ его прямо къ начальнику г. Кієва, тамъ онъ задержался, бесѣдуя съ нимъ, и было поздно ѣхать къ схиархіепископу. Такъ какъ на слѣдующій день было назначено собраніе въ Софійскомъ митрополичьемъ домѣ, Владыка Алексій рѣшилъ отправиться съ визитомъ къ Владыкѣ Антонію уже послѣ него.

Вскорѣ насъ пригласили въ большой залъ, гдѣ все было приготовлено къ проведенію засѣданія: были разставлены столы, стулья. Когда присутствующіе пропѣли молитву "Царю Небесный" и сѣли за столъ, вдругъ стали появляться нѣмецкіе солдаты, вооруженные, въ каскахъ, и выводить приходившихъ на собраніе неизвѣстно куда. Для архіепископа Алексія и меня эта процедура была полной неожиданностью, непонятной и странной. Мы почувствовали, что тутъ что-то неладно, что это какая-то умышленная западня. Когда всѣхъ постепенно вывели и остались только архіепископъ Алексій и я, намъ предложили слѣдовать за нѣмецкими солдатами. Насъ провели черезъ Софійскій дворъ въ новое многоэтажное зданіе, недавно выстроенное большевиками на мѣстѣ

взорванной ими стариннѣйшей Георгіевской церкви, ввели въ залу, гдѣ мы увидѣли всѣхъ, кто былъ въ прежней залѣ, предназначенной для предполагавшагося собранія. Кромѣ приходившихъ на собраніе сюда попало немало случайной публики, которая въ эти часы просто проходила по двору Софійскаго собора или входила и выходила изъ квартиры жильцовъ, проживавшихъ тутъ многія годы при большевикахъ. Здѣсь большей частью жили члены украинской церковной Рады, нѣкоторые самосвятскіе епископы, В. Липковскій и другіе. Къ нашему приходу это помѣщеніе было набито до отказа, такъ что трудно было повернуться. Задержанныхъ было около 200 человекъ, а всего одинъ стулъ, на который посадили Владыку Алексія. Онъ былъ смущенъ, но внешне держалъ себя бодро и даже шутилъ. Между прочимъ опять проронилъ слово, что я его будущій викарій. Окружило насъ здѣсь православное духовенство, а самосвяты держались въ отдаленіи. Приблизительно часа черезъ три открылась дверь и нѣмецкій солдатъ вызвалъ по фамилии архіепископа Алексія и увелъ его.

Продолженіе въ слѣдующемъ номерѣ.

ИВАНЪ САВИНЪ. Гельсингфорсь. 1920-ые годы.

Июльская Лура

И такой неустанною вѣрой Обожгла меня плѣнная Русь...

ИВАНЪ САВИНЪ

(1899-1927)

Иванъ Ивановичъ Савинъ — поэтъ, писатель, журналистъ, эмигрантъ первой волны.

Онъ родился въ 1899 году въ Одессѣ. Его фамилію писали то Саволаинъ, то Саволаиненъ. Финномъ писатель былъ по отцу. Впоследствии это спасло ему жизнь, когда послѣ всѣхъ ужасовъ крымскаго плѣна онъ вырвался къ отцу, Ивану Саволаинену, въ ледяной Петроградъ, а затѣмъ вмѣстѣ съ нимъ наконецъ-то попалъ въ Финляндію. "Ему не было еще и двадцати лѣтъ, когда онъ пережилъ начало революціи, затѣмъ Гражданскую войну, бои съ большевиками, плѣны у нихъ послѣ паденія Крыма... Онъ испыталъ гибель почти всей своей семьи, ужасы отступленій, трагедію Новороссійска... Послѣ паденія Крыма онъ остался, больной тифомъ, на запасныхъ путяхъ Джанкойскаго узла, попалъ въ плѣнъ... Узналъ глумленія, издѣвательства, побои, голодъ, переходы по сызной стѣпѣ въ рваной одеждѣ, кочеванія изъ ЧеКи въ ЧеКу... Тамъ погибли его братья Михаилъ и Павелъ" — писалъ о поэтѣ Иванъ Бунинъ... Въ 1922 году, Иванъ Савинъ вмѣстѣ съ отцомъ, подтвердивъ въ финскомъ представительствѣ свое происхожденіе, перебрались въ Хельсинки. «Посмотри — душа съдая въ двадцать три...», — это было написано имъ въ тотъ годъ. Судьбой поэту было отпущено еще пять лѣтъ творческой жизни. Въ 1926 году издали его единственный прижизненный сборникъ стиховъ «Ладонка», гдѣ на любой страницѣ чувствуется пронзительная боль и шемзящая тоска по Родинѣ. Лѣтомъ 1927 года во время незначительной операціи въ больницѣ у Савина началось зараженіе крови и онъ умеръ. Ивана Савина называли самымъ выразительнымъ поэтомъ Бѣлой мечты. Впоследствии поэтъ считалъ, что Богъ его оставилъ на землѣ для того, чтобы онъ успѣлъ обо всемъ разсказать:

*«Я — Иванъ, не поминцій родства
Господомъ поставленный въ дозоръ
У меня на вѣтреномъ просторѣ
Изюшка въ моленьяхъ голова...»*

Когда палицій день остынетъ
И солнце упадетъ на дно,
Когда съ ночного неба хлынетъ
Густое лунное вино,

Я выйду къ морю полночь встрѣтитъ,
Бродить у смутныхъ береговъ,
Береговые камни мѣтить
Иероглифами стиховъ.

Маякъ надъ городомъ усталымъ
Откроетъ круглыя глаза,
Зеленый свѣтъ сбѣжитъ по скаламъ,
Какъ изумрудная слѣза.

И брызнетъ полночь синей тишью.
И заструится млѣчная мость...
Я сердце маленькое вышью
Большими крестиками звѣздъ.

И, опьяненный бредомъ луннымъ,
Ея сиреневымъ виномъ,
Ударю по забытымъ струнамъ
Забытымъ сердцемъ, какъ смычкомъ...

1924

БРАТУ БОРИСУ

Не бойся, милый. Это я.
Я ничто тебѣ не сдѣлаю.
Я только обовью тебя,
Какъ саваномъ, печалью бѣлою.

Я только выну злою сталь
Изъ ранъ запекшихся. Не странно ли:
Еще свѣжа клинка эмаль.
А вѣдь съ тѣхъ поръ три года канули.

Поетъ ковыль. Струится тишь.
Какой ты бѣдный сталь и маленькій!
Все о семьѣ своей грустишь
И рвешься къ ней изъ вѣчной спаленки?

Не надо. Въ ночь ушла семья.
Ты въ домъ войдешь, никѣмъ не встрѣченный.
Не бойся, милый, это я
Цѣлую лобъ твой искалеченный.

1923

ЗАКАТЪ

Декабрьскій вечеръ синь и матовъ.
Безвѣдно въ горнемъ терему.
Такихъ медлительныхъ закатовъ
Еще не снилось никому.

Глазы ночные сжаты плотно,
Чуть брызжетъ смуглый ихъ огонь,
Какъ будто черные полотна
Колелебтъ робкая ладонь.

Поютъ снѣга. Покорной лыжей
Черну немудрые слѣды.
Все строже сѣверъ мой, все ближе
Столтѣемъ скованные льды.

Бѣгу по сказочной полянѣ,
Гдѣ кротокъ чѣй-то бѣдный крестъ,
Гдѣ снѣгъ нетронутый желанный
Всѣхъ нецѣлованныхъ невестъ.

Мнѣ самому мой бѣгъ невѣдомъ.
Люблю бескрайности пустынь.
Цѣлеть закатъ. За лыжнымъ слѣдомъ
Слѣдить серебряная синь.

Недвижна бѣлая громада
Снѣговъ въ узорчатой рѣзвѣ...
Вчера мнѣ снилось, что не надо
Такъ много плакать о тебѣ...

1924

У ПОСЛѢДНЕЙ ЧЕРТЫ

И. Бунину

По дюнамъ бродить день сутулый,
Ныряя въ золото песка.
Едва шурушатъ морские гулы,
Едва звенитъ Сестра-рѣка.

Граница. И чѣмъ ближе къ устью,
Къ береговому янтарю,
Тѣмъ съ большей нѣжностью и грустью
Россіи «Здравствуй» говорю.

Тамъ, за рѣкой, все тѣ же дюны,
Такой же боръ къ волнамъ сбѣжалъ,
Все те же древніе Перуны
Выходятъ, мнятся, изъ-за скаль.

Но жизнь иная въ травахъ бьется,
И тишина еще слышнѣй,
И на кронштадтскій куполь льется
Огромный дождь иныхъ лучей.

Черкнувъ крыломъ по глади водной,
Въ Россію чайка уплыла —
И я крещу рукой безродной
Пропавшій слѣдъ ея крыла.

1925

НОВЫЙ ГОДЪ

Никакія мѣтели не въ силахъ
Опрокинуть трехцвѣтныхъ лампадъ,
Что зажеть я на дальнихъ могилахъ,
Совершая прощальный обрядъ.

Не заставятъ бичи никакіе,
Никакая бездонная мгла
Ни сказать, ни шепнуть, что Россія
Въ пыткахъ вражьихъ сгорѣла дотла.

Исходивъ по ненастнымъ дорогамъ
Всю безкрайнюю землю мою,
Я не вѣрю смертельнымъ тревогамъ,
Похоронныхъ псалмовъ не пою.

Въ городахъ, ураганами смятыхъ,
Въ пепелищахъ разрушенныхъ селъ
Столько силъ, столько всходовъ богатыхъ,
Столько тайной я жизни нашель.

И такой неустанною вѣрой
Обожгла меня плѣнная Русь,
Что я къ Вашей унылости сѣрой
Никогда, никогда не склонюсь!

Никогда примирѣнья плесень
Не заржавитъ призыва во мнѣ,
Не забуду побѣдныхъ я пѣсень,
Потому что въ любимой странѣ,

Задыхаясь въ темничныхъ оградахъ,
Я прочель, я не могъ не прочель
Даже въ дѣтскихъ прошающихъ взглядахъ
Грозовую, недѣтскую мечь.

Вотъ зачѣмъ въ эту полную тайны
Новогоднюю ночь, я чужой
И далекий для васъ, я случайный,
Говорю Вамъ: крѣпитесь! Домой

Мы пойдѣмъ! Мы придемъ и увидимъ
Бѣлый день. Мы полюбимъ, простимъ
Все, что горестно мы ненавидимъ,
Все, что въ мертвой улыбкѣ хранимъ.

Вотъ зачѣмъ, задыхаясь въ оградахъ
Непущистыхъ, нерусскихъ снѣговъ,
Я сегодня въ трещивѣтнихъ лампадахъ
Зажигаю грядущую новь.

Вотъ зачѣмъ я не вѣрю, а знаю,
Что не надо ни слезъ, ни заботъ.
Что насъ къ нѣжно любимому Краю
Новый годъ по цвѣтамъ поведетъ!

1922

БЕЗДОМЬЕ

Не больно ли, не страшно ли —
У насъ Россіи нѣтъ!..
Мы всѣ въ бездомье канули,
Гдѣ жизнь — какъ мутный бредъ,
Гдѣ — брызги дней отравленныхъ,
Гдѣ — неумолчный стонъ
Нежданныхъ, окровавленныхъ,
Безсчетныхъ похоронъ...
Упавшіе стремительно
Въ снѣга чужихъ земель,
Мы видимъ, какъ мучительно
Заноситъ насъ метель...

1924

Православный Успенскій соборъ въ Гельсингфорсѣ былъ освященъ въ 1868 году.

Могила Ивана Савина на русскомъ православномъ кладбищѣ въ Гельсингфорсѣ.

Видъ на Старую Ладугу. Рюрикова крѣпость на первомъ планѣ. “Невдалекѣ отъ крѣпости, на самомъ берегу Волхова, видѣнъ Николаевскій мужской монастырь. Время построения его относится, какъ полагаютъ, къ отдаленной древности; но въ немъ не осталось никакихъ памятниковъ старины, кромѣ каменныхъ воротъ, замѣчательныхъ оригинальною формою и весьма старой живописью. Въ монастырѣ сохранилось преданіе, что въ эти ворота въ 1612 году съ торжествомъ внесены были гробницы св. Сергія и Германа, привезенные съ Валаамскаго острова при нашествіи Делагарди и хранившіеся здѣсь до временъ Петра Великаго”.

Изъ описанія А. Милокова. *Древняя и Новая Россія*, 1876, т. III, № 11.

Рисунокъ худ. В. Шпакъ, рѣзба на деревѣ А. Шлиперъ.

КЪ ПРОСЛАВЛЕНІЮ

ЕВПРАКСІЯ ДЩЕРЬ ВАЛААМСКАЯ

ИГУМЕНЬЯ СТАРОЛАДОЖСКАГО УСПЕНСКАГО МОНАСТЫРЯ

Память 23-го Сентября (1823)

Почти шесть вѣковъ возвышается надъ сѣдымъ Волховомъ

Старо-Ладожскій Успенскій монастырь. Отъ древнерусскихъ временъ сохранился въ обители только Успенскій соборъ съ остатками древнихъ орнаментовъ на цокольной части да еще — смутная легенда о пребываніи въ монастырь Преподобной Анны Кашинской... Во времена сяуты монастырь былъ разрушенъ. Такая судьба постигла многія сѣверныя русскія обители во время нашествія шведовъ въ 1611 году. Часть монаховъ Валаамскаго монастыря была убита шведами. Выжившіе нашли убѣжище въ Старой Ладогѣ, въ Николаевскомъ мужскомъ монастырь, куда они перенесли и мощи отцовъ-основателей Валаамскаго монастыря, Преподобныхъ Сергія и Германа.

Молитвами Валаамскихъ преподобныхъ хранилась православная вѣра въ Старой Ладогѣ и было предуготовано ея новое возрожденіе въ царствованіе Императора Павла и его сыновей — Александра I и Николая I. Русская Православная Церковь освобождается отъ петровскихъ и екатерининскихъ тяготъ и начинаетъ возрождаться древнерусская святость... Въ Успенскомъ Старо-Ладожскомъ монастырь это возрожденіе было связано съ именемъ Игуменни Евпраксіи, которая, какъ сказалъ

Е. Поселянинъ, почти въ наши дни воскрешала завѣты лѣтъ древнихъ.

Жизнеописаніе Схигуменни Евпраксіи было составлено талантливой писательницей и поэтессой Елисаветой Шаховой, бывшей послушницей Успенскаго монастыря и духовной дочерью Святителя Игнатія Брянчанинова, со словъ Схигуменни Евдокіи и иныхъ людей, знавшихъ подвижницу или ея духовныхъ дочерей. Впервые это жизнеописаніе было издано въ журналѣ «Странникъ» за мартъ 1860 года. Печатаемъ здѣсь это драгоценное изъ первыхъ рукъ житіе Старицы Евпраксіи Валаамской, съ дополненіями о ея духовномъ становленіи подъ руководствомъ саровскихъ подвижниковъ благочестія, и призываемъ нашихъ дорогихъ читателей молиться о ея церковномъ прославленіи.

1. НАЧАЛО ИНОЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ПОДЪ РУКОВОДСТВОМЪ ПРП. ФЕОДОРА САНАКСАРСКАГО

УДУЩАЯ Игуменья Евпраксія, чески достигла Арзамасскаго Алексѣевского монастыря Нижегородской губерніи.

Это былъ одинъ изъ духовныхъ центровъ того времени, связанный съ Саровской пустыней, отличавшейся тогда благочестіемъ и строгостію жизни постницъ-сестеръ. Проживши въ этомъ монастырь три года, она, по случаю упраздненія монастыря, вмѣстѣ съ прочими сестрами, была переведена въ Арзамасскій же Никольскій монастырь, въ которомъ пробыла семь лѣтъ до 1768 года.

Въ это же время Старецъ Феодоръ, будущій Игумень Санаксарскій, покинулъ Александро-Нев-

своего, гдѣ жила въ сродствѣ послѣ родителей. Тайно водимая слышѣ призваніемъ, въ 1758 году странни-

скую Лавру ради пустынного жителства. Самъ онъ съ учениками поселился въ Саровской пустыни, а позднѣе въ 1862 году направлень владыкой на восстановление приписанной къ Саровскому монастырю Санакарской пустыни, а послѣдовавшихъ за нимъ ученицъ помѣстивъ въ Арзамасскомъ дѣвичьемъ Никольскомъ монастырѣ, гдѣ подвизалась Евдокія.

Непродолжительное, но продуктивное пребываніе въ общежительной Саровской пустыни, знакомство съ ея уставомъ и ея подвижниками, сильными и слабыми сторонами ея быта, вмѣстѣ съ полученными отъ неоскудѣвающей благодати Святаго Духа дарами, дали Старцу Θεодору силы возобновить для строгой общежительной иноческой жизни на древнихъ основахъ монастырскаго старчества разоренную мужскую Санакарскую пустынь, а затѣмъ и упраздненный Арзамасскій Алексѣевскій женскій монастырь, гдѣ подвизалась по данному имъ уставу многочисленная община «бѣлицъ» — дѣвицъ и вдовицъ, не принимающихъ монашескаго пострига, а терпѣливо живущихъ всю жизнь на послушаніи.

Помимо евангельскихъ и апостольскихъ изрѣченій, Старець Θεодоръ часто цитировалъ Святителя Іоанна Златоуста († 407) — первоначальнаго и основнаго своего наставника въ дѣлѣ учительства, Преподобныхъ Іоанна Лѣствичника († нач. VII в.), Θεодора Студита († 826), Святителя Θεодора Эдесскаго († 848) и Скитскій Патерикъ.

Ученики и ученицы Старца, насыщавшіеся подобной духовной пищей, въ основной своей массѣ являли въ себѣ примѣры достойнаго подражанія своему наставнику. И онъ, по завѣту древнихъ отцовъ Церкви, требовалъ отъ нихъ полной вѣры, искренности въ словахъ и поступкахъ, отсѣченія собственной воли и жизни по совѣту и заповѣди Старца, не спорить и не прекословить, а также чисто и совершенно открывать помыслы и исповѣдывать грѣхъ.

Откровеніе помысловъ было обязательнымъ въ обихѣ обитателяхъ, окормляемыхъ Отцомъ Θεодоромъ. Въ этомъ онъ опирался на поученія Лѣствичника и другіе отеческія писанія о монашествѣ.

Братія должна была открывать свои помыслы ему самому, а сестры — своей наставницѣ, и по ея усмотрѣнію, въ особо затруднительныхъ случаяхъ, ему тоже. Помыслы имъ открывались не какъ старшимъ по положенію, а какъ наиболѣе преуспѣвшимъ въ духовной жизни. Внутреннее полномочіе на принятіе обязательнаго откровенія помысловъ и ихъ врачеваніе сообщала Старцу и настоятельница благодать Святаго Духа. И такое откровеніе было самымъ сильнымъ духовнымъ оружіемъ въ рукахъ Преподобнаго Θεодора. И Старець дѣйствовалъ здѣсь съ такой любовью и властью, что всѣ отходили отъ него успокоенными, утѣшенными и умиротворенными.

Вести по пути духовнаго дѣланія можетъ только тотъ, кто опытно прошелъ путь борьбы со страстями и зломъ. Но для того, чтобы управлять собой и другими, необходимо имѣть подаваемый Богомъ даръ разсудительности. Θεодоръ, какъ подлинный

Старець, сполна обладалъ этимъ даромъ. Умѣло имъ пользуясь, онъ, по волѣ Святаго Духа, побѣдоносно умерщвлялъ въ падшей волѣ своихъ учениковъ всѣ ихъ страсти. И умѣлъ, какъ искусный духовный врачъ, проникать до глубины души своихъ чадъ, замѣчать зарождающееся въ нихъ зло и указывать подходящее врачевство.

Вернувшись къ этому времени изъ

Астрахани въ Саровъ Отець Назарій, будущій Игумень Валаамскій, подобно Старцу Θεодору, посвятилъ себя возрожденію Арзамасской Высокогорской пустыни. Братія Саровской пустыни, преуспѣвая въ духовномъ дѣланіи по завѣтамъ древнихъ святыхъ Отцовъ, разносила саровское благочестіе, любовь къ пустынножителству и безмолвію, строгій уставъ духовной жизни среди русскихъ иноковъ и была желанной во многихъ обителяхъ Россійской имперіи. Позднѣе по благословенію и подъ руководствомъ Старца Назарія въ тамбовской и нижегородской епархіяхъ образовались женскія монашескія обители. Монахини обращались къ нему за наставленіями какъ творить Иисусову молитву.

Вліяніе саровскихъ сподвижниковъ, Отца Θεодора и Отца Назарія, возросшихъ на единыхъ

Арзамасскій во имя Алексія челоуѣка Божія монастырь.

Литографія. 1863 г.

духовныхъ началахъ, распространялось далеко за предѣлы Саровской обители, такъ какъ они окормляли не только иноковъ, но и мірянъ. Всѣхъ ихъ они назидали, увѣщавали и утѣшали, исцѣляя отъ душевныхъ и тѣлесныхъ болѣзней, предохраняли отъ опасностей, указывая дальнѣйшій жизненный путь, открывая вопрошающимъ Божию волю. И нѣрѣдко ихъ духовное дѣланіе заявляло о себѣ, какъ о пророческомъ служеніи. И передъ этимъ явленіемъ становились въ тупикъ не только гражданскія власти, но и церковная іерархія. За этимъ какъ правило слѣдовали гоненія и клеветы. Но несомнѣнно то, что семена ихъ духовнаго дѣланія давали всходы и ихъ ученики и ученицы продолжали ихъ монашескій подвигъ и старческое служеніе.

На неисповѣдимыхъ путяхъ Господнихъ Старецъ Ѳеодоръ, О. Назарій и послушница Евдокія встрѣтятся еще разъ. На Соловки въ Анзерскій скитъ будетъ отправленъ въ ссылку Прп. Ѳеодоръ Санаксарскій. Туда приведетъ Богъ О. Назарія, отправившагося въ поискахъ безмолвной пустыни на Сверхъ и избраннаго Преосвященнымъ Митрополитомъ Гавріиломъ на возобновленіе Валаамскаго монастыря. Тамъ же на Ладогѣ подъ сѣнью молитвъ Преподобныхъ Сергія и Германа Валаамскихъ будетъ подвизаться въ монашескомъ подвигѣ будущая возобновительница Староладожскаго Успенскаго монастыря послушница Евдокія. Но исходило это все изъ одного Саровскаго источника благодати.

Подобности новоначального искуса иноческой жизни Евдокіи остались бы малоизвѣстны, если бы не сохранилось подробнаго описанія устройства женскихъ обитицъ Никольской и Алексѣевской въ Арзамасѣ подъ руководствомъ Старца Ѳеодора.

Своимъ ученицамъ въ 1764 году онъ повелѣлъ переехать въ переставшую быть монастыремъ Алексѣевскую обитель, взявъ ихъ на свое иждивеніе и поставивъ надъ ними старшей сестру Авдотью Ивановну, происходившую изъ дворянскаго рода и принадлежавшую къ числу ученицъ старца, слѣдовавшихъ за нимъ въ провинцію изъ Петербурга. Она свято руководила сестрами на протяженіи послѣдующихъ 18-ти лѣтъ.

Для собранной имъ въ бывшемъ Алексѣевскомъ монастырѣ общины бѣлицъ, числомъ до 150 человекъ, преподобный также установилъ собственный уставъ, строго требовавшій отъ всѣхъ сестеръ, чтобы они не выходили за ограду пріютившаго ихъ монастыря. Лица же мужского пола не допускались на его территорію. Свиданія сестеръ съ родственниками разрѣшались только въ гостининой комнатѣ, въ присутствіи пожилыхъ сестеръ. Старецъ установилъ пожизненное испытаніе для своихъ духовныхъ дочерей, и даже настоятельницы обители не имѣли права постригаться въ монахини. Онъ оставлялъ за ними право постоянного добровольнаго выбора. Каждая сестра, приходившая въ обитель, должна была сама отдавать себѣ отчетъ въ томъ, къ чему она стремится и что должна совершить. Передъ тѣмъ же, кто не находилъ въ себѣ силы идти по выбранному пути, ворота въ міръ не закрывались и жизнь ошибавшихся не превращалась въ трагедію. И въ Алексѣевской общинѣ произошло то же, что и въ Санаксарѣ — строгости не отпугнули, а привлекли жаждавшихъ спасенія.

И Старецъ никогда не оставлялъ ихъ безъ своего вниманія. «Когда случилось, въ принадлежащихъ ко обители (Санаксарской) рыбныхъ ловляхъ ловить рыбу, то изъ пойманной всегда почти половинную часть Отецъ Ѳеодоръ отлагалъ, говоря: «Сіе бѣднымъ моимъ нищимъ», разумя состоящее въ его управленіи въ Арзамаскомъ Алексѣевскомъ упрямомъ монастырѣ изъ бѣлицъ вдовъ и дѣвъ общество, кои поручили ему свои души. Объ ихъ спокойствіи и спасеніи Отецъ имѣлъ неусыпное попеченіе; и отъ Епархіальныхъ Преосвященныхъ благословлено было ему посѣщать сію обитель. Для сей цѣли и имѣлъ онъ выѣзды въ городъ Арзамасъ въ годъ два два, а иногда и три. Приѣзжая въ Арзамасъ, онъ обыкновенно останавливался на своемъ монастырскомъ Санаксарскомъ подворьѣ; а оттуда уже ѣздилъ и въ тотъ дѣвичій Алексѣевскій монастырь, въ пристойное по днямъ время. Тамъ, при всякомъ приѣздѣ, онъ встрѣчаемъ былъ сестрами какъ родными дѣтьми, — съ видомъ, исполненнымъ духовной радости; потому входилъ обычно въ ихъ

Преп. Ѳеодоръ Санаксарскій

большую общую келлію, и, по принятіи съ ними вешественной пищи, источать источникъ невешественной къ нимъ о Господѣ бесѣды, и на предлагаемая отъ нихъ всѣ душевныя нужды неоскудно подавать каждой успокоительное рѣшеніе, бесѣдая иногда даже до вечерни, послѣ коей опять уязвляя ночевать въ свое подворье. При долгихъ бесѣдахъ случался у него иногда кашель, происходившій отъ внутренней болѣзни, которая приключилась ему отъ безмѣрнаго въ пустыняхъ поста и воздержанія, отчего по вечерамъ почти и не ужинывалъ. Пробывалъ же Отецъ Ѳеодоръ для сихъ спасительныхъ занятій въ Арзамасѣ недѣли по двѣ, и опять возвращался въ свою обитель», — повѣствуетъ его первое жизнеописаніе.

2. ПОСЪЩЕНИЕ БОЖЕЙ МАТЕРИ

Евдокія была небольшого роста, но здорового и крѣпкого, хотя тонкаго тѣлосложенія, и несла различные труды послушанія въ Арзамасской общинѣ, гдѣ провела цвѣтуще годы молодости въ повиновеніи и строгомъ постничествѣ. Вначалѣ она не могла переносить суровости скудной пищи тамошнихъ постницъ, которую составляли одни грубые овощи, часто безъ масла и безъ всякой приправы: привыкшая къ городскому прихотливому столу, юная подвижница съ трудомъ питалась однимъ ржанымъ хлѣбомъ и, незнакома еще съ алчбой воздержанія, принуждена была употреблять его не такъ умѣренно, какъ бы требовало ея рвеніе къ постничеству. Это затрудненіе приводило Евдокію въ сокрушеніе, которое изливала она въ молитвахъ со слезами, и скоро была утѣшена Богомъ, даровавшимъ ей силу для подвиговъ воздержанія. Наконецъ ее постигла долговременная и тяжкая болѣзнь, которая привела ее въ совершенное разслабленіе. Она лежала простертою на постели, безъ всякаго движенія, свидѣтельствуя о жизни однимъ слабымъ дыханіемъ: окружающія ее сестры ожидали уже скорой ея кончины. Однажды, во время праздничного всенощного бдѣнія, запертая одна въ келліи, полумертвая Евдокія вдругъ послышала стройное пѣніе приближающагося издали хора, который пѣлъ согласно тропарь Успенія Богородицы: «Въ рождествѣ дѣвство сохранила еси...», и прочее. При послѣднемъ стихѣ тропари: «Избавяиши отъ смерти души наши», болящая увидѣла ясно, въ дверяхъ своей келліи, свѣтоносную икону Успенія Божіей Матери, которую два высокие благолѣпные мужа въ архидиаконскихъ стихаряхъ внесли и поставили передъ одромъ ея. Видѣніе было такъ живо, что страждущая помыслила, что Богъ внушилъ сестрамъ мысль — поднять эту икону, и освятить богѣнственное ея злочлоченіе молебствомъ. Болящая съ горячимъ умиленіемъ сердца устремилась взоромъ и мыслию къ изображенію Пречистой, которое вдругъ одуше-

вилось, и сама Изображенная возстала съ одра своего на иконѣ, сошла съ нее и простерла десную руку къ разслабленной, со слѣдующими словами: «Возстань и укрѣпляйся въ силахъ; ты еще должна послужить Мнѣ много!»

Возвратившись отъ службы, сестры удивились, что Евдокія совершенно исцѣдилась и здорова. Съ того времени она непрестанно имѣла въ умѣ и сердцѣ таинственное видѣніе Матери Божіей и прилежно молилась Ей, чтобы Она совершила надъ нею свое обѣщаніе.

Въ скоромъ времени пребываніе Евдокіи въ Арзамасѣ сдѣлалось извѣстнымъ ея дяждь, и онъ немедленно прислалъ письменный вызовъ вытребовать свою племянницу изъ обители въ Петербургъ. Но люди недолго могли удержать избранную Божію, влекомую къ святому призванію силою промысла. Самый вызовъ и прїѣздъ Евдокіи въ Петербургъ послужилъ ей къ исполненію званія Божія. Вѣроятно, услышавъ о существованіи на Ладожскомъ озерѣ близъ Петербурга обители Успенія Богородицы, она снова въ 1768 году оставила домъ своего дяди и, въ сопровожденіи стараго и вѣрнаго слуги, направила путь свой къ Старой Ладогѣ; достигнувъ же этого города отпустила слугу въ домъ дяди, съ обьявленіемъ непоколебимаго намѣренія вступить въ число сестеръ обители Успенія.

3. СТАРАЯ ЛАДОГА

Успенскій монастырь находится въ Старой Ладогѣ, на берегу Волхова. Основанъ онъ былъ во второй половинѣ XV столѣтія возлѣ храма Успенія Пресвятой Богородицы XII вѣка и первоначально существовать какъ мужской. Его историческая судьба тѣсно связана съ судьбою Старой Ладого. Съ конца XVI и въ особенности съ начала XVII вѣка Ладога сильно страдала отъ опустошительныхъ набѣговъ шведовъ. Это неминуемо отзывалось и на безопасности самого монастыря. Въ 1611 году онъ былъ совершенно разоренъ войсками Делагарди. Но запустѣніе его продолжалось весьма недолго. Въ 1617 году, съ разрѣшенія Царя Михаила Ѳеодоровича, Старица Акилина возобновила его въ видѣ женской обители...

По количеству инокинь обитель была довольно значительная; управляла ею игуменья. Въ началѣ XX вѣка Староладожскій Успенскій монастырь насчитывалъ болѣе 200 монахинь и послушницъ.

4. МОНАШЕСКІЙ ПОСТРИГЪ

Къ моменту прїѣзды въ обитель въ 1768 году Евдокія была уже въ совершенныхъ лѣтахъ. Игуменья Евфимія приняла ее благосклонно и отвела ей особую келлію. Въ ней-то Евдокія начала подвизаться въ молитвѣ и богомыслии, пребывая нескладно въ молчаніи, постѣ и бдѣніи, ни о чемъ

Панорама Староладожскаго Николаевскаго монастыря XII вѣка, куда были перенесены мощи Валаамскихъ преподобныхъ во время нашествія шведовъ и разорѣнія Валаамскаго монастыря.

житейскомъ не заботясь, и питаясь исключительно однимъ ржанымъ хлѣбомъ и кувшиномъ квасу, что приносила ей, по усердію, нѣкая Ладожская женщина, одинъ разъ въ недѣлю. Только Богъ былъ зрителемъ сокровенного и безмолвного ея жителства. Исключительнымъ послушаніемъ ся было чтеніе псалтири. Имѣя мужественный, неустрашимый духъ и крѣпость въ тѣлесныхъ подвигахъ, Евпраксія читала одна, по ночамъ, надъ покойниками въ церкви, не наблюдая очереди съ другими сестрами, потому что любила хранить спокойствіе ихъ и заступать собою немощъ ближнихъ.

Но однажды, какъ она читала псалтирь въ глухую осеннюю ночь въ пустой церкви надъ покойникомъ изъ мирянъ, ей привидѣлось, что мертвецъ вскопчилъ изъ гроба, и бросился къ ней съ угрожающимъ видомъ. Устрашенная привидѣніемъ, она едва добѣжала до своей келліи и упала безъ чувствъ на порогъ ея, гдѣ сестры, идя къ утрени, нашли ее въ обморокъ. Это вражеское наваженіе Евпраксія приняла со смиреніемъ самоукоренія, и съ того времени остерегалась уже полагаться на свою смелость.

Наконецъ приблизилось установленное Богомъ время къ прославленію смиренной служительницы,

работавшей Ему втайнѣ. Преѣмнила игуменіи Евфиміи, Александра Матвѣевна Шубина, особенно уважала Евдокію. Она въ декабрь 1777 года постригла ее въ мантию съ именемъ Евпраксія и объявила ей свое намѣреніе — представить ее своей преѣмницей, съ согласія всѣхъ сестеръ. Несмотря на упорные убѣжденія Евпраксіи — оставить ее въ чинѣ монахини и не возлагать на нее достоинства, которое казалось ей вышѣ ея силъ, представленіе игуменіи было утверждено указомъ.

2-го Февраля 1779 года монахиня Евпраксія была посвящена Преосвященнымъ Гавріиломъ, Архіепископомъ Новгородскимъ и Санктъ-Петербургскимъ въ санъ игуменьи Успенской обители въ Благовѣщенской церкви Александро-Невской Лавры, а игуменья Александра (Шубина) была переведена въ Новгородскій Сырковъ монастырь. Такимъ образомъ Евпраксія была посвящена въ санъ игуменьи на сорокъ пятомъ году своей жизни, на двадцать первомъ году пребыванія въ монастырѣ, и на второмъ году по постриженіи.

Образъ жизни и подвиговъ ея долженъ былъ измѣниться, но стремленіе души ея къ Богу не ослабвало. Преданная попеченіямъ новаго своего званія, боголюбивая Евпраксія вступила въ дѣйстви-

Стародуловскій Успенскій монастырь. Фотографія начала 20-го вѣка.

тельное служеніе Пресвятой Предстательницѣ смиренной ея обители, по бывшему предрѣченію.

Число подвизавшихся въ монастырь почти постоянно ограничивалось двадцатью сестрами, изъ которыхъ всегда составлялся полный штатъ (17) монахинь, кромѣ двухъ-трехъ послушницъ. Евпраксія была разборчива въ пріѣмъ нововступающихъ и неохотно принимала всякую приходящую (особенно изъ молодыхъ), избѣгая несприятныхъ или неудовлетворительныхъ послѣдствій необдуманнаго, либо вынужденнаго обстоятельствами вступленія. Впослѣдствіи, по обрѣтеной уже ею свыше благодати, она каждой приходящей въ ея обитель или прибѣгающей къ ея совѣту, точно нарѣкала приличный выборъ жизни въ церкви на всѣхъ богослуженійхъ, которые всегда исполнялись благоговѣйно и чинно, въ чтеніи псалтири по усопшимъ и въ послушаніи, правильно раздѣляемомъ между сестрами.

Евпраксія не измѣняла древняго устава монастыря, который никогда не былъ общезыательнымъ, и всегда болѣе подходилъ къ отшельническому или скитскому роду жителства. По большей части, сестры жили въ согласіи, то есть по двѣ въ келліи. Молодыхъ игуменія всегда поручала старицамъ, не позволяя никоторой жить безъ руководства, на своей волѣ.

Милосердіе Божіе неусыпную попечительность Евпраксіи вѣнчало пресупяніемъ сестеръ въ благочестіи: многія изъ нихъ были строгими под-

вижницами, нѣкоторыя сподоблялись утѣшительнаго извѣщенія о ихъ кончинѣ и предузнавали ея приближеніе.

Она чрезвычайно любила благолѣпіе церкви, всегда заботилась объ освѣщеніи ея при службѣ, не допуская никогда зажигать предъ иконами обгорѣлыхъ свѣчей или огарковъ, и вообще строго соблюдала всякій порядокъ, почитая отсутствіе благолѣпія и беспорядокъ въ церкви, какъ внѣшній, такъ и внутренній, за святотатственный поступокъ противъ Богопочитанія.

И несмотря на то, что ни сестеръ не обременяла она сборомъ, ни сама не прибѣгала ни къ какимъ исканіямъ прибытковъ, — обитель ея не оскудѣвала въ средствахъ, необходимыхъ къ умѣренному и простому роду жизни того времени, и церковь всегда сияла чистотою, порядкомъ и приличнымъ освѣщеніемъ не только въ праздничные торжества, въ которые всегда горѣла люстра, но и въ повседневныя службы.

Въ торжественные дни головныхъ или храмовыхъ праздниковъ въ обитель стекалось много духовенства изъ окрестностей на соборное служеніе; а въ праздникъ Успенія Богородицы, посѣщали ее архимандриты изъ Нѣвскаго монастыря, по назначенію самого митрополита, изъ личнаго уваженія къ достойной настоятельницѣ. Смиренная Евпраксія встрѣчала ихъ колокольнымъ звономъ, и сама исполняла это служеніе своими руками; потомъ сходила съ колокольнымъ приветствовать священнымъ гостемъ, съ поклономъ до земли, какъ бы пріѣмая въ лицѣ ихъ собранныхъ Богомъ къ честному Успенію святыхъ апостоловъ.

Неоднократно, по вѣрѣ ея, являлась ей чудесная помощь Божія въ случаѣ недостатковъ или затруднительныхъ обстоятельствъ. При оскуднѣнн церковныхъ потребностей неожиданно посылалось въ обитель доволное приношение всего нужного, часто отъ неизвѣстныхъ лицъ, изъ самой столицы, гдѣ скоро имя Евпраксіи сдѣлалось извѣстнымъ и привлекло къ ней много почтенныхъ особъ, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ. Она была лично уважаема многими достойнѣйшими архипастырями и архимандритами своего времени. Архимандритъ Теофанъ Новоезерскій, Игуменъ Назарій Валаамскій, Феодоръ (Ушаковъ), извѣстный основатель Санакарской пустыни, особенно уважали ее, имѣли всегда съ нею духовное общеніе и называли ее своею сестрою.

Милостивно, получаемую отъ Христолюбивыхъ дателей и благочестивыхъ помѣщиковъ, раздѣляла она сестрамъ по-ровну, имѣя съ ними одинаковую долю, не какъ начальница, а какъ одна изъ нихъ. Милостыня эта, по большей части, состояла въ разныхъ запасахъ, а иногда въ бѣльѣ и деньгахъ. При полученіи такого приношенія, Евпраксія призывала всѣхъ монахинь и, не отлагая времени, дѣлила между ними полученное.

Часто рыбаки, отправляясь на ловъ, приходили къ ней заблаговременно, прося ея благословенія, и потомъ, по благополучномъ возвращеніи, приносили ей отъ усердія значительную часть своего лова, или закидывали на ея долю особую тоню и добывали неизмовѣрное количество рыбы.

Стараясь о благоустройствѣ своей обители, Евпраксія употребляла всѣ возможные средства на украшеніе храма. Начавъ постройку колокольни и не имѣя сбора по городамъ, для умноженія своихъ доходовъ она была поражена неутѣшно скорбію въ недостатокъ денегъ, необходимыхъ для начатого дѣла. Это затрудненіе повергло ее едва не въ уныніе:

Старинный крестъ въ Женскомъ Успенскомъ монастырѣ. Крестъ, помѣщенный въ этой часовнѣ, считался чудотворнымъ. Справа на заднемъ планѣ видна наклѣпанная часовня. Еще дальше на заднемъ планѣ видна Успенская церковь XII вѣка. Обѣ часовни исчезли въ совѣтское время. Исчезъ и колодезь. Въ 2008 г. колодезь начали копать заново, а къ июлю 2009 г. не только былъ выкопанъ колодезь, но и заново построена часовня надъ нимъ. Второй часовни по-прежнему нѣтъ.

Фотографія С. М. Прокудина-Горкаго. 1909 г.

столько Богъ попустилъ подвижницѣ опечалиться и отягчиться заботою! Въ сокрушеніи своемъ она призвала къ себѣ любимую свою монахиню Елпидифору и сообщила ей искренно всю горечь неутѣшной своей печали. Послѣ многихъ увѣщаній и старанія ободрить унывающую, монахиня Елпидифора, одушевившись силою вѣры и надѣжды на заступленіе Матери Божіей, предложила Игуменнѣ провести ночь на молитвѣ вмѣстѣ. Евпраксія затворилась въ особой келліи и, утомленная бдѣніемъ и слезными мольбами, къ утру погрузилась въ тонкій сонъ и увидѣла предъ собою окруженную сияніемъ прекрасную дѣвицу, въ вѣнцѣ на головѣ и съ жѣзломъ въ рукахъ, которымъ она съ тихостію погрозила ей и сказала: «Ты забыла, что мнѣ поручено управление твоей обители, о которой я пекусь болѣе тебя, и что ты служишь мнѣ одною палочкой. О чемъ ты столько заботилась? Отложи печаль и будь спокойна». Евпраксія въ явившейся узнала святую Велико-

мученицу Варвару, икона которой находилась въ верхнемъ придѣлѣ во имя святой.

Опомнившись отъ видѣнія, Евпраксія поспѣшила выйти къ сомолитвенницѣ своей, Елпидиорѣ, которая также провела всю ночь въ прилежной молитвѣ, испрашивая утѣшенія своей матери. Елпидиорѣ встрѣтила ее несомненно о прибытіи въ монастырь знакомой помѣщицы, госпожи Желтухиной, которая желаетъ немедленно говорить съ настоятельницей. Посѣлительница подала Евпраксіи пакетъ съ деньгами, именно на сумму, какой недоставало для окончанія постройки, и рассказала объѣмъ старикамъ о принятомъ ею во снѣ повелѣніи отъ св. великомученицы Варвары, — вручить игуменіи Успенскаго монастыря сумму денегъ, издавна отложенную ею на благочестивое употребленіе.

5. ПУСТЫННОЛЮБИЕ

Въ первая годы своего настоятельства Евпраксія, скорбя о лишеніи прежней беспечительности и недостаткѣ безмолвія, прибѣгла съ горячимъ моленіемъ сердца къ Богу, чтобы Онъ даровалъ ей возможность къ исполненію молитвеннаго подвига, и была утѣшена таинственнымъ гласомъ, указавшимъ ей тихое убѣжище въ Абрамовскомъ лѣсу, принадлежавшее усадьбѣ Желтухиныхъ. Съ того времени, она избрала уединенный пригорокъ, въ чащѣ лѣса, мѣстомъ молитвеннаго своего безмолвія и отправлялась туда черезъ мхи и болота, тоекратно по постнымъ днямъ седмицы, (исключая св. четыредесятницы, когда Евпраксія заключалась въ кельи и отъ службы до службы читала стоя св. Евангеліе), послѣ ранней обѣдни въ монастырѣ, который поручала до поздняго вечера попеченію казначиса. Такъ, черезъ нѣсколько времени она приказала срубить изъ бревенъ небольшую часовню подъ высокой сосной и, своими руками ископавъ колодезь у самой подошвы пригорка, водрузила надъ нимъ большой деревянный крестъ. Колодезь этотъ служилъ какъ бы преддверіемъ къ избранному ею мѣсту для ея высокаго подвига: отъ него была проторена ею стезя къ часовенкѣ, вверхъ по пригорку, составляющему предъ нею природную круглую площадку, среди которой всегда становилась подвижница совершать свое молитвенное правило.

Оно состояло изъ чтенія псалтири, акаѳистовъ и каноновъ, посланій Апостольскихъ и Евангелія. Она носила съ собою туда части святыхъ мощей, молитвенныя книги, свѣчи съ огнивомъ, и еще старинную шпату, — неизвѣстно, изъ опасенія ли отъ нападенія злыхъ людей или съ мыслию сломить рогъ гордости и самонадѣянія, — потому что, какъ будетъ разсказано ниже, Евпраксія неоднократно доказывала, что уповала не на мечь свой, а на силу и помощь Вышнего. И что значила робость противъ рѣшимости мужественной жены совершать посто-

янно свои хожденія во всѣ времена года: въ осеннее ненастье, въ зимнюю вьюгу, въ весеннюю грязь и лѣтній зной — совершать хожденія въ глухой лѣсъ, въ самую чашу его, зимой пробирался на лыжахъ по глубокому снѣгу, а въ ненастье въ мужеской тяжелой обуви по тонкому болоту во мракъ поздняго вечера, не боясь ни воздушныхъ мятелей и страхованій, ни воя волковъ и рева медвѣдей? Евпраксія никогда не оставалась тамъ до утра, но возвращалась къ 10-ти или 11-ти часамъ вечера въ обитель, не желая проводить ни одной ночи внѣ оградъ богоспасаемыхъ своихъ овецъ.

Уходя въ пустыню, она всегда запирала свою келью, и потому зимой ночевала въ нетопленной, несмотря на то, что провела весь день безъ пищи, въ молитвенномъ стояніи, на площадкѣ пригорка, внѣ часовни, куда входила только укрыться отъ ливня или сильнаго вихря, при невозможности исполнять «правила» на открытомъ воздухѣ или когда нужно было читать со свѣчей. Слабое тѣло ея часто покрывалось кровавыми рубцами, нося язы вольныхъ страданій отъ лютоści, либо зноя, или укушеній лѣсныхъ оводовъ и комаровъ. Вольная странница съ самоотверженіемъ пренебрегала мученіями тѣла, ради ошущаемаго ею обильнаго утѣшенія и преусуянія духовнаго, въ труженіи-ческомъ своемъ подвигѣ въ Абрамовской пустынѣ. Богъ призиралъ милостиво на смиреніе и трудъ Евпраксіи, утѣшая ее различно: то умилненнымъ сокрушеніемъ сердца, радостотворнымъ плачемъ и очистительными слезами, то таинственными гласами и духовными откровеніями, часто являя ей видимое заступленіе.

Однажды сильная буря съ быстротою пронеслась надъ святою обителью и окрестностями и свергла съ церкви Успенія главу съ крестомъ, не причинивъ, впрочемъ, особеннаго вреда въ монастырѣ, и Евпраксіи было повелѣно особымъ гласомъ или откровеніемъ упавшій тяжелый крестъ, отдѣланный по дереву жѣлезомъ, снести на Абрамовщину. Подвижница немедленно повиновалась и водрузила крестъ на большомъ суку сосны, такъ что утвержденный крѣпко въ сукѣ, онъ и понынѣ оснѣгаетъ кровлю часовенки. Съ той поры Евпраксія всегда имѣла съ собою маленькую лѣсенку, по которой поднималась къ кресту, вѣшала предъ нимъ фонарь съ зажженной свѣчей и совершала особое ему коленопреклоненіе.

Крестъ оказался обладающимъ чудотворной силой. Извѣстная о дѣйствующей черезъ него силѣ благодати Божіей, Евпраксія установила совершать ежегодно 14-го Сентября, въ день Воздвиженія Честнаго Креста, крестный ходъ на Абрамовщину изъ своей обители, съ молебствіемъ предъ прославленнымъ крестомъ, водруженномъ на сукѣ сосны, стволъ которой находится внутри часовни...

6. СПОДВИЖНИЦА ЕЛПИДИФОРА

В самый день чудного свержения бурей главы съ крестомъ въ Ладожской обители, въ далекой сторонѣ, именно, въ глуши дремучихъ Брянскихъ лѣсовъ, слышала гласъ призванія Божія Евдокія, ставшая послѣ сподвижницей Евпраксіи и свидѣтельницей ея подвиговъ. Евдокія была изъ купеческаго званія, уроженка Орловской губерніи. Она въ ранней молодости выдана была своими родителями замужъ, но чрезъ два мѣсяца супружества осталась свободною вдовою. Имѣя особенное стремленіе къ благочестію, Евдокія посвящала все свое время чтенію священныхъ Писанія и житій Святыхъ, и удаляла всякой суеты, вѣтреныхъ утѣхъ и развлеченій своего возраста. Внимательное углубленіе ее въ описанія чуднаго жителства древнихъ Святыхъ въ пустыняхъ и дебряхъ внушило ей непреодолимое влеченіе послѣдовать ихъ образу жизни.

Простота быта и свобода въ жизни того времени способствовали привести немедленно въ исполненіе благочестивый порывъ Евдокіи — тогда не разсуждали о послѣдствіяхъ и не заботились о будущемъ, но одушевлялись первымъ движеніемъ сердца. Евдокія рано утромъ вышла изъ дому родительскаго, гдѣ жила во вдовствѣ своемъ, и направила путь за заставу города, къ густому непроходимому лѣсу, съ намѣреніемъ начать посреди его пустынно-чужую, трудную жизнь, подобную древней удивительной жизни прославленныхъ святыхъ пустынныхъ. Вошедши поглубже въ лѣсъ, Евдокія стала на молитву, изливала горячія слезы изъ глубины сердца и умоляла человеколюбиве Божіе призрѣть на нее и наставить на совершеніе того, что угодно святой Его воли. Молодая ревнительница неотступно пребывала весь день на одномъ мѣстѣ, смѣняя одну молитву другою, и являла Богу крѣпкое свое намѣреніе — умереть на мѣстѣ отъ изнурѣнія и голода, въ ожиданіи отъ Него Единого помощи и вразумленія, какъ совершить ей избранный подвигъ. Къ концу дня Евдокія, женщина нѣжнаго и слабого тѣлосложенія, привыкшая къ удобствамъ жизни, утомившись отъ сильнаго напряженія, начала изнемогать въ силахъ. Въ разслабленіи она поверглась на землю и приготовилась предать душу свою Богу, Котораго возжадала съ такимъ чрезвычайнымъ вожделеніемъ, какъ вдругъ слуха ея тонкаго коснулся нѣкій звонный гласъ, возбудившій ее отъ

близкаго замиранія слѣзующими словами: «Выйди отсюда, здѣсь тебѣ не мѣсто. Иди и ищи монастыря, гдѣ безглавая церковь — тамъ спасешься».

Евдокія ощутила нѣкоторую свѣжесть и возвращеніе силъ, вмѣстѣ съ какимъ-то необычнымъ чувствомъ ужаса, который понуждалъ ее скорѣе выйти изъ лѣсу. Къ вечеру она выбралась изъ чащи и на выходѣ изъ лѣсу встрѣтила пастуха со стадомъ, который испугался ея блѣднаго, изможденнаго вида и обгорѣлаго лица, вепущаго и искусааннаго до крови лѣсными насекомыми, и хотѣлъ бѣжать, но Евдокія удержала его, умоляя именемъ Божіимъ указать ей дорогу къ селенію. Водима необычными чувствомъ призванія, въ теченіе десяти лѣтъ Евдокія страннически обходила многія обители и пребывала иногда по два и по три года въ одной, не располагаясь нигдѣ постоянно; но гдѣ останавливалась, тамъ впадала себя въ совершенное повиновеніе старцамъ и служила имъ въ смиреніи и кротости сердца, съ полнымъ самоотверженіемъ, и снова, влекомая чудною силою смотрѣнія Божія, исходила съ миромъ далѣе, ища мѣста, гдѣ успокоить духъ свой и утвердить свое жителство, по опредѣленію свыше.

Такимъ образомъ дошла она до Петербурга и постыла тогдашній Смольный монастырь, управленіе котораго въ то время находилось въ главномъ распоряженіи Игуменіи Евпраксіи, выбранной викаріей, или правительницей монастыря, по именному указу. Начальство вызвало Евпраксію изъ Ладоги на игуменство въ Смольный; пустыннолюбивая старца смиренно просила, какъ милости, дозволить ей умереть въ уединенной ея обители.

Поэтому священнейшій Митрополитъ Гавріиль, цѣня монашескія достоинства и долговременную опытность ее въ священномъ дѣлѣ управленія, 14-го Января 1786 года назначилъ ее управлять и завѣдовать всѣми дѣлами Смольнаго, не оставляя своего мѣста, а помощницей ее и казначейшей той обители поставилъ монахиню Анатолію, которая была обязана во всякомъ своемъ распоряженіи, давать ей отчетъ и отправлять текущія бумаги на разсмотрѣніе и утвержденіе Евпраксіи.

7. ДУХОВНАЯ СЕСТРА

ПРЕОСВЯЩЕННАЯ ВЛАДЫКИ ГАВРИИЛА

Управленіе ее этими обителями, совершаемое въ испытанномъ нестяжаніи и неусыпной бдительности, привлекло къ ней особенное благоволеніе

Часовня Схигоумыни Евпраксіи съ молитвеннымъ крестомъ.

Гравюра 19-го вѣка.

самого первосвященника, который пожелал почтить пустынную наперсницу крестомъ; но Евпраксія отъехала принять эту почесть. Узнавъ ее лично, святой полюбил мудрую и назидательную ее бесѣду, почиталъ ее духовною сестрою и часто вызывалъ ее къ себѣ въ Петербургъ на душеполезное свиданіе, предпочитая пустынницу всѣмъ прочимъ настоятельницамъ первоклассныхъ монастырей.

Однажды, прѣхавъ къ нему по дѣламъ вѣрренныхъ ей обителей, Евпраксія встрѣтилась въ митрополичьей прѣмной съ двумя почетными игуменіями, которая дожидались доклада о себѣ съ ранняго часа утра. Поглядѣвъ на смиренную старицу, которая поклонилась имъ до земли и стала поодаль, они спросили ее, зачѣмъ она пришла къ митрополиту. «Я имѣю дѣло къ Его Высокопреосвященству», — кратко отвѣчала Евпраксія. — «Напрасно будешь ждать, — возразили тѣ, — Владыка боленъ и никого не принимает. Мы не первый разъ и сегодня долго ожидаемъ доклада, хотя знаемъ, что Владыка насъ уважитъ». Евпраксія не отвѣчала ни слова. Вошелъ секретарь и, увидѣвъ ее, тотчасъ подошелъ къ ней съ поклономъ и сказалъ: «Пожалуйте, Матушка, къ Владыкѣ: онъ никогда Вамъ не отказываетъ и приметъ Васъ въ постели. А вы извините, — прибавилъ онъ, обратившись къ изумленнымъ игуменіямъ, — сегодня Владыка никакъ не можетъ васъ видѣть». — «Кто же эта старица?» — спросили они поспѣшно. — «Это госпожа Евпраксія, Игуменія Старо-Ладожскаго Успенскаго и Викарія Смольнаго монастырей, любимая духовная сестра нашего Владыки».

Живя цѣлый годъ въ Смольномъ монастырѣ и слыша подобные рассказы о жизни и подвигахъ Евпраксіи отъ старицы Смольнаго и отъ самой монахини Анатолии, Евдокія ощутила въ себѣ нѣчто возбуждающее ее любовь къ добродѣтельной пустынницѣ. Предаваясь сильному влеченію души, она положила твердое намѣреніе отправиться въ

Старую Ладугу и, несмотря на самые убѣдительные и благосклонные предложенія Анатолии скоро получить постриженіе въ Смольномъ, поспѣшила туда. Но скоро совершилось надъ нею опредѣленіе Божіе, искушавшее ревнительницу въ долготерпѣніи. Пустынное расположеніе обители, неподобіе маленькаго скита, малочисленность сестеръ, простота и согласіе въ ихъ общежителствѣ, благочиніе церковнаго служенія, на которомъ неупустительно находилась сама игуменія со всѣмъ собраніемъ, благоговѣнное ее стояніе во храмѣ, самый видъ благолѣпной старицы, сіяющей красотою внутренняго благообразія, сила и сладость короткаго

ее слова, чувство необъяснимаго влеченія къ ея достоинству плѣнили жаждущую душу Евдокіи и рѣшили окончательный ея выборъ пристанища. Со смиреніемъ и слезами припала она къ стопамъ Старицы Евпраксіи, умоляя принять ее въ число сестеръ. Но Евпраксія показала явное сопротивленіе ея просьбамъ и, не трогаясь видимо никакими убѣжденіями, представила ей неудобство лишеній и тяготу пустынной жизни, несоответственной ея молодому возрасту и нѣжному сложенію. «Ты у насъ соскучишься, — говорила она, — у меня собраны одни старицы, пріобучившія себя издавна къ строгой монашеской жизни. Пища у насъ самая простая, способовъ мало, и тебѣ нѣтъ здѣсь сверстницъ, съ кѣмъ дѣлать время. Не упрасивай и не докучай намъ много; ищи

Первенствующій членъ Святѣйшаго Синода
Архіепіскопъ Гавріиль (Петровъ).
Худ. А. Н. Антроповъ. 1774 г.

себѣ болѣе приличнаго монастыря».

Твердость старицы оказалась столь неумолимою, что огорченная и плачущая Евдокія должна была ускорить съ выходомъ изъ обители. Съ неописанною горестью села она у святыхъ воротъ на камнѣ и разливалась въ слезахъ, почитая себя много согрѣшившею Богу и заслужившею праведный гнѣвъ Его угодника, какою она почитала Евпраксію. Въ это время проѣзжала мимо почтовая тройка и остановилась въ слободѣ для сѣмны лошадей. Оградившись крестнымъ знаменіемъ и предавъ себя

воль Божией, Евдокия, со свойственным ей упованием, наняла тройку и уехала в Петербург. Не медля нисколько, в первый же день приезда, она прибыла къ знакомому ей в Невской Лаврѣ секретарю митрополита и рассказала ему свое горе. Подумавъ немного, секретарь утѣшил Евдокію обещаніемъ доложить о ней митрополиту и обнадежилъ огорченную возможностью выхода особаго указа о помѣщеніи ее въ Успенскомъ монастырѣ, несмотря на видимое сопротивление строгой старицы, обычно разборчивой и осторожной въ приѣмъ молодыхъ.

На другой день митрополитъ приказалъ призвать къ себѣ странствующую Евдокію, благосклонно принялъ ее и началъ разспрашивать до послѣдней подробности объ ея странствованіи и жизни. Со вниманіемъ выслушавъ искренній рассказъ Евдокии до окончательной ея неудачи ко вступленію въ Ладожскій монастырь, первосвятитель спросилъ ее, почему она особенно стремится туда, и узнавъ о сердечномъ ея влеченіи вѣрять себѣ руководству достойной уваженія, добродѣтельной пустыницы, тихую и безвѣстную обитель которой она предпочла именитому монастырю, — мудрый и милостивый архипастырь изъявилъ ей свое одобреніе.

По принятому обычаю сдѣлавъ новопоступающимъ старшимъ сестрамъ, Евпраксія предложила Евдокии двѣ келліи: поступить келельницей или къ двумъ сестрамъ изъ дворянъ достаточнаго состоянія, способнымъ обеспечить ея содержаніе, или къ одной старшій монахинѣ Капитолинѣ, — и Евдокія, любя тѣсноту и повиновеніе, избрала послѣднюю. Вскорѣ узнала она изъ рассказовъ старицъ о бывшей въ ихъ обители десять лѣтъ тому назадъ бурѣ, которая обезглавила ихъ церковь. По счету времени, въ самый тотъ день и часть она услышала среди Брянскаго лѣса вѣщій гласъ о своемъ спасеніи въ монастырѣ съ безглавою церковью.

Въ самомъ непродолжительномъ времени Евдокія сподобилась пострижения въ мантию и нарѣчена была Елпидифорой. Въ доказательство своего особеннаго довѣрія къ ней, Евпраксія начала приглашать ее съ собою на молитвенное хожденіе въ пустыню, разрѣшая ей, по немощи силъ, вкушать пищу по возвращеніи. Евпраксія всегда шла впереди монахини, всю дорогу творя гласно молитву Исусову, одну за другою, неспѣшно, и при каждой обнявъ себя крестнымъ знаменіемъ. Возшедши на священный пригорокъ, она начинала совершать обычное свое правило на открытомъ воздухѣ, когда позволяла возможность. Елпидифора становилась съ нею, внимая тихому пѣнію молитвенницы, или иногда, отъ изнеможенія, отдыхала неподалеку отъ нее. Такимъ образомъ Елпидифора сдѣлалась вѣрною свидѣтельницей многихъ чудныхъ знаменій бла-

годати надъ своею духовною матерью, описаніе которыхъ вкратцѣ помѣщено въ заключеніи, и, по запрещенію самой Евпраксії, хранила ихъ втайнѣ, до блаженной кончины ея, а потомъ сообщила о нихъ келельни сожительствовавшей съ нею послѣдствіи монахинѣ, которая вступила въ Успенскую обитель уже на послѣднемъ году жизни достоуважаемой подвижницы, проведенномъ ею на покоѣ. Эта монахиня пользовалась особеннымъ расположеніемъ къ себѣ Евпраксії, сподобляясь часто уединенной бесѣды съ нею, исполненной утѣнительныхъ о ней пророченій, и была нарѣчена отъ ней монахиней, еще за нѣсколько лѣтъ до своего пострижения.

8. ИСКУШЕНІЯ И СКОРБИ

Но прежде повѣствованія о честномъ представленіи старицы, должно еще упомянуть о бывшихъ съ нею искушеніяхъ и скорбяхъ. Великій подвигъ пустыннаго безмолвія и труженическаго хожденія на молитву Евпраксії, равно какъ кротость и долготерпѣливость ревнительницы Евдокии, были подвергнуты великому искушенію. По двухлѣтнемъ сопустствованіи ей въ пустыню, Елпидифора видѣла предварительный сонъ о постигшемъ ее скорѣи гоненіи. Должно предполагать, что Евпраксія, въ одно время своего прилежнѣйшаго молитвеннаго подвига, по смотрѣнію Божію, была искушена возстаніемъ на нее сердечной ярости, съ которой борьбу вела она каждодневно. Вотъ ненавистникъ добра, искуситель, началъ свѣять свои плевелы между доброю пшеницею въ маломъ собраніи Успенскихъ старицъ. Гдѣ и когда не страдало общество воиновъ Христовыхъ отъ нападеній его, явныхъ и тайныхъ? И кто изъ обложженныхъ плотию не искушался подъ его раззенными стрѣлами? Въ какомъ избранномъ, единодушномъ согласіи не было и лжебратіи, съ самыхъ временъ Апостольскихъ до нашего многоскорбнаго времени?

Евпраксія преслѣдовала Елпидифору различными обличеніями и обидными подозрѣніями, либо въ теченіе дня призывала ее къ себѣ для выговора въ тѣхъ винахъ, которымъ она была непричастна. Попущенное къ искушенію обихъ, гоненіе на Елпидифору умножалось болѣе и болѣе, и могло бы составить особое описаніе скорбей и бореній иноческихъ. Ненависть стремилась поколебать твердость Елпидифоры и уничтожить добро ея начинаніе; но чрезмѣрное искушеніе никогда не бываетъ оставляемо безъ заступленія Божія. Не оставилъ Богъ жѣзла грѣшныхъ на жребіи праведныхъ. Елпидифора, приготовившись уже уступить невыносимому гоненію и успокоить смятеніе другихъ переходомъ въ другой монастырь, вдругъ получила во снѣ извѣщеніе о скоромъ прекращеніи искушенія. Дѣйствительно, Богъ покорилъ ярость

подъ трудъ и смиреніе Евпраксіи и не только освободилъ ее отъ брани, но еще даровалъ ей силу носить тяготы и немощи другихъ, съ миромъ и любовью. При концѣ своего подвига, она терпѣла много поношенія отъ подвластныхъ ей и даже переносила самыя грубыя выходки своей келейницы, не только ничѣмъ не угрожая ей, но еще снисходя многимъ ея слабостямъ; а Елпидифору возлюбила болѣе прежнего, поставила ее казначеей и совершенно имѣла ее своимъ другомъ.

Зависть начала открыто нападать на Евпраксію въ концѣ ея жизни и покушалась лишить ее сана, носимаго ею съ такимъ достоинствомъ съ лишкомъ сорокъ лѣтъ, пока, наконецъ, не достигла своей цѣли, заставивъ ее просить увольненія на покой.

9. УВОЛЬНЕНИЕ НА ПОКОЙ

Въ Іюль 1822 года Евпраксія на девяностомъ году жизни была уволена отъ управления монастыремъ. Прославляемая по имени въ далекихъ странахъ, она не была познана своими домашними. Достохвальная ея цѣль удаляться въ пустыню на сѣточное безмолвіе не была понята ими, исключая немногихъ ея ученицъ. Заподзѣвъ на молитвѣ, она часто бывала встрѣчаема съ гнѣвомъ ожидавшими ее у вратъ обители сестрами, которыя дерзали обвинять молитвенницу въ пустомъ бродяжничествѣ по лѣсамъ.

Наконецъ, устроивъ себѣ малую тѣсную келлію, Евпраксія вступила на покой. Впослѣдствіи въ престарѣлыя годы она разрушала себѣ иногда укрѣпляя свои утомленные постническимъ подвигомъ старческаго силы рыбной пищей, чаемъ и даже кофеемъ, употребляя тотъ или другой всегда за объемомъ, одинъ разъ въ сутки. Жила она въ келейкѣ затворнически, безъ келейной; обиль приносила ей одна монахиня, приходившая ей служить. Смирненно переносила Евпраксія свое одиночество, и даже разлученіе съ любимыми сестрами, которыя не смѣли посѣщать ее, опасаясь ввести въ подозрѣніе настоятельницу, зараженную мнѣніемъ, будто они ходятъ къ своей матери съ жалобой на нее. Но Евпраксія не вмѣшивалась въ управление и втайнѣ скорбѣла о нѣкоторыхъ перемѣнахъ въ прежнемъ порядкѣ, особенно о лишеніи ея храма благолѣпія, именно: о заблѣвннй стѣнъ его, издревлѣ исписанныхъ иконописными изображеніями священныхъ событийъ или Святыя вѣхаго и новаго Завѣта и о недостаточномъ его освѣщеніи, которое она такъ строго и ненарушимо соблюдала.

Воздыханія ея слышала одна вѣрная и безмолвная ея наперсница Елпидифора, которую иногда посѣщала она сама. Подозрѣнія настоятельницы могли родиться изъ нѣкоторыхъ случаевъ, когда Евпраксія позволяла себѣ заступаться за огорченныхъ явною ея несправедливостію сестеръ, или

испрашивать милости нуждающимся сестрамъ. Тогда старица приходила къ своей преѣмницѣ и, какъ униженная просительница, становилась предъ нею на колѣни (въ девяностолѣтнемъ уже возрастѣ), тихо упросивъ ее оказать милость или снисхожденіе. Но та, имѣя неудержимо вспыльчивый нравъ, иногда въ пылу горячности своей и не выслушивала ея убѣжденій, но вскакивала и съ крикомъ изливала надъ старицей гнѣвъ, приказывая одной изъ послушницъ проводить ее до келліи. Случалось вести достоблаженную именно той самой монахинѣ, сожительницѣ Елпидифору, особенно любимой Евпраксіей. Подвижница уходила отъ настоятельницы съ яснымъ взоромъ безгнѣвья, не давала вести себя подъ руку, но просто за руку, какъ ребенка, и всегда говорила съ нею любовно и утѣшительно, разсказывая что-нибудь изъ дѣяній своей жизни.

10. БЛАЖЕННАЯ КОНЧИНА

Чуднымъ образомъ было ей предвѣщено о близкой ея кончинѣ. Въ числѣ многихъ видѣній, какихъ удостоивалась молитвенница, она часто видала древнюю, въ Божѣ почившую Старицу Акилину, основательницу Успенскаго монастыря, обходящую въ ночное время обитель, въ мантии и съ посохомъ въ рукѣ, и всегда исчезающую въ стѣнѣ соборной церкви, гдѣ подъ крайнимъ окномъ Евпраксія полагала, по преданію или откровенію, находились ея мощи. Многие монахини строгой жизни имѣли то же видѣніе. За нѣсколько дней до своего преставленія Евпраксія постѣла свою споснницу Елпидифору и, войдя къ ней, по молитвѣ обвила ея келлію крестнымъ знаменіемъ, обошла ее вокругъ и, по многой назидательной бесѣдѣ, сказала: «Мы, быть можетъ, болѣе здѣсь не увидимся». Встревоженная старица умоляла ее обясниться прямо. Тогда Евпраксія открыла ей, что пришла благословить ея жилище предъ своею кончиною. «Вчера, — сказала она, — поздно вечеромъ, я услышала, что кто-то творить молитву подъ окномъ моей келліи, съ легкимъ стукомъ въ оконницу. Отвѣчая «аминь» и думая, что это кто-нибудь изъ келейныхъ игуменій, я услышала тихій голосъ и слова: «Готовься къ исходу: ты скоро соединишься со мной». — Я выглянула въ окно и увидѣла старицу въ мантии и съ жѣзломъ, которая поворотилась уже отъ моей келліи къ мостику; но когда я вышла изъ келліи съ намереніемъ настичъ ее, она исчезла у меня предъ глазами. Я поняла, что меня грѣшную зоветь къ себѣ, по волѣ Божіей, моя возлюбленная старица Акилина».

На другой день она почувствовала расклатѣніе желудка и упадокъ силъ тѣлесныхъ, но не ложилась и не изнемогала. Потомъ пригласила игуменію и монахинь и, объявивъ имъ о приближеніи своей кончины, просила съ умоленіемъ настоятельницу

погresti ee въ схимѣ, которую нашли по кончинѣ ee въ запечатанномъ ларчикѣ съ веригами и пакетомъ денегъ съ надписью: «На погребеніе и поминаніе убогой Евпраксіи». Это былъ сохраненный издавна собственный доходъ ей отъ чтенія псалтири. Игуменья предложила ей принять схиму явно и донести о томъ начальству; но она отвѣчала, что невозможно повторитъ обряда, давно уже совершеннаго надъ ней. По неизвѣстности кѣмъ и когда была она посвящена въ великій образъ, прошеніе ея не было исполнено настоятельницей, и вѣрная ся наперсница Елпидифора обрѣченную по смерти Иерусалимскую схиму тайно подложила подъ честное ее тѣло въ гробѣ. Она не открывала о посвященіи своемъ и Елпидифорѣ, но на вопросъ ей однажды, когда та увидѣла у нее подъ рясой схимонашеское облаченіе, отвѣчала кратко: «Богъ послалъ мнѣ ангела своего посвятить въ схиму».

Въ послѣдній день жизни доблестная пожелала приобщенія святыхъ тайнъ и, по причинѣ ослабленія въ силахъ, приняла святое причащеніе въ келліи, но еще на ногахъ; потомъ, проводивъ священника со Святими Дарами до дверей келліи, заперла сѣни, сама разостлала на полу въ нихъ рогожину, взяла въ руки свое келейное распятіе и зажженную восковую свѣчу, возлегла благолѣпно на рогожнѣ, смѣжила очи и тихо почила — до общаго воскресенія 23-го Сентября 1823 года.

Такъ разсказывала о послѣднихъ ей минутокъ приставленная къ ней на это время монахиня. На обрядѣ омовенія тѣла были призваны три духовныя ея дочери, монахини Елпидифора, Іуліанія и Павла, которыя омывали его болѣе своими слезами, текшими отъ увеличеннаго неутюжнаго печалью сердца, при видѣ начавшагося неблагоговѣйнаго распоряженія вокругъ ихъ о выносѣ и о прочемъ. Совершая обрядъ съ достолюбимымъ почтеніемъ къ честному тѣлу подвижницы, осиротѣвшія инокини не опомнились, какъ устроилось оно въ ихъ рукахъ въ сидячемъ положеніи, точно будто старца сознательно принимала отъ нихъ послѣднее себѣ служеніе. Она сидѣла съ поникшей главой и чинно опущенными на колѣни руками, сия дѣвственной чистотой изможденной въ трудахъ старческой плоти. Тогда, отъ раздражающаго душу скорбнаго чувства, Елпидифора возопила къ суетившимся: «Оставьте вашу молву и

умилитесь: отъ вѣка не видано, чтобы мертвецъ сидѣлъ. Почтите ее какъ святую».

Тѣло было вынесено вечеромъ того же дня, по принятому обычаю, въ церковь, съ пѣніемъ и со свѣчами, и торжественно поставлено посреди соборной церкви на простомъ монастырскомъ катафалкѣ, гдѣ было положено на другой день во гробѣ и погребено на пятый день преставленія, тогда какъ не только не являло въ себѣ признаковъ тлѣнія, но еще издавало вокругъ тонкое нѣкое благоуханіе. Добраблестная Евпраксія погребена за окномъ главнаго алтаря Успенской церкви и покрыта плитой, на которой изсѣчена надпись собственною ея рукою незадолго до кончины. Избирая себѣ мѣсто

для могилы, она просила настоятельницу — положить ее въ паперти подъ стѣною, какъ можно было предполагать, у ногъ единадушной съ нею древней подвижницы, старицы Акилины; но и послѣднее ея желаніе не исполнено людьми, тогда какъ Богъ исполнилъ и совершилъ во благихъ всѣ ея желанія.

11. ЧУДЕСА ПРИ ЖИЗНИ

Теперь должно сказать о томъ, что было чуднаго и достопамятнаго въ жизни Евпраксіи.

Однажды во время всеночнаго бдѣнія, за двадцать лѣтъ до своей кончины, стоя на своемъ игуменскомъ мѣстѣ въ Успенской церкви, Евпраксія вдругъ измѣнилась въ лицѣ, поблѣднѣла, помертвѣла и — упала безъ всякаго чувства на руки скоро поспѣвшихъ поддержать ее монахинь, изъ которыхъ первая Елпидифора, взглянувъ на игуменью нечаянно, замѣтила необычайное измѣненіе ея лица и подала знакъ другой монахинѣ. Въ такомъ безжизненномъ состояніи она была отнесена ими въ сея келлію и положена на постель. Одно едва примѣтное дыханіе и теплота у крѣпко сжатыхъ устъ подавали признаки жизни. По внушенію таинственнаго внутренняго чувства Елпидифора упросила встревоженныхъ сестеръ удалиться и осталась одна съ обмершею. Старицы не могли много ей противиться, какъ первому лицу по настоятельности; однако въ теченіе ночи и цѣлыхъ сутокъ по очереди подходили къ келліи беспрестанно, желая освидѣниться о состояніи матери. Елпидифора должна была часто выходить къ нимъ и всачески уговаривала ихъ не возмущаться, а положить упованіе на волю Божію и молиться, никакъ не

Старая Ладога.

Сестры Успенской обители.

Фотографія 1900-хъ годовъ.

допуская никого проникнуть въ келлю, гдѣ и сама пребывала въ безмолвной молитвѣ надъ обмершей. Къ вечеру лицо Евпраксіи оживилось, она открыла глаза и перекрестилась; потомъ поднялась съ постели и встала съ прежними силами, безъ малѣйшаго остатка ослаблѣнія. «Успокойся, — сказала она Елпидиорѣ, — и угнѣй сестеръ: вы испугались и подумали, что я умираю. Нѣтъ, мѣя назначено жить еще двадцать лѣтъ. Благодарю тебя, мой другъ, что ты меня хранила и стерегла». Но что происходило съ нею и въ какомъ состояніи внутренне находилась она во время суточного обмирания, осталось неизвѣстно.

Лѣтъ за пять до кончины Евпраксіи, идя по монастырю, споткнулась о камень и переломила правую руку. Это случилось предъ самымъ отправленіемъ ее на Абрамовщину, въ одинъ изъ дней, уставленныхъ ею на безмолвіе въ пустыни. Свидѣтельница ея паденія и перелома руки были Елпидиора и другая монахиня. Перепуганная, приступили они къ ней съ услугами сердечнаго участія: рука ея тотчасъ вспухла и повисла. Но мужественная жена не обнаружила болѣзни и, незирая на слезы и убѣжденія старицъ не ходить уже въ пустыню и заняться леченіемъ руки, она немедленно отправилась и строго запретила за собою слѣдовать или посылать. Къ ночи подвижница возвратилась съ совершенно цѣлою и здоровою рукою, и съ ясною улыбною встрѣтила нетерпѣливо и беспокойно ожидавшую ее Елпидиору. «Матушка! Что было съ вами?» — воскликнула обрдованная ея споспѣшница. «Видишь, маловѣрная! — отвѣчала она, — я совсѣмъ здорова». — «Да какъ же вы дошли?» — «Я шла и плѣя псаломъ и не дала себѣ почувствоваться, — сказала Евпраксія. — Пришедши въ пустыню, я лѣвою рукою поставила лѣсенку къ подножію креста, засвѣтила свѣчу въ фонарѣ, а больною рукою обвила крестъ и заплѣла: «О преблаженное древо! На немъже распясъ Христосъ, Царь и Господь», а сама залилась сладкими слезами, такими сладкими, что и забыла про свою боль. Когда же докончила, то уже не было ни опухоли, ни боли». Дѣйствительно, обѣ монахини видѣли опасность ушиба и перелома руки, и потомъ о испущеніи ее прославили дивнаго Бога, творящаго чудеса во Святыя своихъ.

За нѣсколько лѣтъ до своей кончины Евпраксія въ Великій Четвергъ, какъ совѣтуетъ всякому христіанину св. Димитрій Ростовскій чудотворецъ, пожелала принять таинство соборованія елеемъ. Она приступила къ обряду со строгимъ пощеніемъ и съ теплымъ усердіемъ молила Господа открыть ей силу таинства. Во время обряда она стояла въ церкви на своемъ мѣстѣ, въ собраніи всѣхъ сестеръ, съ устремленными въ высоту глазами, неподвижно, и казалась восхищеною нѣкимъ чуднымъ видѣніемъ. Обрядъ совершался соборно двумя монастырскими свя-

щенниками, выходящими изъ алтаря помазывать и читать Евангелія.

На другой день, по особому къ ней дерзновенію, Елпидиора осмелѣла спросить ее, что было съ нею во время таинства. Она открыла Елпидиорѣ, что Господь явилъ ей силу таинства, освещающаго совершенно душу и тѣло вѣрующаго человѣка, и сообщила, что всякій разъ, когда священники подходили къ ней, она видѣла двухъ благообразнѣйшихъ архидиаконовъ въ свѣтломъ облаченіи, которые исходили изъ алтаря и, приблизившись къ ней, поднимали ее на воздухъ и осѣняли святымъ Евангеліемъ. А при послѣдней соборной молитвѣ, когда священникъ зывалъ ко Господу о возложеніи руки на главу ее, она увидѣла простертую надъ собою таинственную десницу. За два года до кончины Евпраксіи снова повторила обрядъ надъ собою, также въ церкви, съ такимъ же приготовленіемъ и въ Великій Четвергъ, но не имѣла уже никакого видѣнія и завѣшала своимъ не повторять болѣе обряда надъ нею.

12. ВИДѢНІЕ СПАСИТЕЛЯ

Сподобилась она также блаженнѣйшаго видѣнія Спасителя на облакахъ, во время частнаго молебствія въ 1812-мъ году, бывшаго на дворѣ уважаемаго ею ближняго сосѣда, помѣщика Томилова, который тогда отправлялся въ ополченіе. Особенно уважая блаженную Евпраксію, цѣнную вѣрою по достоинству, а не по одному превосходству ея сана, Томиловы всегда искали ея благословенія во всѣхъ семейныхъ нуждахъ и нечаянностяхъ. Любя ихъ простодушное усердіе, Евпраксія отвѣчала имъ своимъ благорасположеніемъ и не отказывалась иногда посѣщать ихъ домъ, иногда предрѣкала имъ рожденіе сына или дочери, либо предостерегала ихъ отъ чего-нибудь непріятнаго иносказательно, въ видѣ дружескаго совѣта, который всегда принимали они съ довѣріемъ. Тѣмъ болѣе въ то время, исполненное многоразличныхъ опасеній, споспѣшила она раздѣлить молитвы о благополучномъ возвращеніи отца семейства и домохозяйствъ къ одинокой супругѣ. Бывшие съ нею старины видѣли ее погруженною въ какое-то восторженное состояніе, съ поднятыми въ небо глазами, неподвижно стоящую посреди всѣхъ во время молебна, и замѣтили особенно просвѣщенное измѣненіе лица ея. По окончаніи его, вошедши нѣсколько въ себя, она благословила все семейство и успокоила жену надѣждою видѣть супруга своего вскорѣ, легко раненнаго, что сбилось дѣйствительно.

Послѣ наединѣ сообщила Евпраксія своей сотоварищи Елпидиорѣ о чудномъ видѣніи, какого сподобилась она въ своемъ необъяснимомъ восхищеніи ума. Подвижница была зрительницею неизрѣчнаго свѣта, блистательнѣе солнечнаго,

как бы разверзшаго небо, въ сѣяніи котораго, какъ бы на облакахъ, явился ей Спаситель нашъ, Господь Іисусъ Христосъ въ пречистомъ и покланяемомъ своемъ зракѣ. Но ничего болѣе не сказала она изъ бывшаго ей откровенія. Изъ словъ ея помѣщица поняла только то, что сбилось въ непродолжительномъ времени.

Достовѣрно, что она не была лишена дара прозорливія, хотя не обнаруживала его открыто. Она проницательно и вѣрно говорила о будущемъ состояніи своего монастыря, какъ въ ближайшемъ, такъ и дальнѣйшемъ отъ нея времени.

13. ОГНЕННЫЙ СТОЛПЪ

Однажды Евпраксія находилась въ опасности пострадать отъ руки злого человека, и не только была

спасена хранящимъ ее промысломъ Божиимъ, но еще и того спасла отъ вѣчной гибели. Въ одинъ дождливый и темный вечеръ ненастной осени, пребывая на безмолвіи въ Абрамовскомъ лѣсу и, по случаю непогоды, совершая свое правило въ часовнѣ, неустранимая подвижница вдругъ увидѣла выходящаго изъ-за угла дощатой перегородки высокаго человѣка, въ оборванной солдатской шинели, съ ножомъ въ рукѣ. Посмотрѣвъ на нее пристально, онъ остановился позади ее на порогѣ. Евпраксія не оставляла своего правила, и уже по окончаніи всѣхъ своихъ молитвъ обернулась и увидѣла его стоящимъ на колѣнахъ и молящимся. На вопросъ ея, чего онъ хотѣлъ, тотъ бросился ей въ ноги, называя ее святою рабой и угодницей Божіей и умоляя простить и помиловать его. Онъ рассказалъ ей о себѣ, что онъ провинился въ своемъ полку и, убоявшись

наказанія, бѣжалъ и добрался до Абрамовскаго лѣса, гдѣ третій день скитается безъ пищи и покрова. Наконецъ, въ одинъ вечеръ онъ увидѣлъ въ лѣсу между деревьями восходящій къ небу столпъ и, въ надеждѣ найти кладъ, пошелъ по направленію свѣта къ тому мѣсту, но вдругъ, дошедши до пригорка, замѣтилъ, что лучъ поднимался надъ часовенкой, куда только что вошла старица. Два дня прятался онъ

въ кустахъ и рѣшился потомъ засесть за перегородку въ часовнѣ, съ намѣреніемъ обыскать ее, ожидая найти скрытые ею деньги и, наконецъ, убить. Но непонятный ужасъ всегда лишалъ его силъ, не допуская тронуться съ мѣста. Тогда раскаяніе коснулось его души, и онъ вознамѣрился признаться старицѣ во всемъ и просить ходатайства ее къ Богу, уразумѣвъ изъ видѣннаго надъ нею огненнаго столпа пребывающую въ ней силу Божію. Онъ просилъ также извинить его отъ голода; но подвижница, пребывая въ пошеніи, не могла ничѣмъ удовлетворить его и оставила ждать до утра. Возвратившись домой, Евпраксія рассказала Елпидифорѣ о случившейся съ нею встрѣчѣ и на другой день рано утромъ, несмотря на убѣжденіе Елпидифоры взять съ собою провозагото, носила одна въ пустыню и

понесла съ собою большую просфору и мѣдный рубль денегъ. Солдатъ, видя этого скуднаго запасъ пищи, усомнился и возропталъ. Но старица увѣрила его, что и денегъ и просфоры будетъ для него достаточно до самого Петербурга, прибавивъ, что если онъ послушается ее и, положивъ намѣреніе оставить путь беззаконія, съ повинною головою возвратится къ своему начальству, то не только будетъ прощенъ и помилованъ, но еще вскорѣ будетъ произведенъ въ унтеръ-офицеры. При этомъ она велѣла ему напиться изъ своего колодца и съѣсть половину просфоры, а другую взять на дорогу; отдала ему также рубль и, поговоривъ съ нимъ о страхѣ вѣчной муки и воздаяніи праведныхъ, отпустила его въ путь съ благословеніемъ. Черезъ мѣсяцъ или немного болѣе Евпраксія получила отъ него письмо, въ которомъ онъ, убаюкая ее святою угоду,

Часовня Схигумены Евпраксіи на Абрамовщинѣ.

На сучкѣ дерева виднѣнъ чудотворный крестъ.

Фотографія 1900-хх.

нищей и пророчицей, благодаритъ за чудесное напутствіе, съ которымъ онъ, сытый и довольный, пошелъ до своего полка и извѣщаетъ, что, по ея прорѣченію, онъ прощенъ добрымъ начальникомъ и за исправность и особое отличіе по службѣ произведенъ въ фельдфебеля, прибавляя, что даетъ обѣщаніе впередъ вести себя исправно и честно, и помнить ея наставленіе.

14. ЧУДНЫЙ СВѢТЬ

Въ другой разъ, когда еще Елпидифора сопровождала ее въ пустыню, Евпраксія была ограждена явнымъ заступленіемъ свыше вмѣстѣ со своею спутницею. На вечернемъ правилѣ, также осенью, застигла ихъ сильная гроза съ вихремъ и ливнемъ. Елпидифора съ ужасомъ помышляла о возвращеніи въ обитель, среди густаго мрака ненастной ночи, при раскатахъ грома и блескѣ молніи, чрезъ лѣсъ и топкое болото, и, утращенная, понуждала Евпраксію остаться ночевать въ часовенкѣ, затворясь изнутри. Но подвижница не хотѣла и слышать, постынная къ ночи въ обитель, во всегданней о ней заботливости. Она велѣла ей ободриться духомъ и идти за нею, не утращаясь. Ночь была темна, безъ всякаго просвѣта, и выходъ изъ освѣщенной часовенки, по густотѣ мрака и шума съ гуломъ колеблемыхъ вихремъ осеней, казался открыто бездною. Естественнымъ образомъ невозможно было попасть на дорожку, ведущую съ пригорка къ колодезю, куда нужно, прошедши немного, повернуть налѣво и потомъ спускаться. Скрѣпя сердцѣ, вышла Елпидифора за крѣпкою воинственницей, идущею впередъ по холму, съ тускло мерцающимъ фонаремъ; но и тотъ у самого колодезца задуло вѣтромъ. Тогда, вмѣсто искусственного слабого огонька, по молитвѣ и вѣрѣ рабы Божіей, ниспослано было чудное озареніе свѣта, который по обѣ стороны тропинки стѣною разсѣкалъ мракъ и освѣщалъ имъ путь до самой обители, наподобіе полосы дневнаго свѣта. Осѣняемые имъ путницы не были даже смочены дождемъ, который снова зашумѣлъ за ними, по прекращеніи чуднаго свѣта, во вратахъ монастыря. Евпраксія запретила своей спутницѣ разсказывать о бывшемъ имъ заступленіи, до своей кончины.

15. ДРУЖБА СЪ БЕЗСЛОВЕСНЫМИ

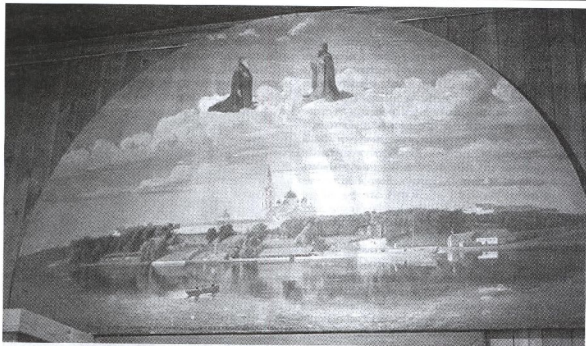
Случалось ей иногда, ибъ въ пустыню или оттуда, заблуждаясь въ лѣсу и сбиваясь съ пути, что подвижница приписывала зависти и кознямъ противника, ищущаго отвратить молящихся отъ вѣнца за ихъ подвигъ. Проходивши нѣсколько лишняго времени по лѣсу, она всегда наконецъ находила свою стезю и, не смущаясь, поручала себя десницѣ Божіей, въ упованіи никогда не быть оставленною въ посмѣяніе врагу. Даже самымъ хищнымъ звѣрямъ и птицамъ повелѣно было служить молитвенницѣ. Однажды, уклонившись въ сторону отъ тропинки, она забыла на куствѣ повѣшенный мѣшецъ съ святыми мошами, и потомъ никакъ не могла отыскать его, и не находила того куста. Въ самомъ сильномъ безпокойствѣ возвратилась она въ обитель и тотчасъ сообщила о своемъ горѣ Елпидифорѣ. Та, со свойственною ей твердостью упованія, умоляла ее успокоиться и предложила тогда же проводить ее обратно въ

пустыню, въ надеждѣ на милость Божію, не оставляющую вѣрующихся. Едва вышли они изъ обители, какъ надъ ними взвилась стая галокъ, летѣла съ крикомъ впереди ихъ, почти надъ ихъ головами.

Должно замѣтить, кстатѣ, что Евпраксія имѣла обычай кормить ихъ въ монастырѣ, выходя на крыльцо келліи и склика ихъ: «Галки, галки!» и птицы спѣшили принять пищу изъ ея рукъ. Елпидифора съ утрашеніемъ замѣтила опечаленной Евпраксіи о странной суматохѣ и погонѣ за ними галокъ, протянувшихся до самого Абрамовскаго лѣса. Они научаду последовали за воздушными вожаками, которые наконецъ опустились и разселись по ветвямъ одного большаго куста, продолжая каркать съ усиліемъ. Елпидифора, по предчувствію, устремила къ кусту и между зеленою на веткѣ обрѣла потерянное сокровище, а галки снова взвились и отлетѣли отъ нихъ. Обѣ старницы съ умиленіемъ прославили Бога, творящаго чудеса и пекущагося о твари: но съ того времени Евпраксія не носила уже съ собою святыхъ мошей.

Неоднократно поселене выдали подвижницу невредимою посреди лѣсныхъ звѣрей, обитавшихъ тогда въ густой чащѣ Абрамовскаго лѣса и часто выбѣгавшихъ на дорогу. Дворовой человѣкъ сосѣдняго помѣщика, идя вечеромъ съ охоты, увидѣлъ выходящую изъ лѣса Евпраксію, окруженную дикими волками, которые бѣжали за нею какъ смиренные собаки. Удивляясь необычному зрѣлищу, онъ усомнился и помыслилъ, что это не просто такъ — вѣрно, она колдунья. Звѣри, какъ смѣшленные, бросились на него, грозя ему своей свирепостью за хулу невѣрія, но дивная старица начала кричать на нихъ и скликать ихъ къ себѣ, такъ же какъ галокъ: «Волки! волки! прочь, прочь!» И человѣкъ убѣжалъ невредимый. На слѣдующую утрено онъ явился въ церковь и послѣ службы, подошедши къ ея мѣсту, уявъ ей въ ноги, просилъ прощенія въ хулѣ своей на нее и гласно благодарить ее за избавленіе отъ волковъ. Такъ достоверно извѣстно, что Богъ покорялъ безсловесныхъ подъ ноги строгой исполнительницы Его велѣній.

Любовь свою къ Нему она являла въ заповѣдяхъ, исполняя по возможности самымъ дѣломъ слова Писанія: вѣру обнаруживала дѣлами, надѣждою окрылялась въ подвигахъ, въ терпѣніи стяжала душу свою и всегда была покрыта особымъ призьреніемъ Господнимъ во всехъ трудахъ и тѣснотахъ своихъ; любила благолѣпіе дома Господня и усердно пеклась о постоянномъ его украшеніи, за что, какъ писано въ началѣ ея жизни, часто принимала отъ неразумія и нетерпѣнія подчиненныхъ много поношеній за свою расточительность на освѣщеніе храма. Однажды при наступленіи праздника Елпидифора, бывшая въ то время при

Преподобные Сергій и Германъ Валаамскіе, покровители всяя Ладogi.

свѣчахъ, замѣтила ей о недостаткѣ большихъ свѣчей къ мѣстнымъ иконамъ, и просила не зажигать уже ихъ до праздника. Но Евпраксія никакъ не соглашалась измѣнить своего обычая — вселенно зажигать ихъ предъ образами, а по воскреснымъ днямъ освѣщать и люстру. Епидифора должна была повиноваться, почти негодуя на мать свою. Но наканунѣ праздника, въ повечеріе, подошла къ свѣчному ящику незнакомый крестьянинъ и съ поклономъ вручилъ ей сорокъ рублей, именно на большія свѣчи къ мѣстнымъ иконамъ и на освѣщеніе люстры, приговоривъ, что онъ слышалъ, что почтенная матушка любить всегда освѣщать свой храмъ, почему желаетъ усредствовать ей своимъ приношеніемъ.

16. ПОМОЩЬ ВАЛААМСКИХЪ ПРЕПОДОБНЫХЪ СЕРГІЯ И ГЕРМАНА

Игуменя Евпраксія понесла неимовѣрные труды при постройкѣ колокольни. Она сама ѣздила въ Петербургъ за колоколомъ и оттуда везла его сама, слѣдуя въ повозкѣ, въ медвѣжьей шубѣ за подводой, на которой онъ былъ поставленъ. Тогда была суровая зима съ сильными метелями. На половинѣ дороги, ночью застигла путешественницу жестокая вьюга съ лютымъ морозомъ и рѣзкимъ вѣтромъ, въ такой силѣ, что ямщики сбились съ пути, лошади погрузились въ глыбы снѣга и стали. Отъ темноты и хлопьевъ снѣга не видно было человека въ двухъ шагахъ. Недалекъ

мелькали огни въ селеніи и слышался лай собакъ. Ямщики предложили старицѣ выпрячь лошадей изъ-подъ подводы съ колоколомъ и ими вытануть ее повозку, съ тѣмъ чтобы добраться до селенія и переночевать, а подводю оставить на дорогѣ до разсвѣта, потому что холоды одолѣвать ихъ. Но Евпраксія никакъ не соглашалась оставить колоколь и, съ самоотверженіемъ вѣтряя себя волѣ Божіей, осталась одна въ повозкѣ, а переязбшихъ людей съ лошадьми отослала отъ себя и, укрывшись съ головой медвѣжьей шубой, пріютилась внутри повозки. Вѣроятно, духъ ея бодрствовалъ въ молитвѣхъ надъ немощною плотью, отовсюду проникнутой холодомъ. Мало этого, забота о колоколѣ часто побуждала ее раскрываться и всматриваться впередъ повозки. Среди лютяи ночи она почувствовала вокругъ себя какое-то вѣяніе теплаго воздуха: открылась — и увидѣла чудный свѣтъ, окружавшій ее повозку. Укрѣпленная теплотою, выглянула она и узрѣла трехъ благолѣпныхъ старцевъ, прикинувшихъ къ ней съ видомъ братскаго участія. Евпраксія признала въ нихъ святыхъ и Богоносныхъ отцевъ нашихъ: Александра Свирскаго, Сергія и Германа, Валаамскихъ Чудотворцевъ, какъ сама сообщила потомъ Епидифорѣ. Когда по утру ямщики вернулись, они уже не чаяли застать Евпраксію въ живыхъ, боясь, что она замерзла. Каково же было ихъ удивленіе, когда они обнаружили ее въ здравіи и благополучіи, согрѣтой, и

при этомъ даже снѣгъ вокругъ повозки очевидно подтаивалъ. Продолжая благополучно путь свой, спустилась она на Волховъ, вышла изъ повозки, стала на подводу за колоколомъ и, такимъ образомъ достигнувъ самой обители, съ торжествомъ ввезла его во врата монастыря. Потомъ, при водруженіи креста на новой колокольнѣ, Евпраксія приказала поднимать себя на блокахъ, нарочно для того устроенныхъ изъ толстыхъ веревокъ, и восходила наверхъ, держа обѣими руками тяжелый крестъ. Вися такимъ образомъ будто на воздухъ, мужественная жена водрузила его своими руками на небольшомъ куполѣ, покрывавшемъ два яруса колокольни.

17. ЧУДЕСА ПО МОЛИТВАМЪ СТАРИЦЪ

Заключимъ наше повѣствованіе о маститой старицѣ еще двумя-тремя свидѣльствами, какъ о святости ея жителства, такъ и объ особенной силѣ Божіей, освятившей самое мѣсто ея пустынного молитвеннаго подвига. Еще въ первая годы своего вступленія въ Успенскую обитель, Елпидифора занемогла горячкою, которая послѣ выпущенія рожками крови обратилась въ странную сливную опухоль по всѣму ея тѣлу отъ головы до ногъ. Страждущая лежала безъ всякаго движенія съ затекшими совсѣмъ глазами, до лишенія свѣта. Душа ея изнывала отъ опасенія остаться слѣпою, или живымъ трупомъ. Въ сильной горести сердца обратилась она внутреннею молитвою къ Матери Божіей и, заснувъ отъ изнеможенія, увидѣла себя на берегу Волхова за своимъ монастыремъ. Вдругъ представилась ей несущаяся на воздухъ вдоль рѣки чудотворная икона Тихвинской Божіей Матери, по направленію къ востоку. Елпидифора пала на колѣни и возопила къ святому образу: «Помилуй меня, Мати Божія, помилуй меня!» — и услышала гласъ отъ иконы: «Помилую, когда схожу на Абрамовичину».

Пробудившись, она сообщила свое видѣніе матери, тогда только что возвратившейся отъ своего богомольнаго путешествія въ пустыню, и просила ее на другой день принести ей воды изъ тамошняго колодца. Евпраксія обѣщала завтра исполнить его просьбу и поспѣшила уйти къ себѣ. Но въ тотъ же любвеобильная труженица, въ позднее время и уставшая съ пути, немедленно отправилась обратно въ пустыню, сама съ молитвою почерпнула ведро воды изъ своего колодца и принесла его къ болѣющей; потомъ сама поставила самоваръ изъ той воды и обмыла ею лицо и все тѣло своей умиленной до слезъ споспѣшницы, нисколько не отдохнувъ послѣ сугубого утомленія. Матерь Божія дѣйствительно не уклоняла помиловать Елпидифору, ради вѣры ея и смиреннаго труда своей служительницы: опухоль спала съ лица и всего тѣла страждущей, подобно слупившейся чешуѣ, — и она прозрѣла!

Подобное же чудо исцѣленія уже по кончинѣ достоуважаемой игуменни, совершилось надъ двумя болящими. Одна дѣвица въ Шлиссельбургѣ впала въ долговременную болѣзнь, доведшую ее до конечнаго разслабленія. Ей привидѣлся во снѣ пустыня Абрамовская съ часовенкой, съ крестомъ на сосновомъ суку и съ колодцемъ у подошвы пригорка, ясно

Надпись на надгробіи: "На семь мѣстъ лежить тѣло ИГУМЕННИ ЕВПРАКСІИ. Достоуважаемая подвижница наша Матушка скончалась 22-го Сентября 1823 года". Въ совѣтское время кладбище на территоріи монастыря было уничтожено (послѣдніе его остатки исчезли въ 60-хъ годахъ, при реставраціи Успенской церкви). Теперь недалеко отъ алтаря Успенской церкви установлены въ рядъ нѣсколько надгробій, которые удалось найти среди мусора. Надгробія игуменъ Евпраксіи среди нихъ нѣтъ, ея могила утеряна. Въ память о Евпраксіи установленъ большой крестъ въ одномъ ряду съ найденными надгробіями. Фотографія С. М. Прокудина-Горскаго. 1909 г.

привидѣлась, так, какъ будто она и дѣйствительно знала это мѣстоположеніе. Разказывая сонъ свой пощадавшимъ ее странникамъ, она осязательно въ нихъ о существованіи Абрамовщины и пожелала ѣхать туда на исцѣленіе. Родные исполнили желаніе болящей, и она совершенно исцѣлилась, омывшись водою изъ освященнаго колодца и, отслуживъ панихиду по приснопамятной Евпраксіи, съ поклонами прославляющему ея кресту.

Другая малолѣтняя дѣвочка въ деревнѣ, разслабленная, въ выздоровленіи которой родители отчаялись, видѣла во снѣ пришедшую къ ней благообразную старцу небольшого роста и тонкаго тѣлосложенія, въ шапочкѣ, въ мантии и съ жѣзломъ въ рукахъ. Старица велѣла ей свести себя на Абрамовщину, обмыться водою изъ колодца и отслужить молебнѣ кресту и панихиду по игуменіи Евпраксіи, и тогда общала ей совершенное выздоровленіе, котораго она точно и сподобилась, по усердномъ исполненіи таинственнаго повелѣнія являвшейся.

18. КЪ ПРОСЛАВЛЕНІЮ

Какъ извѣстно, для канонизаціи въ ликѣ преподобныхъ обычно разматривается наличие трехъ факторовъ: благочестивая Богоугодная жизнь, чудеса при жизни и по кончинѣ и народное почитаніе. Въ случаѣ со Схиігуменіи Евпраксіей, какъ мы видимъ, все это представлено въ полной мѣрѣ. Но, къ сожалѣнію, все это было до революціи и живыхъ свидѣтелей не осталось. Ея надгробіе стерто съ лица земли и, если и происходятъ чудеса по ея молитвамъ въ наши дни, далеко не всегда можно отождествить, отъ кого пришла молитвенная помощь. Одного не отрицаемъ — благочестиваго житія. Но, впрочемъ, далеко не всегда забвеніе мѣстныхъ жителями является признакомъ полного забвенія. Въ календаряхъ Русской Православной Церкви Заграницей имя Схиігуменіи Евпраксіи отмѣчено наравнѣ съ именами святыхъ, празднуемыхъ Церковью въ день ея кончины (23-го Сентября ст. ст. — 6-го Ноября н. ст.). Несмотря на отсутствіе акта о канонизаціи, уже на основаніи этого мы можемъ сдѣлать заключеніе, что въ Зарубежной Церкви Схиігуменью Евпраксію Староладожскую почитаютъ въ числѣ преподобныхъ женъ.

Въ случаѣ ея прославленія въ нашей Церкви, неизбѣжно встанетъ вопросъ о святыхъ мощахъ. Какъ мы знаемъ изъ жизнеописанія, Евпраксія была погребена за окномъ главнаго алтаря Успенской церкви и покрыта плитой, на которой изсѣчена надпись собственной ея рукою незадолго до кончины. До нашихъ дней дошла цѣлѣнная фотографія ея могилы, выполненная въ 1909 г. С. М. Прокудинымъ-Горскимъ, она хранится въ Библиотекѣ Конгресса США. По ней мѣсто погребенія Схиігуменіи Евпраксіи можетъ быть установлено съ большою точностью. Такъ же до нашихъ дней не дошло ни одного изобра-

женія Евпраксіи. Но это не значитъ, что такіе изображенія не было. На представленной фотографіи видно, что въ особой нишѣ на крестѣ среди цвѣтовъ присутствуетъ нѣкое изображеніе въ монашескомъ облаченіи. Возможно, это икона Прп. Евпраксіи — покровительницы Схиігуменіи Евпраксіи, которой она была тезоименита. Но, возможно, что это было изображеніе самой Схиігуменіи Евпраксіи.

Уровень грунта вокругъ храма при реставраціи былъ опущенъ почти на метръ. При этомъ были уничтожены все оставшіяся надгробія и даже сами захороненія, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ. Но все же есть шансъ, что Евпраксія была погребена на глубину болѣе 1-го метра. Въ этомъ случаѣ ея гробъ еще можно обнаружить. Показать или опровергнуть эту гипотезу могутъ только раскопки на мѣстѣ погребенія. Въ этомъ случаѣ руководящимъ указаніемъ на то, что это именно гробъ Евпраксіи, можетъ послужить схимническое облаченіе, которое, какъ мы знаемъ, монахиня Елпидифора тайно подложила подъ честное ея тѣло въ гробъ передъ погребеніемъ, при условіи, конечно, что эта схема не истлѣла.

Но въ любомъ случаѣ, будутъ ли обрѣтены честныя останки или нѣтъ, Схиігуменія Евпраксія — одна изъ величайшихъ духоносныхъ подвижницъ благочестія XVIII—XIX вѣковъ, достойная прославленія въ ликѣ преподобныхъ женъ Русской Православной Церкви. Намъ надлежитъ прославлять тѣхъ, кого прославилъ Богъ, а Богъ прославлялъ ее какъ при жизни, такъ и по кончинѣ.

Источники

1. Странникъ. 1860, Мартъ.
2. Шахова Е. Н. *Жизнь Схиігуменіи Евпраксіи*. СПб., 1862.
3. *Историко-Статистическія свѣденія о Санкт-Петербургской епархіи*, СПб 1871, Вып. 2, изд. Санкт-Петербургскаго епархіальнаго историко-статистическаго комитета.
4. *Жизнь Евпраксіи, Игуменіи Старо-Ладожскаго Успенскаго монастыря*. Въ кн. Евгеній Поселянинъ. Русскіе подвижники 19-го вѣка.
5. Корольковъ Н. Ф. *Старо-Ладожскій Успенскій женскій монастырь*. СПб., 1902., С. 18—32
6. Шахова Е. Н., Корольковъ Н. Ф. *Жизнь Схиігуменіи Евпраксіи, настоятельницы Старо-Ладожскаго Успенскаго монастыря*. СПб., 1910, С. 18—32.
7. Никодимъ (Кононовъ), архим. *Жизнеописанія отечественныхъ подвижниковъ благочестія 18 и 19 вѣковъ*. Сентябрь. С. 247—249, 251.
8. Монахиня Таисія. *Русское Православное женское монашество XVIII—XX вв.* Изд. Свято-Троицкой Сергіевой Лавры, 1992. С. 33-34.
9. Очерки исторіи Санкт-Петербургской епархіи. СПб, 1994. С. 18—32.
10. *СПб Епархіальныя Вѣдомости*. № 35-6. 2008.

Письма Паломнику

1. РИСУНКИ О. ЛЕОНТИЯ

Мы думали, что закончили печатать материалы о Владыке Леонтии. Но тут появились в нашем распоряжении рисунки, сделанные Игуменом Леонтием в заключении, — новые штрихи к его биографии.

В 1932 году О. Леонтий был возведен в сан игумена. В этом же году на него было заведено следственное дело КО ГПУ УССР. Поводом для этого, возможно, послужила связь с О. Ергоменом и повздка в Харьков за разрешением посетить его в лагерь. Постановление на арест датировано 29-м Апреля 1932 г. Обвинялся он по ст. 54-11 УК УССР. Пробыл в тюрьме под следствием четыре месяца. В связи с отсутствием доказательств, представленной справкой о заболевании туберкулезом и наличии сирот — сестры Антонины 12-ти лет, которая доучала отдлу ГПУ, и брата 16-ти лет, оставшихся без средств к существованию, 22-го Августа из-под стражи освобожден.

Однако 13-го Марта 1933 г. вторично арестован секретно-политическим отделением Киевского облотдела ГПУ УССР в составе большой группы лаврских монахов. Он обвинялся по статьям 54-10 и 54-11 УК УССР. Проходил по делу «Любимов М. Н., Абашидзе и др.». Постановлением Особого следственного совещания при коллегии ГПУ УССР от 22-го Июля 1933 г. осужден на три года ссылки в Сѣвкрай (условно) и отправлен на работу в каменоломни г. Коростѣя. Через некоторое время прибывшая комиссия военных врачей, увидев опухшего, с гнойниками и обезиленного О. Леонтия, признала его совершенно неспособным к физическому труду и освободила. Он переѣхал в Житомир, где у Епископа Вячеслава (Шурко), бывшего лаврского инокa, нашел приют и лечение.

Удивительно, что каким-то чудом сохранились его рисунки от времени заключения в Коростѣе. Предлагаем их вниманию наших читателей. Оригиналы хранятся в Центральном государственном архиве общественных объединений Украины, ф. 263, оп.1, ед. хр. 17220 и 62199.

Город Коростѣе — уникальный, это древняя столица древлянского края, сам Киев платил когда-то дань древ-

Каменоломни в Коростѣе.

Рисунки О. Леонтия 1933 года.

Церковь Святой Ольги въ Коростенѣ и памятникъ ей. Современныя фотографіи.

лянамъ Коростѣня. Въ годы пребыванія О. Леонтія въ Коростѣнѣ тамъ еще сохранилось древнее городище Скеля, по сосѣдству съ которымъ, по-видимому, были устроены каменоломни. Все здѣсь проникнуто духомъ Святой Руси. На вершинѣ гранитной горы, опершись о мечъ, о чемъ-то задумался древлянской Князь Маль. А у воды на берегу уединилась княгиня Ольга. У этихъ двухъ персонажей своей эпохи были весьма непростые отношенія.

Рядомъ съ паркомъ вы увидите памятникъ Божіей Матери — жители избрали ее своей покровительницей — и церковь княгини Ольги, одной изъ основоположницъ христіанства на Руси, которая сожгла Коростѣнъ, а потомъ, покаявшись, построила здѣсь одинъ изъ первыхъ храмовъ на землѣ древлянъ.

Редакція "Русскаго Паломника".

2. ОБРАЗЪ ЦАРЯ —

ОТВѢТЪ О. АНДРЕЮ РУДЕНКО

Съ особымъ чувствомъ я прочитала Вашу статью о Царственныхъ мученикахъ и ихъ Голгоѣ и еще большимъ почитаніемъ прониклась къ нимъ. Я хотѣла подѣлиться мыслями, которыя возникали у меня при чтеніи.

Вообще, я думаю, что это очень благое дѣло: просвѣщать свѣденіями о нихъ — я сама пришла отъ своеобразнаго скепсиса и какого-то недоверія къ ихъ святости не просто къ полному принятію ихъ, но къ почитанію ихъ. И все это произошло благодаря чтенію соответствующихъ свѣденій и степенію обстоятельности.

Великая Княгиня Елизавета Феодоровна послужила проводникомъ для меня. Когда моя сестра хотѣла крестить свою дочь Елизавету, священникъ сказалъ, что надо выбрать святую покровительницу и

посоветовать: «Выберете Новомученицу Елизавету. Она сейчасъ очень популярна». Признаться честно, такой подходъ меня разочаровалъ аргументомъ выбора святой покровительницы, да и показалась нѣкоторая небрежность, а я чувствовала особое благоговѣніе къ таинству крещенія — Лизонька становилась мнѣ крестной дочерью, я ей — крестной матерью и эта духовная связь была для меня безцѣнна. И хотя я первоначально думала о Елизаветѣ — матери Іоанна Крестителя, мнѣ не хотѣлось идти противъ словъ священника.

Я стала читать про Св. Новомученицу Елизавету, и тихо-тихо образъ ея сталъ вырисовываться предо мной. Когда я увидѣла ея фотографіи и свѣтскія и монашескія, я была поражена — это дѣйствительно былъ образъ чистоты, милосердія, истинной христіанской любви.

Тогда я стала больше узнавать и о Царѣ и его семьѣ — мнѣ видѣлось, что въ ихъ образахъ сочетаются достоинство и скромность, честь и смиреніе, благородство и простота — какъ на мой взглядъ это и должно быть въ любомъ человѣкѣ.

«СВЯТАЯ СЕДМЕРИЦА»

Конечно, я знаю, что нельзя судить по внѣшности. Но внѣшній обликъ — онъ не остается не затронутъ внутреннимъ состояніемъ души, а ихъ образы и обликъ мнѣ показались надѣленными духовной красотой. Въ каждой изъ Царскихъ особъ видна индивидуальность и вмѣстѣ съ тѣмъ во всѣхъ нихъ — необъяснимое единство, цѣлостность, нераздѣльность. Императрица и ея дочери мнѣ показались несравнимыми съ теперешними стандартными «красавицами», въ которыхъ нарочитые искаженія выдаются за красоту. Поэтому я не люблю современность

сь ея «индустрией», «технологиями», «стандартами», «модой» — этим стадным чувством, этим «прокрустовым ложемъ» — все это оставляет уродливый отпечаток на лицѣ и на всемъ обликѣ чловѣка. Но, къ слову хотѣла бы сказать, что я думаю, что даже въ наше безбожное время все-таки можно вырасти святымъ.

Какъ-то я прочитала о томъ, какъ Царица растила дѣтей своихъ: она ихъ учила помогать людямъ и не бояться работы, но воть отъ зла, отъ неблагоприятного воздѣйствія она ихъ уберегала и, на сколько я поняла, не со всеми позволяла имъ общаться.

Еще что хочу сказать про царственные образы (будь то фотографии, или словесные портреты ихъ, или ихъ жизнеописаніе), — это то, что въ дѣтхъ видно уваженіе къ родителямъ — дѣти, достойные своихъ родителей, родители, достойные своихъ дѣтей. И никто никого не оставил и, какъ всѣ вмѣстѣ они жили, такъ и всѣ вмѣстѣ отдали жизнь свою за Бога.

Я все думаю, вѣдь это образованнѣйшіе люди, аристократія. Были обучены искусствамъ, наукамъ, политикѣ, владѣли множествомъ языковъ. Но пусть даже люди современности обучатся столькому же — всё будетъ не то, пока нѣтъ главного — такого же внутреннего содержания, духовности, культуры. Мнѣ даже кажется, невозможно ставить фильмы про царя, про то время, т. к., чтобы передать образъ, напримѣръ, самого царя, нужно обладать такой же духовностью, культурой, а этого у людей сейчасъ днемъ съ огнемъ не сыщешь. И это ничѣмъ не замѣнишь. Это свѣтъ, и если свѣта нѣтъ въ душѣ, то ее неизбежно заполнить тьма.

КРЕСТЫ И БАШНИ

Да, я тоже думаю, что Крестъ въ Россіи замѣнили башнями, и не только ГУЛаговъ, но и духовными Вавилонскими башнями. Какъ только чловѣкъ хочетъ обратить голову ко Кресту, къ свѣтлымъ образамъ, такъ сразу же ловкая рука предложить свой черный образъ, который встанетъ между Богомъ и чловѣкомъ, чтобы только усыпить сознание послѣднего, и чтобы онъ полюбилъ гадость и мракъ и считалъ это радостью и свѣтомъ. Вдобавокъ — такое обиліе техники, и постоянное общеніе съ ней, и зависимость отъ нее, а еще и использование ее для растленія — все это призвано отчуждать чловѣка отъ Бога, лишать его мира, гармоніи и красоты.

Я всегда думала, что не можетъ быть счастлива страна, построенная на крови, на пыткахъ, на убійствѣ. И я очень понимаю и принимаю близко къ сердцу слова Св. Иоанна Шанхайскаго, упомянутые въ Вашей статьѣ: «Кровь его на насъ и на чадахъ нашихъ».

Мнѣ скажутъ, «какъ ты можешь считать что-то, ты Царя совершенно не знаешь — онъ умеръ за 60 лѣтъ до твоего рожденія, жить въ другую эпоху, ты не имѣешь никакого представленія о его мысляхъ и помыслахъ, о его сердцѣ, душѣ, и дѣлаешь свои выводы?! А сколько людей страдало отъ царской власти. Да и написать могли о Царѣ что угодно привлекательного, и нѣтъ сейчасъ въ живыхъ ни одного свидѣтеля этому». Но если такъ, я возражаю, вѣдь что угодно могли написать и убійцы Царя. А когда я слышу, что о святости Царя и необходимости его почитать говорить такіе святыи, какъ Св. Прав. Иоаннъ Кронштадтскій и Владыка Св. Иоаннъ Шанхайскій, то я полностью имъ доверяю. Въ то же время, меня разочаровываетъ слышать, что «почитать Царя — это популярно сейчасъ», или такое выраженіе какъ «культъ почитанія Царя» — они несутъ въ себѣ небрежность и неблагоговѣніе и совершенно исключаютъ осмысленное почитаніе, и сродняются язычеству. Еще почему я почитаю Царя и его семью — меня очень трогаетъ ихъ подвигъ.

Еще, я размышляю, Царь Николай быть Божій помазанникъ и всѣ вопросы государства онъ рѣшалъ, обращаясь за помощью къ Богу. А сейчасъ — всѣ властители, правители говорятъ-говорятъ, собираютъ собранія, рѣшаютъ что-то, и никто не обращается къ Богу за руководствомъ.

Мыслими я постоянно ухожу въ прошлые времена. Мнѣ говорятъ, что я отсталый, устарѣвшій чловѣкъ, что нужно хотя бы идти въ ногу со временемъ, если ужъ я не могу, какъ нѣкоторые прогрессивные люди, идти впереди своего времени — это, какъ говоритъ мнѣ, помогаетъ остаться молодымъ. Но, позвольте, возражаю я, вѣдь если движеніе жизни отъ молодости къ старости, то забывать впередъ — это значитъ быстро состариться, а смотреть назадъ (то есть стремиться къ корнямъ своимъ) — это значитъ оставаться молодымъ, если хотите такъ это назвать. Потомъ, всѣ это движеніе впередъ только отсекаетъ чловѣка отъ его корней — а это уже смерть. Мои мысли въ прошломъ и вспоминаютъ его, хотя я не жила въ прошломъ времени, бывшемъ до моего

Царская семья. Фотографія 1904 года.

рождения, но образъ его (т. е. времени) выра-
совывается въ моемъ сознани и въ душѣ благодаря,
въ частности, подвину мучениковъ Божьихъ. Потому
что это всё — Богъ и невозможно ни затмить Бога, ни
убить Его, и Онъ, на мой взглядъ, изъ глубины бес-
конечности освящаетъ намъ все Духомъ Своимъ —
Своимъ Свѣтомъ. Я думаю, если будемъ смотрѣть въ
ту сторону, куда прогрессъ идетъ, куда время течетъ,
то значить окажемся спиной къ этому Свѣту, и не
увидимъ корней освѣщенныхъ. Поэтому, мнѣ кажет-
ся, надо стоять лицомъ къ Богу съ чистымъ сердцемъ,
какъ, на мой взглядъ, это дѣлали Царь и его семья, и
не затмимъ собою Свѣтъ Его и правду Его.

Меня не только Ваша статья затронула, но и
Ваши стихи, посвященные Царю, вдохновили, и въ
сердцѣ моемъ тоже возникъ поэтической образъ.
Мнѣ хотѣлось поддѣлиться съ Вами.

ОБРАЗЪ ЦАРЯ

Онъ смотритъ съ фотографіи не осуждая,
Напротивъ, утѣшьемъ полною взглядъ его:
Россія Царь — онъ предъ престоломъ Царя Рая
И умоляетъ Бога за страну его.

Онъ говорить Царю: «Прости, Великій Боже,
Имъ, кто стрѣлялъ въ меня, въ жену, въ моихъ дѣтей!
Главу ихъ подними, и ихъ не уничтожи,
Они внизу всё ходять по землѣ Твоей!»

Сподоби ихъ отъ мрака злого пробудиться,
Проей глазами ихъ свѣтъ на истину Твою,
Сподоби ихъ ко мнѣ съ молитвой обратиться,
И я Тебѣ всё ихъ молитвы пролю!»

Родитель истинный лица не отвращаетъ
Отъ сына, сбитаго на скверную стезю,
И если чадо въ его сердцѣ ножъ вонзаетъ,
Онъ молвитъ: «Сынъ, я и въ сей часъ тебя люблю!»

Не можемъ мы творить безъ Бога ничего,
Царь это зналъ, безропотно свой крестъ неся,
И всё зывалъ съ Голговы: «О спаси ихъ, Боже!
Видъ въ души ихъ Ты образъ Свой вдохнулъ, любя!»

И отъ любви способно пробудиться сердце
И съ сокрушеніемъ забиться можетъ вновь...
Любить онъ насъ — виновниковъ кровавой смерти,
Тѣмъ покаяніе вливая въ нашу кровь.

И вотъ сейчасъ, на свѣтлый ликъ его взирая,
И предъ его иконой чудною стою,
И со слезами умоляю Николая:
«Прости! Молись за душу грѣшную мою!»

Еще разъ хотѣла поблагодарить Васъ за статью.
Пожалуйста, если Вы съ чѣмъ-то не согласны, или
Вы видите мои заблужденія или что-то еще, то, и
очень прошу, исправьте меня. Мнѣ очень важно
будетъ Ваше мнѣніе и совѣтъ для исправленія моей
души.

Молящаяся за Васъ, *Галина*.
St Paul, MINNESOTA

3. О. ГЕРАСИМЪ КАЛУЖСКІЙ

Отрадно видѣть, что въ недавно созданный
храмъ въ честь Старцевъ Оптинскихъ потянулись
мѣстные жители, а также изъ ближайшихъ сель,
города Калуги и даже другихъ городовъ. Для храма
мы привезли много иконъ, лампадки. Мѣстные
жители недавно передали въ храмъ иконы, при-
надлежавшія обители «Отрада и Утѣшеніе». Была
подарена большая икона Богоявленія, десятки лѣтъ
хранившаяся въ домѣ пожилой женщины. Совер-
шаются чудеса отъ иконы «Нечаянная Радость»,
переданной въ храмъ, ее помѣстили въ киотъ. Во
время бесѣды за чайнымъ столомъ въ большемъ
домѣ, переданномъ храму въ длительную аренду, я
предоставилъ О. Андрѣю материалы о Старцѣ Ге-
расимѣ Калужскомъ (Гавриловѣ), опубликованные въ
разныхъ изданіяхъ, и выдержки изъ писемъ О. Ге-
расима Шмальца къ М. З. Винокуровъ, гдѣ упо-
минается Старецъ Герасимъ Калужскій (1918). Эти
материалы будутъ переданы Митроп. Калужскому и
Боровскому Клименту для изученія. Старецъ
Герасимъ, духовникъ обители «Отрада», помимо
Сергіевского скита построилъ скитъ въ честь Ивер-
ской иконы Божіей Матери и возстановилъ Мел-
хиседековъ скитъ на рѣкѣ Песочнѣ. Сейчасъ здѣсь
находится небольшой городъ, именуемый Кировъ.
Въ этомъ скиту окончилъ свой жизненный путь сынъ
Вѣры Тимоѣевны Верховцевой, Всеволодъ, ставшій
инокомъ. Св. Праведный Іоаннъ Кронштадтскій,
молвишійся о тяжело болящей В. Т. Верховцевой,
отказался молиться о ея сынѣ-атеиѣ Всеволодѣ,
предоставивъ эту возможность Старцу Герасиму и
Матушкѣ Софій. И здѣсь, въ обители «Отрада»
началось исцѣленіе Всеволода.

И еще радостная новость. Игумена Кіевского
Покровскаго монастыря Каллистеяна передала въ
Дугну ковчежечъ со св. мощами Матушки Софій. Въ
20-хъ числахъ сего мѣсяца ковчежечъ будетъ до-
ставленъ въ Дугну. Тогда будетъ совершенъ крестный
ходъ со св. мощами къ обители «Отрада». Намѣчаемъ
побѣдку въ Дугну для встрѣчи св. мощей Матушки
Софій. У насъ сложились хорошіе доверительные
отношенія съ О. Андрѣемъ, служанимъ въ Дугнѣ. О.
Андрѣй молить и все свои силы отдаетъ служенію
Богу и ближнимъ. Съ Божіей помощью такой
пастырь возстановитъ св. обитель. Съ уваженіемъ,

Владиміръ Сухопаровъ и помощники.
Дугна, РОССІЯ

АФОНСКИЙ ПАТЕРИКЪ

СТАРЕЦЪ НИКОДИМЪ КАРУЛЬСКИЙ

МОЛИТВЕННЫЙ ДНЕВНИКЪ

Продолженіе, начало въ № 51.

Память 15-го Февраля (†1984 г.)

Революція 1917 года застала О. Никодима старшим унтеръ-офицеромъ въ военныххъ дѣйствіяхъ къ концу Первой мировой войны въ Македоніи на Южномъ фронтѣ, гдѣ онъ, между прочимъ, былъ трижды раненъ. Не желая жить болѣе въ Россіи, свергшей своего Царя, Помазанника Божія, по ночамъ тайнымъ образомъ пышкомъ въ теченіе шести сутокъ пришелъ онъ со своимъ другомъ-соратникомъ на Святую Гору. Еще въ міру онъ прочиталъ «Разказы странника», «Доброталюбіе» и другія книги, и имѣлъ намѣреніе серьезно заниматься молитвой. На Крумницѣ въ Скиту Новая Ѧваида онъ принялъ монашество съ именемъ Никаноръ и исполнялъ послушаніе въ огородѣ, а затѣмъ сталъ помощникомъ гостинника. Но на Крумницѣ упоръ дѣлалъ на трудѣ, а не на молитву. Было много виноградниковъ, выращивались маслины, и времени для занятія довольно скоро перешелъ въ соседній русскій скитъ Новая Ѧваида, гдѣ сталъ вести отшельнической образъ жизни. Нелегко было жить молодому монаху безъ руководителя. Такими руководителями вначалѣ стали для О. Никодима Прп. Силуанъ и О. Нифонтъ съ Иваници. Но общеніе съ ними было затруднено, особенно съ О. Силуаномъ, который жилъ въ Пантелеймоновомъ монастырѣ, и по совету послѣдняго О. Никодимъ перешелъ въ 1929 году на Каруль къ О. Ѧеодосію. Въ это время на Каруль жило 35 монаховъ, среди которыхъ было три иеромонаха. О. Никодимъ былъ ученикомъ О. Ѧеодосія до самой его кончины.

АРТА 14-го.

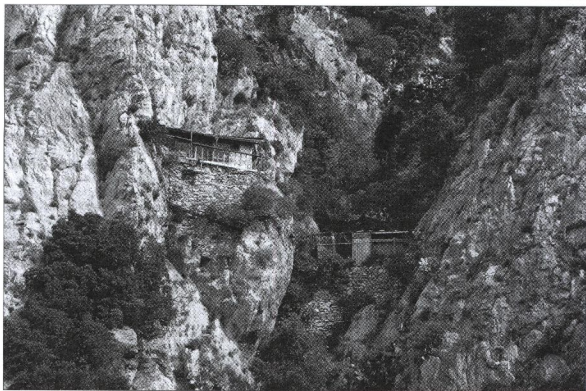
Совершать дѣлніе спокойно и причастился Святыхъ Христовыхъ Тайнъ, на душѣ миръ: «Се здравъ еси къ тому не согрѣшай». Богу нашему Слава во вѣки вѣковъ. Аминь.

15-го Марта. Воскресеніе

Дѣлніе прошло благополучно, окончивъ за часъ до литургіи сильно утомлен-

* Серію публикацій о русскиххъ исихастахъ въ Карули, и въ частности о Схим. Никодимѣ и его Старцѣ Ѧеодосіи см. въ журналѣ «РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ» № 23-24, 28, 30.

нымъ, рѣшилъ немного вздремнуть сидя и проспалъ два часа; на литургію идти уже поздно, я и смугился. Сталъ молиться за часъ, а помыслы смущенія лезуть и лезуть, а именно, какъ положено мною по благословенію духовника кромѣ причащенія въ постъ не ходить на литургіи, а въ смущеніи помыслы начали говорить, что нехорошо такъ и положимъ: какъ объ этомъ теперь подумаютъ братія... И вотъ въ такомъ смущеніи провелъ цѣлый часъ. На бѣлѣшесмъ добре сердцемъ, наконецъ, Богъ смилостивился, утѣшилъ благою мыслію: «Смущенія отъ смутяна, а Духъ Святыи не смущеніе, а миръ сердцу приноситъ, а если и обличаетъ, то кротко безъ смущенія и побуждастъ къ покаянію и силу дать каяться, а не какъ зтогъ, что въ уныніе повергасть и отъ молитвы отбиваетъ: плюнь на вес и терпи».

Русская Карула*. Современная фотография.

Послѣ этого стало легко и спокойно окончить часы; а положенное въ намѣреніи за литургіи въ праздники оставить, какъ благословлено духовникомъ. Дай, Господи, и впредь не забывать сего урока, — не принимать смутяна.

Къ сему послѣ нашелъ и выписочку о гнѣвѣ: «Когда есть смущение на душѣ, чего бы оно не касалось, не вѣрѣ душѣ въ ту пору: все вретъ, чего не говорить. Въ ту пору ее надоумливаетъ сатана, ужь, конечно, не во спасеніе; а она-то бѣдная изо

всѣхъ силъ вретъ». «Гнѣвъ мужа правды Божіей не содѣлываетъ» (Іак. 1,20). Божіе все мирно, тихо, сладостно и въ душе сію сладость оставляетъ и вокругъ разливаетъ ее обильно, несмотря на то, что иногда и браниться будетъ... (Епископъ Теофанъ. Письма о духовной жизни, с. 93)

16-го Марта. Побѣждался лѣнностію и сномъ, отъ этого опять смущался и унывалъ.

* Первые подвижники приходять въ Карули въ XVIII в., въ XIX в. здѣсь образовалось поселеніе, значительное число монаховъ составляли русскіе болѣе способные, чѣмъ греки, выдержать тяготы жизни въ этомъ суровомъ и изолированномъ отъ внѣшняго міра мѣстѣ. Небольшой кириаконъ былъ освященъ во имя вмч. Георгія. Съ конца XVIII до середины XIX в. Карули находились въ зависимости отъ Большаго скита св. Анны, порядокъ въ кириаконѣ поддерживалъ присылавшійся оттуда монахъ. 18-го Мая 1866 г. Великая Лавра предоставила Каруліямъ статусъ скита, первымъ дикеемъ былъ избранъ русскій монахъ Иннокентій († 1901), впоследствии подвизавшійся въ Андрѣевскомъ скиту. Онъ сдѣлалъ щедрые пожертвованія на существовавшіе келліи и на строительство 2-хъ новыхъ.

Въ началѣ XX в. въ Каруліяхъ жили 30 русскихъ монаховъ въ 11-ти келліяхъ, въ 1934 г. — 24 монаха въ 19-ти келліяхъ, въ 1940–41 гг. — 28 монаховъ въ 18-ти келліяхъ. Изъ русскихъ старцевъ извѣстны Схим. Феодосій, въ прошломъ преподаватель Казанской Духовной Академіи († 2-го Окт. 1937), Іером. Никонъ († 1961), бывший офицеръ Царской арміи, Схим. Никодимъ, тѣлохранитель Императора Николая II, пришедшій на Афонъ изъ Россіи пѣшкомъ и подвизавшійся здѣсь до своей кончины († 13-го Февр. 1984). Современный карульскій монахъ Харитонъ Лавріотъ, извѣстный авонскій фотографъ, по состоянию здоровья живущій въ Великой Лаврѣ, ухаживалъ за старцемъ Никодимомъ и сохранилъ многія карульскія святяни и тѣлоторыя рукописи. Въ 90-х гг. Карули стали мѣстомъ временнаго проживанія ряда русскихъ монаховъ, постриженныхъ въ Россіи, нынѣ они подвизаются въ др. мѣстахъ Св. Горы. Въ настоящее время здѣсь живутъ 4 монаха въ отдѣльныхъ келліяхъ.

17-25-го *Марта* Дневника не писал. Особенностей не было; все те же недуги: тягота на молитвѣ, истерѣніе и уныніе по временамъ было и умилеііе почти на каждомъ правилѣ. Поститься легко, Богъ помогаетъ за молитвы духовнаго отца. Много претруждался мысленно, оттого и уныніе нападало.

25-го *Марта: Благовѣщеніе Пресвятой Владычицы нашей Богородицы*

Бдніе началъ въ 1 часъ, предварительно отдохнувъ 3 часа. Молился на Вечерней молитвѣ разсыянно и вяло; оттого начало приходитъ смущеніе. А я забыть за прежніе вразумительные уроки, началъ усиливать вниманіе при помощи испытанныхъ тѣлесныхъ способовъ: напряженіе бодрости, углубленіе ума въ сердцѣ и яснѣйшаго призванія имени Господа Иисуса Христа и прислушиваніемъ къ тому, но все поминутно распадалось.

Были и мысли, дающія умилеііе кроткое, но тягота и томленіе духа, хотя и небольшое, а не оставяло до конца 2-хъ часовой молитвы. Трудно молиться чистой молитвой, что и говорить, но уныніе при этомъ неумѣтно.

Въ перерывѣ, почиталъ «Опыты Петра Буславскаго по Св. Исааку Сирину» о сугубомъ крестѣ, и о гдѣвѣ Божіемъ за дерзкое безвременное стремленіе на зрительную молитву и получилъ опять образумленіе: есть у меня втайнѣ лестное желаніе на льготную и высокую молитву, именно, чтобы легкую да высокую — чистую, безъ постороннихъ помысловъ. Вотъ это и есть причина тяготы моеи на молитвѣ. Какъ не достаточно прошелъ я еще дѣятельную жизнь. 1-ая ступень: исполненіемъ заповѣдей — послушаніемъ, борьбы со страстями, потому и не время мнѣ еще молиться съ отрадой, но эта самая тягота и есть пополненіе тѣхъ недостатковъ первой степени въ моемъ недоконченномъ послушаніи, потому и надо примириться со своимъ положеніемъ и смириться, а не переть чересчуръ понапрасну.

Причащался Св. Тайнъ Христовыхъ, день прошелъ мирно, отдыхалъ и услаждался словами Святыхъ проповѣдниковъ въ честь праздника Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы.

26-го *Марта*. Сильно одолевало уныніе весь день, а причины не знаю: томить душу, а не знаю почему, на молитву нѣтъ охоты и все кажется немилко. Но, Слава Богу, я съ помощію Божіею и упованіемъ на милость Его крѣпился и правила выполнялъ, утѣшая себя — это мнѣ лекарство отъ Милосерднаго Бога... Подъ вечеръ посетила благая мысль и разсыяла все уныніе, а именно: «Теперь время поклоненія Честному Кресту Христову, чѣмъ же мы

должны почитать Его, какъ не согласнымъ своимъ Крестомъ, зачѣмъ же ты тяготишься имъ, безпричинное уныніе — душевная скорбь есть Крестъ, прими его отъ Бога, какъ лекарство, совокупи его съ Крестомъ Христовымъ и съ любовью носи его: вотъ и благо». «Что воздастъ Господеви, яко воздаде намъ? Чашу спасенія (скорбь) приемемъ и имя Господне призовемъ». Слава Богу за все.

27-28-го *Марта*. Прошло спокойно, особенностей не было, въ свободное время отъ молитвеннаго правила занимался рукодѣліемъ — переписаніемъ и переписываніемъ.

29-го *Марта. Воскресеніе — 4-я недѣля Св. Іоанна Лествичника.*

День субботы весь провелъ въ рукодѣліи. Въ 10 часовъ пошелъ отдохнуть подъ бдніемъ до 12-ти, а проспалъ до 2-хъ часовъ ночи. Сталь на молитву съ чувствомъ недовольнымъ, но успокаивалъ себя тѣмъ: Слава Богу, что хорошо подкрѣпился. На молитву сталъ вялый, отъ пережеле въ тѣлѣ чувствуется немощь, въ умѣ тупость, въ сердцѣ нерасположеніе къ молитвѣ. Вижу себя въ цѣпляхъ дьявольскихъ; но по опыту знаю, что это скоро все пройдетъ, какъ начну усердно молиться. И началъ, ходя, чтобы размять себя, съ углубленіемъ въ сердцѣ призывать Имя Сладчайшее Господа Иисуса Христа, соединяя съ дыханіемъ, по своему обычаю, первую половину безмолвно, а вторую въ голосъ тихо, жалобно: держа въ сознаніи связанномъ себя, умоляя Бога развязать или дать терпѣніе нести на себѣ эти цѣпи. Отъ этой мысли пришло на минутку умилеііе, и я сталъ на стоятельную молитву, держа въ памяти все тѣ же цѣпи. Вижу, какъ сердце противится уму: сознаніемъ молюсь какъ можно усерднѣе, а въ сердцѣ чувствую недовольство на такое усердіе и даже чуть не бунтъ. Откуда это, вѣдь я хочу молиться усердно, почему же сердце не согласуется, а это знакъ, что въ сердцѣ сидитъ драконъ, древній губитель, по объясненію Прп. Симеона Новаго Богослова (Доброутолобѣ). Послѣ этого сталъ молиться усерднѣе, живѣе приносить сладчайшее и всеисильное живое Имя Господа Иисуса Христа, сводя путемъ дыханія въ то мѣсто, гдѣ это противное чувство, но слабая моя, хотя и усердная, молитва мало оказывала вліянія на этого дракона, вконцѣ надо смириться и терпѣть его, что подлѣяшь, никто не виновать, самъ довелъ себя до этого. И съ такими и подобными мыслями молился до конца правила. Много помогала такая молитва: порядочно умилеііа со слѣзами было отъ приходящихъ благихъ мыслей и упованія на Бога и живыя слова Господа Иисуса Христа.

Какъ это бываетъ, что молишься и произносишь такіе страшные слова, ихъ же сатана трепещетъ, но оны, несмотря на это, все такъ и сидитъ въ то время

въ сердцѣ? А это потому, что сердце-то на его сторону, съ нимъ слюбилось и не хочетъ отстать отъ него, ему (сердцу) противно, что умъ тревожитъ его: вотъ оно и вертится, нудись, чтобы избавиться отъ мучителя ума, посылая ему противныя мысли. Оно говоритъ, зачѣмъ сверхъ силы прешь, молись просто, безъ особаго усилія, а то въ прелесть впадешь; а то еще хуже, наводить на отчаяніе и невѣріе. Такъ отъ недовольства на молитву врагъ изъ сердца заодно съ нимъ посылаетъ уму всякіе злокозненные предлоги.

А что же умъ, совсѣмъ ли сталъ онъ на сторону добра и вооружился совершенною ненавистью противъ подлога сердца и на врага — діавола? Нѣтъ, и онъ раздвоень и малою частію остался на сторону добра, только слабымъ, слабымъ сознаниемъ и разсудкомъ, а прочими способностями весь на сторону зла: съ охотою увлекается на всякія льготы и усерднымъ любимиымъ своимъ занятіемъ, легкими приятными помыслами забиваетъ другую сторону — сознание: рѣдко отдается ему времечко...

Итакъ, умъ чуть-чуть въ добръ, сердце все во злѣ, тѣло — гнилая тряпка, ни на что, стремится совсѣмъ согнуть и обратиться въ прахъ. А душа погибаетъ въ грѣховной пропасти. И кто же о ней попечется? — «Я». Это «я», загроможденное мглою грѣховною и полумертвое, должно ожить, именно взять сознание въ свою руку — вниманіе и обратиться его къ Источнику Живота, прося себѣ жизни, а просить должно усердно и непрестанно — иначе быть не можетъ. «Я» должно ожить и, съ помощію Божіею вооружившись, покорить себѣ все, въ себѣ. А пока я не оживу, то и вѣра моя опасна, потому что вѣрю только поверхностно, а если заглянуть вглубь души, то я не вѣрю, а видно это потому, что я не боюсь Бога и не жалю себя, что по грѣхамъ буду вѣчно мучень, а разъ этого нѣтъ, то явно, что я невѣрующей, вѣра и въ бѣсахъ производить страхъ и трепетъ, а я поэтому хуже бѣсовъ, хотя и грѣшникъ, а въ то же время не боюсь и не жалю о себѣ.

Все это показываетъ, что большую во мнѣ имѣеть пажить врагъ мой — діаволъ, живеть во мнѣ —

въ крови моей и нервахъ, удерживаемый самими мною — моими страстями, даже и когда сподоблюсь Святѣныи, или молюсь усердно, и это только ненадолго и немного смиряеть его... Надо за это убояться, но не отчаиваться и не унывать, съ помощію Божіею сопротивиться ему. Всѣ люди пока въ мірѣ семь — на землѣ находятся подъ его владычествомъ, какъ «міродержателемъ вѣка сего», не лишены были и святые, нѣкоторые по попушенію Божію жить въ ихъ святыхъ тѣлахъ (Рим. 7:15, 25), но они не покорялись его владычеству. Зная это, и не

На землѣ метоха Крумица, близъ границъ земель Хиландарскаго монастыря, въ мѣстности весьма очаровательной и богатой растительностью, на значительной высотѣ надъ моремъ, создается съ благословеніемъ старцевъ обители св.

Пантелеймона, скитъ, названный «НОВОЮ ФИВАИДИОЮ». Здѣсь дозволено было селиться тѣмъ изъ русскихъ иноковъ, которыхъ гнали со своихъ земель монашествовавшие греки, жѣлая окончательно выгнать русскій элементъ со св. Горы.

слѣдуетъ предаваться унынію и опускать руки во время нападеній и поражений отъ него.

Какъ можетъ сей драконъ держаться въ человекъ, когда онъ освящается Святѣныи и въ то время, когда сподобляется Святого Тѣла и Крови Господней? «Кое общеніе събгу ко тѣмъ? — Это бываетъ такъ: Святое Причащеніе проходитъ во глубину души — «во утробу, въ сердцѣ» и опалаетъ бѣсовъ, гнѣздящихся на поверхности, въ крови и нервахъ — въ страстяхъ. И такъ бываетъ: во глубинѣ, во владычественномъ умѣ, въ сознаниіи и совѣсти Духъ Святой, а на поверхности въ страстномъ грѣховномъ характерѣ, сущемъ въ нервахъ и крови, остаются бѣсы, пока дѣйствуютъ страсти. Это видно

изъ того, что и послѣ Причащенія не чувствуется измѣненія на сердцѣ; но какимъ пришель, такимъ и ушелъ. А потому, несмотря и на нашу неизмѣнность, мы вѣримъ, что Господь дѣйствуетъ, и въ такомъ несоощаемомъ нами Причащеніи, на наше спасеніе: «вѣрою ходимъ, а не видѣніемъ». — Причастіе, какъ и лекарства, дѣйствуетъ не сразу, а послѣ очищаетъ бѣдами и искушеніями.

30-го Марта. Увлеченіе пустяками, прости меня, Господи. Днемъ увидѣлъ въ греческой книгѣ «О Пасхалии» нѣкое несогласіе съ нашей съ вечера на 30-ое, и давай копаться въ своей (это моя страсть), и прокопался до полдесьяго; совѣсть не переставала возбуждать, чтобы остановиться, но сладкая страсть взяла свое... Наконецъ, уже оторвавшись, вздохнуть! Да что же я дѣлаю, что за удовольствіе и какая польза и что за сладость? Карманы что ли набилъ или славу какую-нибудь приобрѣлъ, или тѣло упокоилъ — ничего, а время потеряно, правило упущено, а главное, Бога оскорбилъ... — Побѣдился.

Но этому побѣжденію еще не конецъ: такъовъ я, о горе мнѣ. Прости меня, Господи!

Полчасика помолился съ покаяніемъ, немножко всплакнулъ; больше молиться силы нѣтъ, отъ предълуцаго воскреснаго всенощнаго бдѣнія, а отдохнуль днемъ мало, а тутъ «это вражеское наважденіе» — и я весь истомленный легъ спать. Отъ истянутости нервовъ трудно было сразу заснуть, поминутно пробуждался отъ страшныхъ грезъ: конечно, и тутъ ужъ не безъ врага, онъ, злокозникъ, всячески старается смутить душу, противящуюся ему. И какъ живо представляются эти страшныя грезы, какъ наяву чувствуешь, и въ полномъ уже сознаніи послѣ грезы тѣлесныя члены даютъ знакъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прикасался бѣсъ, остается ощущеніе, примѣры: хочу лечь на койку, вижу, ужъ тамъ лежитъ человѣкъ, помысль говорить — столкни его, и я ухватилъ его своей рукой за его ногу, и тутъ другой помысль сказалъ, что это бѣсъ, и я пробудился, а слѣдъ ощущенія въ рукѣ остался отъ того, что держалъ его за ногу; и при этомъ душа сильно содрогнулась отъ ужаса. И прочія грезы подобныя, и всегда такъ бываетъ у меня отъ переживания, и я сталъ уже привыкать къ этимъ ужасамъ, влаю себя въ волю Божію; если Ему, на мою пользу, такъ угодно попустить, чтобы врагъ насиловать меня, пусть хотя бы и съ ума я сошелъ, да будетъ Святая воля Его, Онъ знаетъ, Благой, что мнѣ на пользу, если Онъ и о воробьяхъ печется, то образа Своего оставить ли безъ попеченія? «Богъ не попуститъ, свинья не съѣтъ» совѣмъ. И такими мыслями ободряю себя въ страшныхъ случаяхъ.

День уже прошель весь въ молитвѣ, спокойно.

31-го Марта. Ночь по заведенному порядку опять не могъ молиться. Вечернюю 2-часовую молитву кончивъ удовлетворительно, въ промежуткѣ до утренней заснулъ за перепицкой, сидя за столомъ, и проспалъ 6 часовъ. Послѣ молился уже наряду четыре часа ревностно, и въ концѣ на канонѣ, съ стугбымъ дѣланіемъ молитвы, сподобилъ Господь хорошо поплакать.

Слава Богу за все, устроющему спасеніе наше и вразумляющему насъ нашими десницами и ошуми состояніями, т. е. возстаніями и паденіями нашими: все строя намъ на пользу, «праведныхъ любя и грѣшныхъ милуя».

Изъ временныхъ попушеній врагу издѣваться надъ нами, за наши же попользованія на его приманки грѣховныя, хотя и невѣдомая, не надо заключать, что если не можешь съ собою справиться, то уже и Богъ совѣмъ оставилъ тебя — это вражеское внушеніе, чтобы ввести въ отчаяніе. «Богъ всѣмъ хочетъ спастися...» и никакого грѣшника не оставляетъ совѣмъ, даже и язычника, и безбожника невѣрующаго; но всѣмъ хочетъ въ разумъ истинный прійти». Тутъ и усматривается третья степень благодати, спасающей человѣка:

1-я степень — совершенныхъ, въ которыхъ уже вся дѣятельность ихъ поглощается благодатію;

2-я степень — среднихъ, въ которыхъ всякая ихъ добрая и святая дѣятельность совершается съ успѣхомъ и услажденіемъ — отрадло;

3-я степень — начинающихъ покаяніе, у нихъ бываетъ не всегда одинаково, но то такъ, то сякъ — то сдѣлается легкость на молитвѣ и охота, какъ и ко всякому доброму дѣлу, а то, какъ говорится, все изъ рукъ валится; и ноетъ тогда слабая душа, а врагъ съѣтъ отчаяніе, разными мрачными помыслами.

Но надо знать и не забывать, что и тутъ близъ Господь къ призывающимъ Его во истинѣ смиреннаго покаянія. Онъ тутъ возлѣ тебя, и смотреть на твой подвигъ, какъ ты борешься со врагомъ — дьяволомъ, ждешь отъ тебя побѣды, чтобы наградить тебя здѣсь — сію же минуту благою мыслію и радостію и веселіемъ, а въ будущей жизни — вѣнцемъ нетлѣнія. Но если замѣтитъ въ тебѣ сомнѣнія и чуждо присвоеніе, то для блага тебѣ попускаетъ паденіе для тебя, чтобы ты смирился и на-утился охраненію себя въ подобающемъ чину смиренія. Св. Отцы сказали, что съ новоначальными благодать сперва какъ бы стропотно — недоувѣрчиво: «Исусъ же не ввѣрлялъ Себя чловѣкамъ, Самъ зналъ, что въ чловѣцехъ».

Съ новоначальными благодать есть охраняющая, какъ бы «поодоль», не довѣряясь еще.

Въ среднихъ — ведущая: какъ бы за руку водить и все имъ легко и радостно.

Въ совершенныхъ благодать — несущая: они чувствуютъ себя какъ бы на крыльяхъ лѣтять — безъ

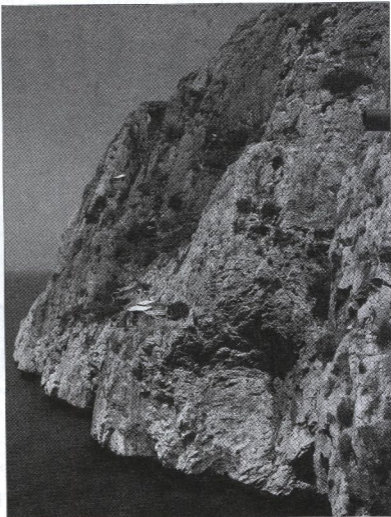
понуженный, потому что въ нихъ прекращается всякая ихъ дѣятельность. У первыхъ — совершенныхъ, своей дѣятельности нѣтъ никакой, а одна Божія благодать; у вторыхъ — среднихъ, совместно своя дѣятельность и благодать Божія: и имъ исполненіе заповѣдей Божіихъ — легко; у третьихъ — новоначальныхъ, своя дѣятельность превышаетъ, а благодать помогаетъ изрѣдка, и усугубляетъ свою помощь по мѣрѣ смиренія человѣка: «Смирненнымъ дается благодать, а гордымъ Богъ противится». Насколько — доколь человѣкъ надѣется на себя, и временные отъ помощи Божіей успѣхи въ исполненіе Его Святой воли присвоиваетъ себѣ, дотолѣ и благодать Божія посѣщаетъ рѣдко; а когда станетъ разсчитывать — надѣяться во всемъ на помощь Божію и все успѣхи приписывать — относить къ помощи Божіей, тогда и благодать будетъ посѣщать чаще.

А когда человѣкъ весь — всего себя — умомъ и чувствомъ, безвозвратно отдаетъ Богу, тогда и благодать вселяется въ него навсегда.

«Вселюся въ нихъ и похожду», и будетъ имъ Богъ «всяческая во всемъ»: «и еже хотѣти и еже дѣяти». И рѣчетъ человѣкъ: «Не къ тому азъ себе живу, но живеть во мнѣ Христосъ».

Ему Слава Со Отцемъ и Духомъ, нынѣ (1948 г.), и всегда, и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

1-го Апрѣля. Бдѣніе провелъ неудовлетворительно; съ вечеру опять увлекся пустяками, («Пасхалія»). Молился наряди 4 часа лѣнливо, и стоялъ, и сидѣлъ, и ходилъ, и сонмъ забывался, но все время все таки боролся; и падалъ, и вставалъ, было немного и умиленіе. Кончивъ бдѣніе измученнымъ, сильно растрожилъ нервы; отдохнулъ часъ еще за писаніемъ и полдевятого легъ спать. Опять сразу не могъ заснуть, отъ нервности и перебора сердца и отъ страшныхъ грезъ нѣсколько разъ пробуждался, но все таки уснулъ и сладко спалъ 6 часовъ. Отдохнулъ хорошо. Сталь на молитву: смущеніе почуялъ отъ унынія, но вооружившись

Фрихта (ужасная) Карулія.

благоупованіемъ, скоро все прошло. Мысли на это были такія: «Согрѣшилъ многоспаніемъ и тѣлеснымъ покоемъ, да еще и грѣшить и уныніемъ? Все это врагъ, онъ и сна напустилъ, чтобы потомъ уныніемъ въ отчаяніе вести. Прочь отъ меня, супостать, я Богу хочу работать. Слава Богу, что я подкрѣпился сонмъ и теперь есть сила молиться бодренно и трезво». И такъ, Слава Богу, кончилъ 2-хъ часовое правило.

Давно не писать дневника, да и писать было нѣчего, все время прошло въ суетѣ — не подвизался, — не по нерадѣнію, а житейскія, хозяйственные попеченія заняли. Вотъ уже 30-ое Сентября, пришла мысль: «Записать, что испыталъ на вечерней молитвѣ».

Продолженіе въ слѣдующемъ номерѣ.

300-лѣтіе Александрo-Невско́й Лавры

Въ Петербургѣ торжественно отмѣчаютъ 300-лѣтіе Александрo-Невско́й Лавры. 12-го Сентября, въ день перенесенія мощей Александра Невскаго съ самаго утра надъ сѣвѣрной столицей не смолкаетъ колокольный звонъ. А по улицамъ прошли сразу два крестныхъ хода. На торжества съѣхались тысячи вѣрующіихъ. Въ крестномъ ходѣ только по приблизительнымъ подсчетамъ приняли участіе 100 тысячъ человѣкъ. Многие горожане присоединились уже во время движенія колонны. Центральныя улицы Петербурга заполнили рѣки людей. На груди у вѣрующіихъ праздничныя ленты цвѣтовъ ордена Александра Невскаго, священнослужители въ одинаковыхъ праздничныхъ ризахъ. Ихъ сшили въ монастырской мастерской специально къ празднику. Колокольный звонъ сопровождалъ вѣрующіихъ на всемъ пути слѣдованія. На центральныхъ улицахъ установили временныя звонницы. Люди пѣшкомъ прошли

около четырехъ километровъ: отъ Казанскаго кафедральнаго собора по Невскому проспекту до Александрo-Невско́й Лавры. Впервые изъ главнаго храма города вынесена Казанская икона Божьей Матери. Въ рукахъ у горожанъ иконы Святаго Александра Невскаго — небеснаго покровителя города. Навстрѣчу имъ изъ Свято-Троицкаго собора Лавры вышелъ крестный ходъ съ мошами Святаго Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго во главѣ съ Патриархомъ. Участники обоихъ крестныхъ ходовъ встрѣтились на площади Александра Невскаго. Празднованіе началось еще утромъ съ Божественной литургіи въ Свято-Троицкомъ соборѣ, которую возглавилъ Святейшій Патриархъ Московскій и всея Руси Кирилль. Ему сослужили 24 архіерея — всѣ либо родились въ Петербургѣ, либо здѣсь были рукоположены.

СВЯТОЙ ЦАРЬ

Царь — это Солнце блистательной славы;

Царь — это гордость страны,
Грозная сила могучей державы,
Страшный врагам без войны.

Царь — это вѣра и правда святая;
Звонъ златоголовыхъ церквей,
Русь богомольная, Русь вѣковая
Дѣловъ... отцовъ... сыновей.

Царь — это вдовы отертыя слѣзы,
Трудъ безмятежный въ глуши,

Царь — это лучшая, свѣтлая греза
Любящей русской души!

Кто видѣть въ жизни только разъ
Сіянье кроткихъ Царскихъ Глазъ,
Тому Ихъ вѣкъ не позабыть
И Тѣхъ Очей не разлюбить.

Кому ихъ встрѣтить довелось,
Въ томъ сердцѣ вѣрою зажлось
Того въ дни бѣдствій не смутятъ
Ни зло людей, ни смертный ядъ.

Всегда и всюду передъ нимъ
Блестятъ величіемъ своимъ
Глаза, Которымъ равныхъ нѣтъ
Въ грѣховномъ мірѣ слезъ и бѣдъ.

Сергій Бехтѣевъ